

АЛЬВИН КАСПАРИ

ПОКОРЕННЫЙ КАВКАЗ

БОРЬБА ЗА КАВКАЗ

ВЕЛИКИЕ ПОДВИГИ РУССКИХ
ПОЛКОВОДЦЕВ И ВОИНОВ

УМИРОТВОРЕНИЕ КАВКАЗА

БЛАГОПОЛУЧИЕ
ВЕЛИКОЛЕПНОГО
КРАЯ

Альвин Андреевич Каспари

Покоренный Кавказ (сборник)

текст предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=17875758
Покоренный Кавказ: Центрполиграф; Москва; 2016
ISBN 978-5-227-05777-8

Аннотация

Книга «Покоренный Кавказ» впервые увидела свет в Санкт-Петербурге в 1904 г. Альвин Андреевич Каспари – выходец из Германии, русский издатель и книготорговец. Он издавал журналы «Родина», «Новь», «Всемирная новь», серии книг «Библиотека романов», «Дешевая библиотека русских классиков» и такие научно-популярные труды, как «Всемирная история Каспари».

В книгу «Покоренный Кавказ» входит 14 очерков, рассказывающих о природе, народонаселении и истории Кавказа с древних времен до конца XIX века. Главное внимание уделено драматическим событиям Кавказской войны, завершившейся пленением предводителя горцев Шамиля. Авторы очерков – известные в свое время историки и публицисты. Несмотря на то, что впервые книга вышла в свет более века назад, другого подобного труда, дающего столь полное и разностороннее представление о Кавказе, не издано в России до сих пор.

Содержание

Предисловие	5
Очерк первый	8
Кавказ	9
Очерк второй	20
Далекое прошлое многострадальной Грузии	21
Радости и беды прекрасной Грузии	26
Очерк третий	33
Яссы и Русь	34
Русь в Предкавказье	37
Лев Ирана	41
Москва и Кавказ	44
Очерк четвертый	57
Кавказские горцы	58
Быт и нравы горных орлов	64
Горные орлы и их гнезда	70
Очерк пятый	87
Вступление Петра в Дербент	88
Послепетровские успехи и неудачи	91
На Кубани и на Тереке	98
Грузия накануне своего конца	106
Конец ознакомительного фрагмента.	107

Альвин Каспари

Покоренный Кавказ

© ЗАО «Издательство Центрполиграф», 2016

© Художественное оформление, ЗАО «Издательство Центрполиграф»,
2016

Предисловие

Предлагаемое читателям издание «Покоренный Кавказ» в общем, своем стройном целом является книгою совершенно новою по своему типу. Ввиду этого мы считаем нелишним сказать здесь несколько слов как о целях настоящего издания, так и о плане, которым руководствовалась редакция при распределении литературного и художественного материала.

Шестидесятилетняя борьба Руси с населявшими Кавказ народами и племенами, борьба, начало которой, по сущности событий, может быть отнесено к временам седой древности, эта борьба уже сама по себе представляет чудную картину, которая напоминает каждому русскому о славных делах его предков. Чем дальше несется время, чем более проходит лет, тем большею славою разгораются бывшие подвиги, тем более удивления вызывают они. Что недавно еще было только историческим событием, то становится легендою; как на волшебную сказку, взирают потомки на действительность, героями которой явились их предки; по мере же того, как *tempora mutantur* – времена меняются, а вместе с ними меняются и люди, кое-что, а иногда и не кое-что, а очень существенное, но не особенно яркое, позабывается, утеривается из памяти, и вот настоящее издание восстановит в памяти все более замечательные события, отметит все наиболее замечательные эпизоды борьбы и, наконец, представит современную картину умиротворенного и покоренного Кавказа.

Другими словами, редакцией руководило стремление в одном литературном произведении соединить по возможности все, что знакомит современного читателя с историей, этнографией, географией Кавказа, с историческим и современным бытом его обитателей, а главное – с тем героизмом русских людей, который проявлен был при покорении и умиротворении этого великолепного края, и с тем, что явилось последствием этого героизма, то есть какие благотворные результаты принесло присоединение всего Кавказского края к нашей великой и могучей матери – Руси православной.

Все сочинение о покоренном Кавказе состоит из отдельных очерков, написанных разными авторами, причем каждый очерк, являясь самостоятельным произведением, в то же самое время имеет непосредственно тесную связь с предыдущими и последующими, так что все, вместе взятые, очерки составляют в общем стройное целое, рисующее подробную и полную картину Кавказа – и исторического, и современного.

Первые очерки посвящены общему географическому описанию Кавказа. Описаны довольно подробно Кавказский хребет и его отроги, причем в этом описании особенное внимание обращено на те местности, в пределах которых происходила героическая борьба XIX столетия. Без такого описания мало было бы понятно дальнейшее: походы покорившего Кавказ Ермолова и его преемников, умиротворивших его. Затем обширный очерк посвящен историческому описанию Грузии, которая была могучим политическим организмом, привлекая, так сказать, Русь в Закавказье. Подробно описаны затем исторические взаимоотношения Руси и Кавказа с времен глубочайшей древности до покорения Приморского Дагестана императором Петром Великим, и, наконец, кавказская старина пополнена описанием важнейших горских народов и племен, с которыми в недалеком прошлом пришлось выдерживать Руси тяжелую борьбу.

Этими очерками завершается ознакомление читателя с отдаленным прошлым Кавказского края, и в дальнейших очерках уже рисуется прошлое более близкое. Наиболее важные моменты этого прошлого – приближение грозной русской силы вплотную к Кавказу, присоединение Грузии, Имеретии, Абхазии к владениям Белого царя, начало борьбы за Кавказ с Персией и Турцией, начало отчаянной борьбы с горскими народами, великие подвиги русских полководцев и воинов в этой титанической борьбе и, наконец, покорение Кавказа при знаменитом Ермолове и завершение борьбы за него с Персией при Паскевиче – вот главное содержание последующих очерков, вводящих читателя в третью стадию Кавказской войны: умиротворение Кавказа. Следует отметить, что эти очерки пополнены интересным очерком о газавате – священной войне, на почве которой разыгралась ужасная драма, закончившаяся лишь в 1859 году пленением Шамиля. Эта последняя служит содержанием дальнейших очерков, авторы которых, пользуясь новейшими источниками, передали в живом, полном движении изображении все наиболее выдающиеся моменты титанической борьбы, прославившей в одинаковой степени и победителей, и побежденных.

Этими очерками заканчивается описание войны за Кавказ, и в следующих читатель находит уже описание покоренного и умиротворенного Кавказа, то есть картины современного состояния Кавказского края, когда после долгой, упорной, кровопролитной борьбы появились наконец ее благотворные результаты, когда ценою величайших жертв создавалось благополучие огромного края, развивалась его добывающая промышленность, расцвела поставленная на прочную почву торговля, – словом, когда Кавказ, не так еще давно представлявший собою разбойничье гнездо дикарей, помышлявших только о грабеже и насилии, стал цветущей страной, обязанной этим своим процветанием исключительно одной только России и ее самоотверженным сынам. Эти заключительные очерки как бы представляют собою итоги великой борьбы – итоги, которые читатели видят воочию, ибо изображение современного Кавказа – это действительность наших дней.

Таков общий план, которым руководствовались мы при составлении очерков «Покоренного Кавказа» и расположении их в последовательном порядке. Думается, что в этом случае вполне достигается заветная наша цель – представить, как выше было сказано, полную во всех отношениях картину великолепного края, являющегося одним из лучших украшений нашей дорогой матери – Руси православной. Думается также, что подобное издание будет встречено с полным интересом нашими читателями. Ведь прошлое, да еще свое прошлое – прошлое своего отечества, родное прошлое – всегда интересно, а сопоставление этого прошлого с настоящим, являющимся его непосредственным последствием, только усугубляет

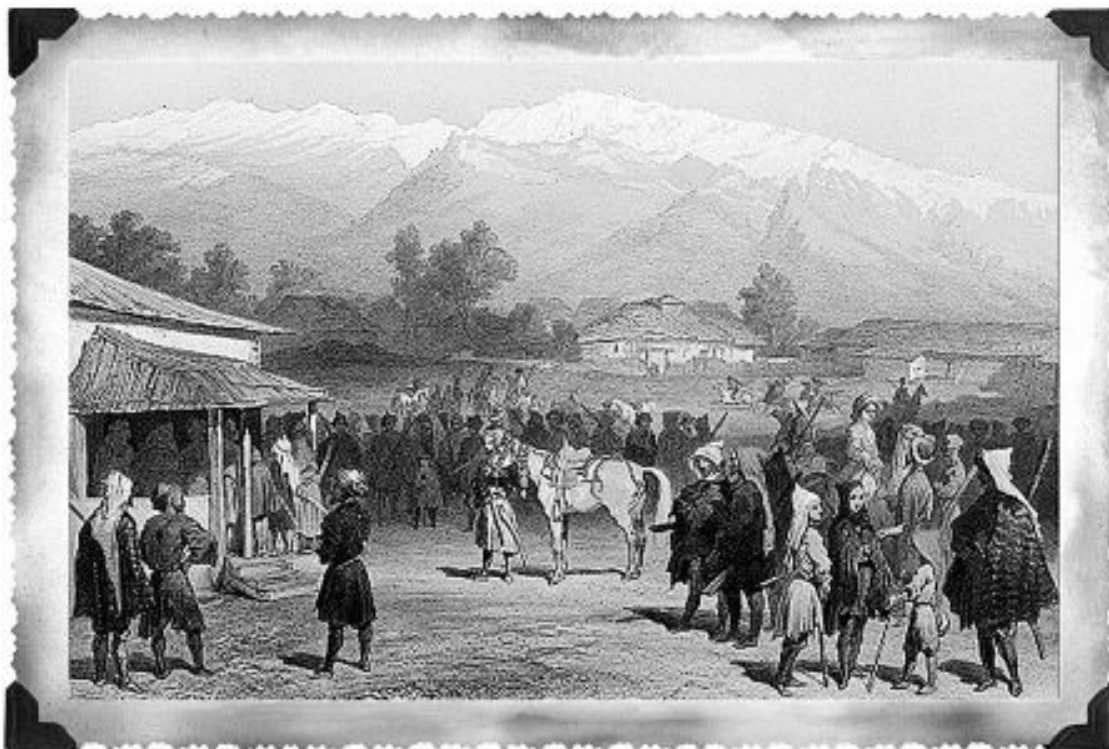
этот интерес. Мало того, родное прошлое необходимо знать каждому, и если повествование о нем представляется не в скучной прозаической форме, а в живом изложении, то такое повествование легко запоминается при чтении, то есть читатель незаметно для самого себя приобретает обогащающие его знания, а к такому способу повествования стремятся все издания «Родины», в числе которых, смеем думать, сочинение «Покоренный Кавказ» по вниманию к нему читателей займет не последнее место.

Таково содержание этого нового нашего издания, и мы позволяем себе питать полную уверенность, что наши труды не останутся напрасными и книга очерков «Покоренный Кавказ» заслужит внимание своих читателей.

Очерк первый Предкавказье, Кавказ, Закавказье

*Я покажу ему титана,
Который сед и стар, как бес,
В огромной области тумана
Всегда в войне против небес.
Из ребр его окаменелых,
Мильоном вод оледенелых,
Шумят и летом, и зимой
Ручьи с свирепой быстротой.
Напрасно жар полдневный пышет,
Сразясь с тройным его венком, -
Сердит и пасмурен, он дышит
Одними вьюгами и льдом.
Кругом от моря и до моря
Хребты гранита и снегов,
Как Эльбурис, с природой споря,
Стоят от бытности веков.
И неприступная сияет
Из облаков их высота;
Туда лишь дерзкая мечта
С царем пернатых долетает.*

А. И. Полежаев

Кавказ

Помните, как у Лермонтова:

Печальный Демон, дух изгнания,
Летал над грешною землей...

Он, этот печальный, скучающий Демон, парил на своих крылах высоко-высоко. С горной высоты открывались перед ним дивные картины. Он парил над Кавказом...

Под ним Казбек, как грань алмаза,
Снегами вечными сиял,
И, глубоко внизу чернея,
Как трещина, жилище змея,
Вился излучистый Дарьял.
И Терек, прыгая, как львица
С косматой гривой на хребте,
Ревел, – и горный зверь и птица,
Кружась в лазурной высоте,
Глаголу вод его внимали;
И золотые облака
Из южных стран, издалека
Его на север провожали;
И скалы тесною толпой,
Таинственной дремоты полны,
Над ним склонялись головой,
Следя мелькающие волны;
И башни замков на скалах
Смотрели грозно сквозь туманы —
У врат Кавказа на часах
Сторожевые великаны!

Словом, открывалась такая картина, которой залюбовался бы каждый смертный, если бы очутился в положении этого лермонтовского Демона...

Увы! Такое высшее духовное наслаждение еще недоступно для живущих на земле, и только лишь вдохновение поэтов воспаряет на недостижимую высоту, откуда во всем своем объеме открывается чудотворная красота, свидетельствующая о могучей силе природы, о величии Творца-Миросоздателя... Так отнеслись бы к открывшейся картине смертные, но гордый дух

Презрительным окинул оком
Творенье Бога своего,
И на челе его высоком
Не отразилось ничего.

Демон был пресыщен красотами природы и вскоре обнаружил извращение эстетического вкуса, влюбившись в красоту Тамары, в земную жалкую красоту, которая ничто, тлен в сравнении с той дивной красотой, что открывалась ему с горной высоты, когда

Над вершинами Кавказа
Изгнанник рая пролетал...

Но зато совсем не «по-демоновски» отнесся к Кавказу великий русский поэт Александр Сергеевич Пушкин.

Его очаровал Кавказ...

Очутившись на вершине одной из гор, кажется Казбека, поэт вдохновенно восклицает:

Кавказ подо мною. Один в вышине
Стою над снегами у края стремнины;
Орел, с отдаленной поднявшись вершины,
Парит неподвижно со мной наравне.
Отселе я вижу потоков рождение
И первое грозных обвалов движение.

Здесь тучи смиренно идут подо мной;
Сквозь них, низвергаясь, шумят водопады;
Под ними утесов нагие громады;
Там ниже мох тощий, кустарник сухой;
А там уже рощи, зеленые сени,
Где птицы щебечут, где скачут олени.

А там уж и люди гнездятся в горах,
И ползают овцы по злачным стремнинам,
И пастырь нисходит к веселым долинам...

Это – уже мирная картина Кавказа. Поэт очарован. Он лишь потом ощутил всю дикую прелесть этих гор, которые тогда только что становились достоянием Руси. В то время, когда Пушкиным написано это прелестное стихотворение, лишь часть Кавказского хребта находилась во власти России, и за Кавказ начиналась ожесточенная борьба с Персией, Турцией, а вместе с этим славный Ермолов уже одно за другим прибирал к рукам дикие и полудикие горские племена, обитавшие на Казикумьской равнине, в Дагестане, Чечне, Осетии, в обеих Кабардах, Большой и Малой, и стране Адыгее.

Но не будем забегать вперед и, прежде всего, познакомив читателя с поэтическими описаниями Кавказа, бросим на него взгляд прозаика. Но и тут мы сейчас же увидим, что поэзия и проза – родные сестры, ибо и прозаическое описание только дополняет собою то, что диктовало о нем великим русским поэтам их могучее проникновенное воображение.

Что такое Кавказ? Это необходимо установить в начале нашего труда, дабы потом, при дальнейшем повествовании, не возвращаться постоянно вспять.

Собственно, под именем Кавказа должно разуметь площадь земли, покрытую горным хребтом и его отрогами, тянущимися несколько наискось по Понто-Каспийскому перешейку от Черного до Каспийского моря.

То свободное от гор, почти степное пространство, которое раскинулось на север от хребта, называется Предкавказьем, или Северным Кавказом, а находящаяся на юге от главного поперечного хребта горная страна носит название Закавказья. Таким образом, то, что мы называем общим наименованием «Кавказский край», состоит из Предкавказья, Кавказа и Закавказья. Во всей своей целокупности этот край ныне принадлежит России и перешел

к ней лишь после упорнейшей борьбы, в которой святою русскою кровью омылись «утесов нагие громады».

Займемся же здесь пока одним Кавказом, то есть горным хребтом, пересекающим Понто-Каспийский перешеек.

Кавказ на западе подходит к самому Черному морю, заканчиваясь на его побережье около когда-то могучей турецкой крепости Анапа. На востоке он подходит почти к самому Каспию, заканчиваясь около Апшеронского полуострова горою Ильхи-Даг, поднимающейся над морем на северо-западе от прибрежного каспийского города Баку.

Это – Главный Кавказский горный хребет, или Большой Кавказ, служащий также водоразделом для бассейнов рек Предкавказья и Закавказья.

Площадь, занятую его горами, исчисляют обыкновенно в 2600 квадратных миль. Если провести прямую линию от Анапы до Ильхи-Дага, то длина ее будет 1100 верст, но так как хребет идет извилинами, зигзагами, то на них нужно накинуть еще 320 верст и, таким образом, длина непрерывного горного водораздельного хребта определится в 1420 верст, причем ширина его будет колебаться между 90 и 200 верстами. Водоразделом Кавказ является для бассейнов рек Кубани, Терека, Сулака и Самура, текущих в Предкавказье, и бассейнов рек Закавказья: Ингура, Риона и Куры.

Ученые-геологи разделяют Кавказ по его профилю на семь довольно заметно отличающихся одна от другой частей, из которых каждая носит свое определенное название.

Самой высокой частью хребта представляется так называемый Эльбрусский Кавказ, средняя высота которого над уровнем моря равняется трем с небольшим – трем с половиною верстам.

Заметьте, это – средняя высота, то есть величина искусственно вычисленная. Как раз в этой самой части, протяжение которой на расстоянии 160 верст ограничивается истоками рек Кубани на западе и Ардона на востоке, вздымаются самые высокие вершины хребта. Здесь именно Кавказ покрыт шапкою из вечных снегов и ледников. Своими пиками он уходит в облака. Есть утесы и скалы, на которые не ступала нога человеческая. Здесь вздымаются знаменитые Эльбрус и Казбек...

Западноевропейцы кичатся своими Альпами и в восторге от своего Монблана. А Альпы в сравнении с Кавказом – пигалица, Монблан – мальчишка и щенок в сравнении не только с Эльбрусом или Казбеком, а даже с их меньшими братьями. Кавказ почти всюду выше Альп. Исследователи Кавказа насчитывают в нем до ста пятидесяти вершин, вздымающихся выше трех с половиною верст над уровнем моря, и двадцать пиков, которые превышают значительно Монблан, эту прославленную знаменитость Западной Европы...

Но вернемся к Эльбрусскому Кавказу.

Он залег под своими снегами и ледниками, и только немногие труднопроходимые перевалы доступны в нем людям. Эльбрусский Кавказ – весь дикое величие. Главный хребет отбрасывает на север недлинные могучие отроги, и именно на них вздымаются в заоблачные высоты высочайшие вершины всего хребта. Вот великан Эльбрус. Он даже не великан, а прямо гигант. Шутка ли, его высота над уровнем моря – пять с четвертью верст, да еще «с хвостиком». Эльбрус в 20 верстах от Главного хребта. Его зовут также Минги-Тау, и это – самая высокая гора всего Кавказского края.

Пять с четвертью верст! Высота, можно сказать, «высокопочтенная»... Но этого мало: Эльбрус, залегший на границе Кубанской и Терской областей, вздымается в небеса двумя почти одинаковыми по своей высоте вершинами; разница между ними в этой высоте пустячная – без очень немногo 13 с половиною сажен.

С Эльбрусом высотой спорит Казбек, тот самый, который у Лермонтова спорил с Шат-горою и, как только увидел надвигающихся на горы кавказских чудо-богатырей с их чудовожем Ермоловым,

Грустным взором он окинул
Племя гор своих,
Шапку на брови надвинул
И навек затих.

И хорошо сделал, ибо «Петрович», то есть Алексей Петрович Ермолов, покоритель Кавказа и кумир кавказских воинов, шутить не любил. Дагестан, Чечня, Кабарда Большая и Кабарда Малая, Адыгея на собственном примере убедились в этом. «Петрович» стер их так, что, не оклеветав его перед великим государем злые вороги, не было бы еще сорока лет войны за Кавказ...

Но после, после об этом...

Казбек, у древних – Котакс, в незапамятные времена был вулканом. Теперь он, конечно, давным-давно потух, но зато вместо лавы грозит людям своими ледниками, в особенности Девдоракским. Там-то бывают частые обвалы, там-то под снежной лавиной чаще всего гибнут люди. Казбек пониже Эльбруса. Он взлетает ввысь на четыре с половиною версты с лишком, но тем не менее он производит своею, так сказать, «наружностью» очень внушительное впечатление...

Высоко над семьею гор,
Казбек, твой царственный шатер
Сияет вечными лучами!.. —

поет о Казбеке незабвенный Пушкин.

Однако Казбек принадлежит уже не к Эльбрусскому, а к Терскому Кавказу, который тянется от устья реки Ардон на восток до горы Барбало, но между ним и Эльбрусом расположены самые высокие вершины хребта. Эльбрус высок, но и вокруг него тоже не малыши: тут находятся лишь немногим уступающие своему гиганту-соседу Дых-Тау, Коштан-Тау, Шхара, Джанги-Тау, Тетнульд, Ушба, Адиш-Адай-Хох, завершающий собой Эльбрусский Кавказ. Самый «крошечный» из них – последний, Адай-Хох, но и он взвился над уровнем моря на высоту более чем четыре с четвертью версты. О высоте остальных можно судить уже по этому «малышу».

Эльбрусский Кавказ, как уже сказано выше, отличается своей величавой дикостью. На север он бросил отроги, а на юге параллельно ему тянется Сванетский хребет с главной вершиною Шода, уходящей ввысь на высоту несколько более трех верст. Между Сванетским хребтом и Эльбрусским Кавказом пролегли долины рек Ингура и Цхенис-Цкали, а с востока к южному склону Эльбрусского Кавказа примыкает долина верховьев Риона, отделенная как от вышеупомянутой долины Ингура, так и от долины Кодора отрогами Главного хребта.

Терский Кавказ, тянувшийся на протяжении 120 верст, не так дик, но еще более живописен. Он идет двумя гребнями: водораздельным и передовым. Казбек – в передовом. Около него в том же гребне великаны: Тепли, Джимирай-Хох, Цмиаком-Хох, а по соседству в водораздельном: Зильга-Хох, Зикари, Чоухи, Барбало. Они, эти великаны, все будут малость пониже Казбека, и самый маленький из них – это завершающий на западе Терский Кавказ Барбало, поднимающийся на три с небольшим лишком версты над уровнем моря.

С Казбеком все-таки трудно расстаться... Слишком популярен он среди нас, русских людей, куда более популярен, чем его больший брат – Эльбрус. Казбек – излюбленное детище поэтов, тогда как о великом Эльбрусе поэты помалкивают. Может быть, это потому, что Казбек более доступен для человека, чем Эльбрус, а может быть, потому, что на него

благодаря доступным перевалам люди чаще обращают внимание, тогда как гигант Эльбрус замкнулся в своей дикости и никого не пускает на свои подоблачные высоты.

Здесь кстати будет сказать, что наименование «Казбек» совсем новое, существующее не более столетия. В Закавказье у грузин эта гора была известна под именем «ледяной» – Мкинвари, в Осетии ее величали Урс-Хох, что значит «белая гора», Хресте-тсуд, то есть «Христова гора». Казбеком его окрестили уже русские от имени грузинского моурави Казибека, наследственные владения которого находились на том же пути, по которому шел путь через горные перевалы Терского Кавказа из Предкавказья в Закавказье. На Кавказе шесть гор выше Казбека: Эльбрус, Дых-Тау, Коштан-Тау, Шхара, Джан ги-Тау и в стороне Арарат. Из них разве только последний пользуется такою же популярностью, как Казбек, да и то лишь потому, что на Арарате, по библейскому сказанию, остановился после потопа ковчег праотца Ноя. Причинами популярности Казбека может также служить указанное выше грозное обстоятельство. На Казбеке восемь ледников, и самый большой из них, Девдоракский, чаще всего сползает своими лавинами на проходящую под Казбеком по Крестовому перевалу Военно-Грузинскую дорогу. Таким образом, Казбек – гора беспокойная, и за ней волей-неволей приходится следить, а раз за Казбеком бдительно наблюдают, стало быть, он исследован больше, чем все остальные «спокойные» его соседи. Да он и в самом деле все-сторонне исследован. Чуть ли не каждая пядь земли на Казбеке описана, и сынам Туманного Альбиона, то есть англичанам, принадлежит честь первого посещения его вершины. Эти дошлые господа забрались на Казбек еще в 1867 году. Нога русского человека – топографа Кузьмина – впервые попирала вершину этого великана лишь в 1873 году.

От горы Зикари, соединяясь с нею, откидывается на юг в Закавказье небольшой, но тоже порядочной высоты Сурамский хребет, как бы соединяющий Большой Кавказ с Малым, о котором речь будет несколько ниже. У водораздельного хребта Терского Кавказа приткнулись высокие, отделенные друг от друга отрогами, поперечные котловины: Ардонская, Терская, Ассинская, Аргунская. В них, питаемые снегами из ледников, зачинаются реки, рвущиеся с высот Терского Кавказа в Предкавказье. Из них Терек и Ардон своим неистово бешеным разбегом прорывают горы передового хребта и вырываются в Предкавказье через знаменитое Дарьяльское ущелье. Тут:

Терек воеет, дик и злобен,
Меж утесистых громад,
Буре плач его подобен,
Слезы брызгами летят.

Дарьяльское ущелье – наикрасивейшее место на всем Кавказе. Только тот, кто пройдет по нему, будет иметь понятие о диком величии этих гор.

По Терскому Кавказу проходят через Крестовый перевал Военно-Грузинская дорога на Тифлис и через Мамисонский перевал Военно-Осетинская дорога на Кутаис; первый перевал залег на высоте несколько более двух верст, второй – на высоте более двух с половиною верст. Это были те пути, по которым впервые тронулась Русь из Предкавказья, где она прочно осела, в Закавказье, в Грузию...

К западу от Эльбрусского Кавказа – Кубанский Кавказ, начинающийся от истоков реки Кубани и кончающийся у горной группы Оштен, а от последней до Анапы – Черноморский Кавказ. На горе Фишта, в Кубанском Кавказе, если считать начало хребта от Черного моря, появляются первые вечные снега.

К востоку от Терского Кавказа, то есть по направлению к Каспию, от горы Барбалло до горы Сари-Даг, на протяжении 140 верст, Большой Кавказ называется Дагестанским Кавказом. Хребет здесь идет уже на понижение. Он отбрасывает от себя на север и северо-

восток отроги, образующие вместе с передовым хребтом горную страну Дагестан. Южный склон этой части Кавказа обрывист и отрогов почти не имеет; особенно высоких вершин в Дагестанском Кавказе нет, но ледники и вечные снега еще покрывают его вершины. Наиболее замечательные отроги: Перикительский, или Сулако-Терский хребет, разделяющий бассейны Терека и Сулака, потом Богосский, водораздел рек Андийского и Аварского Койсу, и Наукат – водораздел между реками Аварский Койсу и Кара-Койсу; хребет Андийский, заканчивающийся хребтом Салатавским. С севера же примыкают к Дагестанскому Кавказу глубокие поперечные долины: Тушинская, Дидойская, Анкратльская, в которых находятся истоки Андийского и Аварского Койсу, вырывающихся на север через передовой хребет и стремящихся к Сулаку. Тут же вытекают Казикумыкское Койсу и Кара-Койсу, скидывающиеся с северного отрога, служащего водоразделом между Сулаком и Самуром. На юге Дагестанский Кавказ крут и обрывисто падает в долину реки Алазани.

Несмотря на понижение хребта, в Дагестанском Кавказе благодаря чрезвычайной гористости совсем мало удобопроходимых путей сообщения; мешают этому и бешено несущиеся с высот реки, которых здесь становится все больше и больше.

Между перевалами наиболее проходимые – Кодорский, Саухенинский.

За Дагестанским Кавказом от горы Сари-Даг до Баба-Даг Большой Кавказ носит наименование Самурского. По характеру своему Самурский Кавказ очень похож на Дагестанский: отроги на север, крутизна на юг. В передовом хребте этого Кавказа – гора Шах-Даг, та самая, на которую лазил за девственным снегом герой повести Марлинского-Бестужева – Искендер-бек и на которой он познакомился со знаменитым разбойником Мулла-Нуром.

В Самурском Кавказе исчезают вечные снега, и эти снега – последние по направлению от Понта на Каспий – окутывают именно Шах-Даг. Наиболее замечательных перевалов два: Гудурский, от верховьев Самура на Закаталы, и Салатавский, по которому проходит Военно-Ахтинская дорога.

Наконец, завершает собою хребет Каспийский Кавказ, с незначительными уже вершинами. Вечных снегов здесь нет, заканчивается Каспийский Кавказ, как сказано выше, горою Ильхи-Даг, протяжение его – 160 верст.

Вот и весь Большой Кавказ – эта созданная самою природою перегородка на перешейке, соединяющем Европу и Азию.

Малый Кавказ – это обширное нагорье на юго-западе Кавказского края, с разбросанными по окраинам его горными цепями. Малый Кавказ, с северо-запада на юго-восток, в длину имеет 500 верст, а в ширину по перпендикуляру – 250. Он соединяется с Большим Кавказом посредством Сурамского хребта, который делит Закавказье на две резко противоположные друг другу части: восточную и западную.

В Азовское море впадает река Ея. У Еи есть приток Кугу-Ея. Почти соприкасаясь с последней, в озеро Маныч течет река Средний Егорлык. За озером, далее по рекам Западному и Восточному Манычу и еще далее по реке Гейдуку, впадающему в Кумский залив Каспийского моря, можно провести ломаную черту, которая явится, с одной стороны, южною границею области Войска Донского и Астраханской губернии, а с другой – северною границею Предкавказья или, как выше указано, Северного Кавказа. С запада – побережье Азовского и Черного морей, с востока – побережье Каспийского, вместе с вышеупомянутыми границами области Войска Донского и Астраханской губернии, а также Главным Кавказским хребтом, явятся пределами Предкавказья, ныне состоящего из Ставропольской губернии, областей Терской и Кубанской и Черноморской губернии.

Если по горным перевалам перекинуться на южную сторону Большого Кавказа, там будут губернии: Кутаисская, Тифлисская, Эриванская, Бакинская, Елисаветпольская, области: Дагестанская и Карсская и округ Закатальский. Эти губернии, области и округ составят нынешнее Закавказье.

Оно с востока и запада ограничено Каспийским и Черным морями. Проведя от мыса Копмуш, находящегося на Черноморском побережье несколько ниже Батума, на юг и потом на юго-запад ломаную линию так, чтобы она, направляясь по отрогам Понтийского хребта, пересекла речку Чорох, а за городом Ольты пошла по отрогам Саганлукского хребта, пересекла реку Аракс и далее прошла по водораздельному хребту Эгридаг, отделяющему бассейны рек Аракс и Евфрат, затем прошла по вершине Большого Арарата и вступила в седловину, связывающую Большой Арарат с Малым, мы получим государственную пограничную черту между Россией и малоазиатскими владениями Турции. Протяжение ее – 521 с половиною верста.

Далее начинается государственная граница с Персией.

Сперва она поднимается по реке Карасу до Аракса и идет уже по берегам этой реки, причем левый берег Аракса принадлежит России, правый – Персии. По Араксу она идет, поднимаясь на северо-восток до Карадулинского поста, и отсюда почти под прямым углом спускается к юго-востоку по Муганской степи до реки Болгаручай. По этой реке граница спускается на юг, проходит по гребню Талышинских гор и сворачивает по реке Астары на восток к Каспийскому морю. Тянется граница с Персией всего на протяжении 756 верст.

Итак, теперь точно и определенно мы знаем границы Кавказского края, или Кавказа, состоящего, как уже выяснилось, из Предкавказья, Кавказа и Закавказья. Но является новый и интересный вопрос: куда следует относить Кавказ – к Европе или Азии?

Население страны смешанное донельзя: арийцы, семиты, кавказцы, турки, монголы, финны. Языки тоже смешанные: индоевропейской и уралоалтайской семей, картвельской и западно- и восточно-горской групп. Религия в первых веках от Рождества Христова здесь преобладала христианская; в древние века великие завоеватели – римляне, забиравшиеся с завоевательными целями и сюда, дали стране свою высокую цивилизацию...

Так куда же причислить Кавказ?

Ученые-геологи отвечают на такой вопрос тем, что, по их объяснениям, Кавказ в своем общем целом никоим образом к Европе причислен быть не может.

Это – Азия, и Азия несомненная.

Доказывают это ученые тем, что на севере Предкавказья существует проходящая через весь перешеек Кумо-Манычская впадина, называемая так от реки Кумы, впадающей в Каспийское море, и озера Маныч. По геологическим исследованиям, во времена самой глубокой древности, когда еще земля переустраивалась в различные геологические эпохи, на месте нынешней Кумо-Манычской впадины был пролив, соединявший Черное море через Азовское с Каспийским, и упоминаемая выше впадина не что иное, как дно этого пролива.

На основании этих данных Кавказ в полном его объеме непременно должно относить к Азии. Исконные обитатели Кавказа неизвестны, но раз был этот пролив, отделявший Азию от Европы, то коренным населением страны могли быть только народы азиатского происхождения, для которых была полная возможность селиться здесь, приходя сюда сухим путем, тогда как народам европейского происхождения ради этого пришлось бы переправляться через водное пространство, что, конечно, не было для них возможным. Да и горы Закавказья указывают на то, что эта страна всецело связана с Азией, ибо в большей своей части Закавказье представляет собой нагорье и тем связано с западноазиатскими плоскогорьями, составляя с ними горные страны.

Итак, Кавказ – несомненная, неоспоримая Азия, и что в нем есть европейского – все это пришлое, наносное, хотя и утвердившееся уже на почве Кавказа не веками даже, а целыми тысячелетиями. По своему профилю Предкавказье – страна равнинная. Его равнины мерно переходят в придонские и приволжские степи на севере. В середине же Предкавказья поднимается так называемая Ставропольская возвышенность, разделяющая страну на Западное и Восточное Предкавказье и являющаяся водоразделом рек Черноморско-Азовского и Кас-

пийского бассейнов. Ставропольская возвышенность своею южною частью подходит к так называемым контрфорсам Большого Кавказа, воздвигающимся здесь террасами, и у города Ставрополя высочайшая его точка – 343 сажени над уровнем моря. У Пятигорска на этой возвышенности группа из пяти скалистых невысоких гор, из которых средняя называется Машук, а высшая – Бештау, соединяет Пятигорье с Большим Кавказом Ослиным хребтом. Южная часть Предкавказья, подходящая к Большому Кавказу, образует равнины: Кубанскую (Закубанье), Кабардинскую (Большая и Малая Кабарда), Владикавказскую (Осетия) и Чеченскую (Большая и Малая Чечня). На юго-востоке до дельты Терека тянется окончание Кумыкской низменности.

На то, что Кавказ принадлежит к Азии, не менее ясно указывают и реки Предкавказья.

Только Кубань и Терек, обязанные своим существованием ледникам и вечному снегу на вершинах Эльбурского Кавказа и питающиеся также одними только горными водотоками, представляют собой нечто значительное. Реки на севере Предкавказья ничтожны, кроме Еи. Этот север имеет степной характер, и по этому одному уже реки его мелки. Наиболее крупные северные реки: Ея, оба Маныча и Кума-Гейдук, по мелководью не подходящая даже к Каспию и образующая «проран» – нечто вроде огромного болота, в которое она и изливает свои грязные воды.

Ея не принадлежит, собственно говоря, к Кавказскому краю, а является только пограничной рекой.

Маныч вытекает из астраханских соляных грязей и впадает в Дон. Вода в нем горько-соленая, а речонки, впадающие в него, почти все носят название «горьких». Наиболее значительные из притоков Маныча: Калаус с Чхлой, Грушевкой и Атлой и вышеупомянутые Егорлыки.

Наиболее значительною рекою является Кума, древний Удон, у черкесов – Кума-иш, вытекающая из гор Большого Кавказа вблизи от того места, где в Кубань впадает Теберда. С правой стороны в Куму впадают Подкумок и Золка, с левой – Таплык, Кумские Барсуки, Средний и Сухой Карамык, Томузлов, Буйвола и Сухая Буйвола.

Кубань, древняя Гипонис и Алардае, у Птолемея – Вардан, у древних хазар – Урсуг, наименьшая река Предкавказья. Она скатывается из ледников Эльбруса с высоты 4 с небольшим верст и мчится прямо на север, затем у станицы Невинномысской довольно круто поворачивает на северо-запад и затем у станицы Телишбакской прорывается по равнине совсем на запад к Черному морю. У станицы Троицкой она делится на два рукава: одним впадает в Азовское море, другим – левым – в Черное, образуя обширный Кубанский лиман с тремя заливами: Кубанским, Темрюкским и Ачуевским – и двумя большими островами: Ачуевским и Таманью. Все пространство между обоими рукавами покрыто камышами, болотами, часто заливаемыми разливами. Притоки свои Кубань принимает только слева, ибо идет вдоль Кавказского хребта, со снеговых вершин которого берут начало питающие ее своими водами Теберда, Большой и Малый Зеленчук, Уруп, Лаба, Белая и некоторые другие. Справа в Кубань впадает Тохтамыш, Бетмак, Невинка, Барсуки, Горькая, Камышеватая, Терновка. Все они столь незначительны, что скорее могут почитаться ручьями, чем реками. Как и все горные реки, Кубань мелководна и становится доступною для судоходства, да и то с большими затруднениями, только от Екатеринодара.

Терек – река казачья, жалованная казакам самим Грозным царем Иваном Васильевичем...

Женился Грозный царь на черкесской княжне Марии Темрюковне, и тут случилось, что понаехали на Москву старшины гребенских казаков.

Вот они и говорят Грозному царю-государю, как это передается в одной старинной казачьей песне:

– Ой ты, батюшка наш православный царь!
Чем ты нас подаришь, чем пожалуешь?
– Подарю я вам, казаченки, да пожалую
Рекою вольною, Тереком Горынычем,
Что от самого гребня до синя моря,
До синя моря до Каспицкого.

И стал Терек Горыныч вольною казацкою рекою с той поры. И недаром его воспевали и казацкие баяны, и поэты великие и малые. По батюшке возвеличали его казачки, ибо вырывается он из ледников и катится вниз с высоты почти четырех верст, катится так, как одни лишь водопады катятся; Казбек обежал в своем беге, весь в пене, что подвернется – все сокрушает, горы прорвал и через Дарьял в равнину ворвался, у Владикавказа на волю выбрался – на плоскость, а еще от Дарьяла на северо-запад завернулся, но вдруг ударила в него речонка Малка, и Терек Горыныч круто завернул к «синю морю Каспицкому» и множеством рукавов ворвался в одном месте прямо в него, в другом месте – в Аграханский залив. Пока на север неся Терек Горыныч, все и справа и слева принимал к себе реки, а как повернул на восток, то только справа принимать стал – те реки, которые с родного ему Кавказского хребта к нему пробились: Сунжу принял, Сунжа приняла Ассу, Аргун, но Терек Горыныч не стал оттого доступнее, судоходство по нему невозможно: мелок он и быстр в то же время...

Терек – Теркх у армян, Терек у персов и турок, Терги и Ломехи у грузин. Из бесчисленных рукавов его дельты особенно выделяются три: Южный Аксай, который в то же время называется и Тереком, средний – Сухой Терек (Кара-Терек) и северный – Борозда, впадающий, в свою очередь, двумя источниками.

Терек замерзает из-за быстроты своего течения очень редко, и притом на три-четыре недели, не более. Кубань течет медленнее Терека, и продолжительность ее замерзания большая – с ноября до марта.

Следует сказать несколько слов о Дарьяльском ущелье, через которое прорывается Терек с гор в равнину. Грузины называют его Кхевизкари, древние арабы называли Баб-Алалак – Аланские ворота, другие древние историки – Кавказскими воротами, ибо отсюда вторгались в Грузию с севера скифы и сарматы и здесь были заграждавшие проход крепости. По народному преданию, здесь в оны времена жила разбойница по имени Дариэль, и памятником ее подвигов являются развалины замка-крепости с подземным ходом на Терек. Само по себе ущелье представляет две гигантских горных гряды, поднимающиеся отвесно справа и слева вокруг дороги, вьющейся по берегу бешено мчащегося вперед Терека. Малка, впадающая в Терек немного ниже Екатеринодара, вытекает тремя источниками из Карачаевских гор, около Екатеринодара она принимает в себя реки Баксан и Чегем, с притоками последней – Урваном, Нальчиком и Чалухвой, а также реку Черек, и, став рекою многоводною, ударяет в Терек, как бы заставляя его насильно изменить направление.

Есть еще реки, тоже горные. Но они уже прямо в Каспий текут. Таковы могучие, бурные, бешено мчащиеся по каменному руслу Самур и Сулак. Последний сразу из четырех рек составил: Аварское Койсу, Андийское Койсу, Казикумыкское Койсу и Кара-Койсу.

И Самур, и Сулак – это реки Дагестана, но они так же, как и Терек, текут по не особенно густо заселенным местам. У Черного моря чернозема много – там и люди селились охотно. У Каспийского – солончаки, пески, глина – селились лишь те, кто обрек себя на жизнь воина. И население здесь всегда было воинственно: и пришедшее, и оседлое, а на Кубани все потише было, хотя и там велась с обеих сторон отчаянная кровопролитная война.

Предкавказье носит равнинный характер, Закавказье в большей своей части – нагорье. В этом отношении, прежде всего, закидал Закавказье своими южными отрогами и контрфорсами Большой Кавказ, и особенная гористость имеется здесь в средней части Главного

хребта. Затем, в северо-западном углу Закавказья находится обширное нагорье – вышеуказанный Малый Кавказ, занимающий западное и срединное Закавказье; на северо-востоке – страна, занятая отрогами Понтийского хребта, обрамляющего север Малоазийского плоскогорья; юго-восток Закавказья имеет степной и равнинный характер, а на границе Персии поднимаются Талышинские горы.

Остановимся ненадолго на Малом Кавказе. Эта горная страна расположена между долинами рек Куры, Аракса, Риона и Чороха. По профилю своему Малый Кавказ состоит из ряда горных перепутанных между собой цепей, изрезанных ущельями. Местность очень дикая и живописная, резко разнящаяся в различных своих частях по своей растительности. Замечательна здесь по своей красоте, густоте своих лесов горная страна Чорохский край, раскинувшийся на западе Малого Кавказа.

Наиболее значительным хребтом здесь является уже упомянутый при описании Большого Кавказа Сурамский хребет, идущий от вершины Терского Кавказа – Зикари. Этот хребет, протянувшись на юго-запад и являясь водоразделом рек Куры и Риона, делит Закавказье на две почти равные, но совершенно различные по своему климату, растительности, характеру части – западную и восточную. Заканчивается Сурамский хребет вершиною Цхал-Цители и переходит уже в северную окраину Малого Кавказа, которая разрывается живописнейшим Боржомским ущельем с спускающейся по нему на восток рекою Курю. Западные скаты хребта носят название Аджаро-Ахалцихских гор; восточные – Триалетских. В первом наиболее замечательные вершины – Ненис-Цикро, Цхал-Цители, Самомлия, Зоти-мери. Из перевалов наиболее удобный Зикарский, по которому через Абас-Туман проходит дорога между Кутаисом и Ахалцихом. В Триалетских горах наиболее замечательные вершины – Кара-Кая, Арджевон, Ашора. От завершения этих гор идут уже южные окраинные горные цепи Малого Кавказа – Аджаро-Триалетские горы, значительно поднимающиеся над северными. К южной подошве примыкают котловина Ахалцихская, нагорье Ахаллакское, возвышенность Цалко-Лорийская, причем первая подходит к Ардагано-Карсскому плато, второе окаймляется на востоке так называемыми Мокрыми горами и примыкает к западной и восточной окраине Гокчинской котловины, откуда отбрасываются многочисленные отроги Триалетских гор, известные под общим наименованием Гокчинских. Наконец, Цалко-Лорийская возвышенность, вся покрытая многими отрогами и невысокими хребтами, спускаясь к реке Куре, переходит в Борчалинскую равнину. На некоторых вершинах Гокчинских гор круглый год лежит снег, ибо многие из них поднимаются на высоту полутора верст и более. Горы, окружающие Гокчинскую котловину, спускаясь во все стороны своими отрогами, образуют на северо-западе Казахскую горную страну, примыкающую к среднему течению Куры, на юге и юго-востоке Карабахское ущелье и на юго-западе Даралагезскую горную страну. На запад от Гокчи лежит Эривано-Алагезская возвышенность, название которой происходит от самой высокой вершины Малого Кавказа – потухшего вулкана Алагез, воздымающегося в высоту двух с половиною верст, и от этой возвышенности, уже на запад, начинается вышеупомянутое Ардагано-Карсское плато, сплошь состоящее из древних вулканических пород и представляющее собой ряды коротких горных хребтов и отдельных горных вершин. Заключает на крайнем юге Малый Кавказ высокий Эградигский хребет, тянущийся по восточной границе с Турцией, по правому берегу Аракса, бассейн которого отделяет от бассейна верхнего Евфрата.

Самые большие реки Закавказья – Рион и Кура с Араксом. Первый (Фазис – в древности) – самая крупная из рек Западного Закавказья, течет к Черному морю. Начинается Рион из южных склонов Большого Кавказа и течет с северо-востока на юго-запад. У Кутаиса Рион выходит из гор, круто поворачивает на запад и двумя рукавами впадает в Черное море. Другая из крупных рек Западного Закавказья – Чорох принадлежит своим низовьям России только на 84 версты.

Крупнейшая река Восточного Закавказья – Кура вытекает из находящихся на северо-западе от Карса болот Ардагано-Карсского плато. Отсюда Кура медленно течет на северо-восток, мимо Ардагана, скатывается с плато в Ахалцихскую котловину, проходит мимо Ахалциха, прорывается через Боржомское ущелье и, прорвавшись через Аджаро-Триалетские горы, повертывает у Гори на юго-восток. За Елисаветполем река выходит из гор и делает множество излучин, бежит к Каспийскому морю, принимает на пути около Джебета Аракс и двумя рукавами впадает в Каспий, образуя своею дельтою Сальянский остров. Левые, наиболее значительные, притоки Куры – Посховчай, Лиахва, Арагва, Алазань с Иорою; правые, менее значительные, чем левые, – Эрам, Акстафа, Тертер и, самый знаменитый, Аракс с Арпачаем, Карачаем, Зангой и Бергушетом.

Из озер Кавказского края наиболее замечательно озеро Бокча, в юго-восточной части Малого Кавказа. Другие озера незначительны, и о них будет упоминаться в случае надобности при описании современного Кавказа, точно так же, как и о реках, не имевших исторического и стратегического значения.

Русь на Кавказ прошла с севера. Сперва ее границей была Ея, потом Терек. С Еи уже на Кубань перебрались, а на Тереке в незапамятные времена еще русаки-казаки осели. До Закавказья им мало было дела. Знали, что там Кура с Араксом течет; знали, что у Куры Посховчай, Лиахва, Арагва, Алазань с Иорою – главные притоки, но Закавказьем Русь долго не интересовалась, довольно и того было, что Предкавказье как-то само собою под рукою Белого царя оказалось. Горы да выходы из них сторожили зорко, а там, за горами, что делалось – это не наше дело было...

А за горами была страна-страдалица, века молившая Русь Великую принять ее в свои материнские объятия, защитить от страшных, свирепых, как звери, врагов, кровью заливших весь многострадальный край, веру православную дерзко попиравших.

Этот свирепый враг многострадальной страны была Персия со своими извергами шахами.

Многострадальная страна была Грузия, хорошо знакомая русским еще со времен первых их призванных из-за моря князей.

Очерк второй Грузия многострадальная

*...И выстрел снова...
И дикий крик, и стон глухой
Промчались в глубине долины...
Недолго продолжался бой;
Бежали робкие грузины.*

М. Ю. Лермонтов

Далекое прошлое многострадальной Грузии

Грузия была действительно страной-страдальницей.

Таких «стран-мучениц» совсем немного на белом свете. Если поэт говорит, что при одиночном выстреле, сразившем насмерть князя Синодала, «бежали робкие грузины», то эта робость вполне объяснима. Как тут не пугаться выстрелов и не бежать, когда про Грузию говорили, что в этой стране у каждой семьи есть в числе святых мучеников за веру родственник...

А между тем Грузия – страна с великим прошлым, страна, населенная способнейшим народом, переполненная всякими природными богатствами, страна, цивилизовавшаяся еще в то время, когда все соседи окрест ее по своему духовному и государственному развитию стояли на одном уровне с дикарями. Между тем ни величие прошлого, ни могучая цивилизация не спасли Грузию от невообразимых бед...

В чем же дело? Где корень множества постигших Грузию напастей?

Да в том, на наш взгляд, что Грузия как государственный организм пережила самое себя, одряхлела, и эта дряхлость застигла ее в то время, когда окружавшие ее народы встрепенулись после долгой спячки и, получив толчок с азиатского Востока, по воле судьбы, требующей неперемогимого преобладания для сильнейшего, кинулись вперед, но, остановленные в своем стремлении Кавказским хребтом, всю силою своего удара обрушились на Грузию, и Грузия, изнеженная своею цивилизацией, Грузия, страна высшего духовного развития, не имела достаточно физических сил, дабы дать отпор внезапно нахлынувшим на нее живым волнам.

Теперь, говоря про Грузию, всю ее как бы вмещают в одну Тифлисскую губернию, а между тем было время, когда под именем Грузии понималась совокупность пяти могучих царств: Карталинии, Кахетии, Имеретии, Мингрелии и Гурии, да к этому можно прибавить Абхазию со Сванетией. О грузинах как о народе знали и упоминали в своих сочинениях пророки Моисей и Иезекииль; о них же говорит Геродот; греческий историк Ксенофонт, описывавший отступление греков, восхищается храбростью сражавшихся калхов и месхов – одно из указанных древними историками названий грузинского народа.

Моисей знал грузин под наименованием народа мешех (месех или позднейшее – месхи). Что народ этот мог быть известен древнему еврейскому вождю и пророку, подтверждается тем, что среди грузин есть предания, по которым они являются прямыми потомками праотца Ноя, ковчег которого после потопа остановился на недалеком от нынешней Грузии Арарате. Невозможного в этом нет. Кто-нибудь из внуков или правнуков праведного Ноя мог остаться со своею семьею под благословенным небом этого края и, следуя завету Творца, плодился и размножался, так что уже вскоре после потопа явился целый народ. Вероятность этого предположения подтверждается еще и тем, что основанием первоначальной религии грузин является вера в невидимого Творца неба и земли, то есть именно то самое религиозное воззрение, которое, судя по библейским сказаниям, сохранилось после потопа только в одном семействе праведного Ноя.

Итак, вот к какой седой древности может быть отнесимо возникновение грузинского народа.

Вряд ли подобной родословной могут похвастаться другие населяющие Землю народы, если, конечно, не считать евреев, ведущих, как известно, свой род от еще более отдаленного праотца – самого первосозданного Адама...

Своим родоначальником грузины считают некоего Картлоса, жившего за 2100 лет до Рождества Христова. От этого Картлоса пошел картвельский народ. Картлос жил со своим

семейством при слиянии Куры и Арагвы, и по его имени страна, населенная его потомками, стала называться Картлией, и потом, когда язык стал мешаться, – Карталинией.

Предания даже прямо указывают, что родоначальник грузин, Картлос, был правнуком Иафета, сына Ноя, то есть праведному праотцу, уцелевшему при Всемирном потопе, приходился праправнуком. Те же предания говорят о Мцхетосе, сыне Картлоса, по имени которого названа первая и древнейшая столица Грузии – Мцхет, затем о его сыновьях Уплосе и Джевахосе, давших первоначальное бытовое устройство разрозненным грузинам.

Этот первоначальный быт был родовой. Каждая семья со всеми последующими потомками составляла семейную общину, во главе которой стоял старейший в роде, именовавшийся «мамасахлис» и пользовавшийся неограниченной властью над всеми остальными своими сородичами.

Так, не замечаемые никем, жили «картули», как называли себя нынешние грузины с древности по первую половину VII века до Рождества Христова.

Здесь очень кстати будет сказать, что наименование «Грузия», «грузины» всегда было чуждо этому народу. Появление наименования «Грузия», «грузины» объясняется тройко. Во-первых, его производят от испорченного сирийского слова «гариз», что значит «просо». Объясняется это словопроизводство тем, что в Сирии и Палестине грузины были известны как первый народ, принявший за возделывание проса. Затем название Грузии производят от персидского ее наименования Гурджистан, что означает «страна силы», или арабского Джурджистан, что означает «страна Джур», то есть реки Куры. Наконец, приписывают название Грузии тому, что в этой стране особенным почитанием пользовался святой Георгий Победоносец, являвшийся, по уверениям византийских историков, покровителем Грузии. У французов Грузия так и называется – Georgie, у англичан – Georgia, но у немцев уже – Grusien.

В 633 году до Рождества Христова Грузия подверглась первому нашествию дикарей. С севера, с нынешних Дона и Волги, явились хазары.

Они без труда покорили разрозненных и совсем невоинственных картули. Покорив их, хазары не вернулись в свои степи, а поселились среди покоренных. Так как последние превосходили своих победителей духовным развитием, то быстро и легко из побежденных превратились в победителей. Без борьбы исчезли, «растворились», так сказать, пришельцы в богатом духовными силами народе и, восприняв от него культурное развитие, заплатили за него тем, что передали последующим поколениям целиком свои воинственность и храбрость, то есть то, чего у картули до тех пор и в помине не было.

Раз в народном организме появились физические силы, то естественно, что они требовали себе выхода. Начались упорные и долгие войны с мидянами, причем грузины ходили на Мидию с войсками знаменитого Кира Персидского. Тут они успели обратить на себя и в особенности на свою страну внимание персов.

Когда знаменитый сын Манданы, дочери Астиага, царя мидян, был убит царицей массагетов Тамарысою, его преемники кинулись с завоевательными целями на Грузию, но грузины легко и свободно дали им могучий отпор. Эта победа придала такое мужество грузинам, что они очень охотно стали давать у себя место вытесняемым царем Навуходоносором народам. Переселенцы были принимаемы с радушием. Может быть, грузины помнили ту пользу, какую получил их народ от расселившихся по Грузии воинственных хазар, но зато они не предусматривали иной опасности. Для переселенцев Грузия была совсем чужой страной, и когда эти переселения дали повод царю персов Артаксерксу напасть на Грузию, то Артаксерксовы орды без особенного труда покорили грузин.

Появление пришельцев и смешение с ними теперь не усилило, а ослабило грузин и в особенности отразилось на их духовном развитии. Быстро стало исчезать являвшееся признаком высокой культуры верование в невидимого Творца мира, и его заменило грубое обоготворение не отвлеченного, а вещественного. Сперва грузины стали поклоняться

солнцу, луне, звездам, а потом перешли и к грубому идолопоклонству, но верование в невидимого Бога не исчезло. Его застал еще в Грузии всемирный завоеватель Александр Македонский, покоривший Грузию в IV веке до Рождества Христова. Он поставил над Грузией своего наместника Язона, который ради того, чтобы окончательно подавить в грузинах всякое стремление к самостоятельности, заставлял их поклоняться серебряным идолам Гацы и Гаиму. Но тогда среди грузин явился некий муж по имени Фарнаоз или Фарнаваз, бывший одним из прямых потомков Картлоса. Он уговорил мамасахлисов передать ему свои державные права, то есть объединил разрозненные дотоле роды в одно целое. Свершив это дело, он организовал войско и прогнал из Грузии Язона и его отряд. Страна была освобождена от иноплеменников, но Фарнаоз временно переданные ему державные права удержал за собой и стал первым царем объединенной им Грузии.

Фарнаоз, умерший в 337 году до Рождества Христова, дал Грузии новое административное устройство, разделив ее на восемь эриставств, то есть административных округов. Затем он из эриставов и бывших мамасахлисов создал класс азнауры – грузинское дворянство. Он же объявил грузинский язык общегосударственным и изобрел для своего народа мхедрули – гражданские письма. Но этот царь не вернул народ к древней религии. Напротив того, в стране установилась при нем в качестве государственной религии религия Зароастра, заимствованная от персов. Фарнаоз так был увлечен идолопоклонством, что на могиле своего предка Картлоса поставил огромного идола Армаза, или Аурамазада, одетого в великолепные латы, с золотым панцирем, в венце, осыпанном драгоценными камнями. Во всем остальном мудрость Фарнаоза была несомненна: он строил города, крепости, организовал армию, установил идеальный порядок престолонаследия, оставив после себя наследником престола своего сына.

При преемниках Фарнаоза Грузия была могущественна. Хазары, мидяне, персы, являвшиеся с завоевательными целями, были отбрасываемы, и вот наконец в I веке до Рождества Христова на иберов, как назывались иногда грузины, обратил свое внимание сам Рим семихолмный.

Помните о Риме?

Рим! —

воскликает стихотворец —

Реет повсюду твоих легионов
Всесокрушающий грозный орел!

Римские легионы в 66 году до Рождества Христова сокрушили могущество Митридата Великого Понтийского, который бежал через Колхиду в свои владения на северном берегу Черного моря. Знаменитый римский триумvir Помпей преследовал Митридата со своими легионами, покорил Армению и остановился зимовать на берегу реки Куры. Впереди была Иберия (тогдашняя Грузия), царствовал в ней тогда Артаг. Он не пропустил римлян через свои владения. Помпей двинул легионы за Куру. Произошли кровопролитные битвы. Иберы сражались с поразительной стойкостью, но были поражены римлянами. Помпей принудил Артага стать в зависимость от Рима и дал ему в соправители некоего Аристарха, которого он поставил царем Колхиды (Западной Грузии). Однако, как только ушли Помпеевы легионы, иберы прогнали Аристарха и объявили себя опять независимыми. Тридцать лет без малого оставляли их в покое римляне, но в 36 году до Рождества Христова явился в Иберию римский полководец Канидий, который хотя и разбил войска царствовавшего тогда в Иберии

Фарнаоза, но после этого заключил с ним союз и воспользовался его войском для покорения других народов.

Благодаря появлению римлян сохранились довольно точные сведения о Грузии того времени. Их оставил нам историк Страбон. По его описанию, Иберия изобиловала городами, постройки в которых были каменные. В долине реки Куры жило миролюбивое земледельческое население, а по отрогам гор – воинственное, мало уступавшее в этом отношении своим соседям – скифам и сарматам. Народ иберский, по Страбону, делился на четыре сословия. Из первого сословия, самого знатного, выбирались цари, верховные судьи и полководцы; второе сословие представляли собою жрецы, которые вместе с тем наблюдали и за справедливостью в сношениях с соседями; третьим сословием были воины и земледельцы и, наконец, четвертым простой народ – крепостные, обязанные беспрекословною службою на царя и верховных правителей. Сохранилось также и родовое правление; семейными общинами управлял старший в роде, которому принадлежало все имущество его сородичей и право управлять им.

Около пяти веков после этого Грузия была счастливою хотя бы потому, что во главе ее стояли мудрые правители. В течение с лишком пяти веков в Грузии царствовали две династии: Фарнаозианская и Аршакуниатская, что может служить свидетельством незыблемости государственных устоев страны.

В первые три века от Рождества Христова Грузия хотя и была самостоятельною и имела своих царей, но все-таки находилась под влиянием Рима. Римский император Веспасиан со своими сыновьями, Титом и Домицианом, называл своим другом Митридата, царя иберийского; император римский Адриан вызывал в Рим для оправдания другого царя иберов, Фарасмана, который успешно оправдался перед императором. Поддерживаемые римлянами, иберы вели успешно борьбу с парфянами и армянами. Римляне в Иберии улучшили пути сообщения, ввели свое устройство в армии, римская монета обращалась среди иберов, но беспрестанные, хотя и счастливые войны изнуряли народ, так что иберы стали сильно тяготиться римским владычеством.

В 352 году от Рождества Христова умер, не оставив наследника мужского пола, царь Аспагур из Аршакуниатской династии. После него осталась одна только дочь по имени Абешура. Таким образом, на престол должна была вступить женщина, и это было нарушением закона первого Фарнаоза. Эриставы и вельможи оказались в затруднении и не знали, что делать. Однако они скоро нашли выход. В Персии царствовал знаменитый своею мудростью Хозрой II, у которого был сын Мирван, обещавший во всем выйти в знаменитого своего отца. Этого-то Мирвана грузинские правители и избрали в супруги Абешуры. Они выпросили его у Хозроя, причем обязали клятвой управлять Грузией по ее законам и не вводить в ней ничего персидского. Мало того, грузинские дипломаты сумели так обставить дело, что Хозрой в приданое за сыном отдал Грузии только что завоеванную им Армению.

Мирван, женившись на Абешуре, вступил на престол Грузии под именем царя Мириана II, основав, таким образом, династию Сасанидов. Он семьдесят семь лет правил с такою мудростью, что ни разу у грузин не было повода раскаиваться в своем выборе. Когда умерла Абешура, он хотел было оставить престол, но весь народ, как один человек, слился в стремлении удержать мудрого перса на престоле Грузии. Мириан остался и женился вторым браком на Нине. Он теперь так вошел в интересы своего нового отечества, что не задумался начать войну с своим младшим братом Норех-Бартомом, который наследовал их отцу Хозрою II. Он намеревался всю Персию присоединить к Грузии и только из жалости к брату не сделал этого и ограничился тем, что отнял у него громадную Джазирехтскую провинцию, половину Сирии и Арабиджана.

При Мириане же грузины овладели Каспийским побережьем, выгнали оттуда хазар и укрепились на Кавказе, подчинив себе Осетию. Одновременно с этим Мириану пришлось

в течение тридцати лет вести борьбу за Армению с сыном последнего армянского царя Турдатом Великим.

Грузия стала по своей площади более Персии, могущественнее ее по своим силам, но в то же время истощились в бесконечных войнах духовные силы народа, и свое обновление грузины нашли в христианстве.

Радости и беды прекрасной Грузии

Грузины по своим религиозным воззрениям были в одно и то же время идолопоклонники и огнепоклонники. Два различных религиозных культа совместились в один. Народ поклонялся истуканам, как, например, медному истукану Армазу, стоявшему на могиле Картлоса, поставленному их первым царем Фарнаозом, золотому Гонизу и серебряной Гаим, оставшимся народу от Язона. У них были и другие идолы, серебряные и золотые, которым они приносили жертвы: животных, плоды, цветы. В Мосхийских горах, на границе Иберии и Колхиды, стоял храм Левкотаи с оракулом Фрикса; в то же время грузины обоготворяли солнце, луну, звезды, поклонялись деревьям. Но память о невидимом божестве не могла пропасть в этом народе. В Грузии жило много евреев, поддерживавших непрерывные сношения с Иерусалимом, и вот в третий год царствования царя Адерка по Грузии пронеслась весть о рождении в Вифлееме Спасителя. Тем же самым путем проникла сюда весть и о крестной смерти Его на Голгофе.

Это свершилось так.

Евреи, жившие в столице Грузии – Мцхете, ежегодно посылали в Иерусалим своих уполномоченных для присутствования на празднике Пасхи. В год крестной смерти Спасителя мцхетские евреи послали в Иерусалим благочестивого Елиазара, или Елиоза. Он был свидетелем голгофского события и был потрясен им до глубины души. Пораженный всем виденным, Елиоз купил у римского воина доставшийся тому по жребию (Евангелие от Луки, 23: 34) хитон Спасителя. Когда он возвратился вместе с этой драгоценностью на родину и рассказал обо всем виденном им, то Сидония, по одним указаниям – его сестра, по другим – дочь, так была поражена рассказом о крестных страданиях и смерти Иисуса Христа, что схватила Его хитон и тут же пала мертвою. Ее так и похоронили вместе с драгоценным хитонем, и над ее могилой вырос высокий кедр, как бы уничтожая следы погребения благочестивой еврейки.

Прошло немного времени, и по всему Кавказу пронеслась весть о Христе: святой апостол Андрей Первозванный вместе с другим апостолом, Симоном Канонитом, принесли ее. Последний и умер на Кавказе, и в Анакони поныне указывают его могилу, которая была предметом благоговейного почитания и поклонения даже наиболее свирепых дикарей Кавказа. Затем, в 100 году от Рождества Христова, сюда был сослан папа Климент, и от него грузины тоже просветились светом Христовой веры. Сюда же бежало из римских владений много христиан, составивших здесь церковь, относящуюся к Антиохийской патриархии, но христианство все-таки было лишь исключительным явлением. Идолопоклонство преобладало, и нужен был могучий толчок извне, дабы оно окончательно было побеждено новой религией, дававшей своим adeptам величайшую нравственную силу.

И этот толчок последовал.

Царь Мириан вместе со своим племянником, персидским царем Санором, сыном Норех-Бартома, в 312 году от Рождества Христова напал на только что основанный римским императором Константином Великим Новый Рим, будущую великолепную столицу Византии. Нападение грузин и персов было отбито христианами, составлявшими войска Константина и кинувшимися в битву со знаменем, на котором был изображен крест с знаменитою надписью «In hoc vincis» («Сим победиши»). Когда Мириан узнал, что значит эта надпись и какое значение имеет крест, он приписал свое поражение чуду и ушел, заключив для себя невыгодный мир с римским императором. В это время жила в послушании у армянки-инокини Ниафары молодая девушка по имени Нина, дочь римского полководца и сестры иерусалимского патриарха Ювенала, близкая родственница святого великомученика Георгия Победоносца. Эта девушка часто слыхала от Ниафары о попавшем в Иверию через Елиоза хитоне

Господнем, и ею овладело желание во что бы то ни стало найти драгоценную реликвию и проповедовать иверам слово Божие. День и ночь молилась Нина Пресвятой Деве, прося ее помощи. Богоматерь явилась ей в сонном видении, вручила крест, сложенный из виноградных лоз, и сказала: «Иди в Иверскую страну и благовествуй Евангелие. Я буду тебе Покровительницей». Проснувшись и увидав в своих руках чудный крест, Нина со слезами облобызала его и перевязала своими волосами. Вскоре святая Нина явилась на истоках неведомой ей реки (Куры) и, следуя по ее течению, достигла Мцхета в день празднования народом Армаза. На высокой горе стоял исполинский кумир, горевший золотом; по сторонам его – два других, которые, как говорит предание, поражали огнем всякого дерзавшего подступать к ним без воли жрецов. Гремели трубы, курился фимиам, текла кровь жертв; царь Мириан со всем народом простирался ниц перед идолами, и только одна чуждая, никому не ведомая дева не преклонила колен. Внезапно среди ясного дня разразилась страшная буря с молниями и громом; капище рушилось, и среди развалин его лежали остатки разбитых, поверженных кумиров. В ужасе бежал народ, и на развалинах осталась одна Нина, спокойно смотревшая на возникшую и утихшую около нее бурю стихий. Это было 6 августа, и день Преображения Господня стал для Иверии днем, сменившим тьму язычества на свет христианской истины. С этого дня начался ряд подвигов и чудес Нины, память о которых сохранилась в местных преданиях, записанных и царем-летописцем. В царском саду, у таинственного кедра, укрывавшего хитон Господень, часто молилась святая Нина, и там посещали ее дивные пророческие видения. Однажды стая черных птиц, омывшись в водах Арагвы и ставши белыми, как снег, села на ветвях кедра и огласила весь сад райскими песнями – это был символ крещения народа иверийского. В другой раз видела она страшное падение окрестных гор Армаза и Задена с их идолами, слышала звуки битв, вопли бесовских полчищ в образе персидских воинов, как бы вторгавшихся в столицу Грузии, и страшный голос царя их, повелевавшего все истребить. Пораженная видением, святая Нина подняла знамение креста и тихо сказала: «Кончилось владычество ваше, ибо вот победитель», и все исчезло. Святая Нина исцелила Нину, жену царя Мириана, лежавшую уже на смертном одре, и одного из родственников персидского царя, заболевшего в доме Мириана; оба они из первых просветились крещением. Сам царь еще колебался. Но раз, когда он был на охоте, в соседних горах его настигла страшная буря, и царь вдруг ослеп. Пораженный, он пал на колени, восклицая: «Ты Бог над богами, Господь над властителями, Бог Нины!» – и в то же мгновение прозрел. Вся царская семья и народ, узнав о чудесном событии, вышли царю навстречу. «Славьте Бога Нины, Бога вечного», – говорил он народу и, не заезжая во дворец, посетил хижину Нины, пал на колени перед животворящим ее крестом и исповедовал Христа. Нина осенила крестным знаменiem воды Куры и Арагвы, и в них крестились и царь, и грузинский народ. Один из потомков Елизара, среди которых еще жило предание о хитоне Господнем, указал место его хранения. Таинственный кедр был срублен, и на его месте воздвигнут соборный храм, в котором и была положена святая одежда. Утвердив веру в Карталинии, святая Нина поселилась в Кахетии и там после тридцатипятилетнего апостольского подвига скончалась близ нынешнего города Сигнаха. Царь и епископ желали перенести останки ее в соборную церковь Мцхета, где она так часто любила молиться над хитоном Господним. Тогда совершилось новое чудо: никак не могли сдвинуть иссохшее тело подвижницы с избранного ею места для своего успокоения. Для Карталинии ею сделано было много, и она как бы хотела своим присутствием утвердить в вере вновь обращенную Кахетию. Царь Мириан соорудил здесь первую церковь во имя святого Георгия, в приделе которой и положил мощи святой проповедницы. Первое житие святой Нины описано было почти современным ей историком Руфином, который повесть о ней слышал от сына Мириана, грузинского царевича Бакура, живо помнившего еще рассказы о ней отца и его приближенных.

Ближайшим политическим последствием проповеди святой Нины было установление дружелюбных сношений с Византией. Император Константин Великий, по принятии Мирианом Христовой веры, послал ему гвоздь от креста Спасителя, часть Животворящего древа, часть мощей родственника святой Нины, великомученика Георгия, которого с того времени народ стал считать покровителем своей родины. Между Грузией и Византией установился прочный мир. Мириан, умирая, был уже убежденным христианином. Он незадолго до смерти построил в местечке Бадбе храм во имя великомученика Георгия и завещал своему сыну считать врагами Карталинии идолов, сжигать их, а «пеплом кормить тех, кто их будет оплакивать». Однако идолопоклонство в Грузии существовало еще около двухсот лет после этого.

Следует заметить при этом, что христианство в Грузии распространялось исключительно путем проповеди, и никогда для водворения его в народе не было употреблено насилие.

Несколько более ста лет Грузия пользовалась относительным спокойствием. Были войны, но незначительные. Затем иверийский престол занял знаменитый Вахтанг I Горгасал (446–499). Этот царь был столь же замечателен, как и Мириан. Он отбил у византийцев отпавшие области Мингрелии и Абхазии, усмирил кавказских князей и горцев, заставил персов отказаться навсегда от мысли ввести в Грузии огнепоклонство, путем уговоров добился того, что высшее духовенство страны уже не присылалось из Константинополя, а выбиралось из природных иверийцев. Помимо этого Вахтанг был первым собирателем народных рукописей, неутомимым строителем городов. При нем Мцхет в 469 году уступил свое первенство Тифлису. Он был необыкновенно мудрый и проницательный судья, щедрый благотворитель. Но после его смерти начинается уже падение Грузии. Восемь без малого веков величия страны словно утомили народ. Теперь персы, с одной стороны, византийцы – с другой, смотрели на Грузию как на свою добычу. Между ними уже шла борьба за нее. Царь Гурген должен был бежать в Византию, а по возвращении, в 532 году, грузинские цари называют себя уже «мтивир» – владетельные князья, потому что персы лишили грузинский народ права выбора царей.

В 536 году Иверия распадается. Часть переходит под покровительство Персии, другая – древняя Джавохетия, область внука Картлоса, – отходит под покровительство Византии, которая в 550 году подчиняет себе Абхазию. В 586 году прекращается так возвеличившаяся, а затем и уронившая Грузию Хозроанская династия, и Юстиниан II возводит на иверийский престол константинопольского куропалата Гурима, открывающего собою династию Багратидов, потомки которой существуют в наше время и в последние сто лет дали России много полезных деятелей. При них история Грузии становится все печальнее и печальнее. Пренебрежения величия, могущества как не бывало. В 626 году разорил Иверию император Ираклий, сжегший Тифлис, а в следующем году иверы (грузины) сражаются в рядах византийских легионов против персов. Затем в несчастную Иверию вторгаются арабы, в конце концов подчиняющие себе весь Гурджистан. Но как государство Грузия продолжает существовать.

В народе заметно уже стремление не к одной воинской славе. Многие грузины отправляются в Константинополь и Рим, изучают науки и, возвращаясь, устраивают школы. Развивается умственная деятельность народа, зарождается искусство, являются книги, пока переводные, – словом, наблюдается обычное явление: с упадком, так сказать, физической военной силы государства быстро и широко развивается его умственная деятельность. Люди ума сменяют людей грубой физической силы...

В то же самое время Багратидам приходит несчастная мысль делить единое государство на части. Сперва Иверийское царство было разделено на Абхазское и Грузинское, затем, около 1009 года, на мелкие уделы. Однако народное самосознание стремится к политической самостоятельности.

После смерти Василия Македонского грузины при Баграте IV свергают византийское иго, но не надолго. При сыне Баграта, Георгии, турецкий султан Жакус, овладевший Персией, покоряет всю Грузию. Персы и турки производят страшные неистовства и разоряют прекрасную страну дотла.

Но Грузия все еще сильна. На престоле является любимый народом царь Давид II Возобновитель. Давид Возобновитель (1089–1125) вступил на престол шестнадцати лет от роду. Вся Карталиния лежала в развалинах, Тифлис и многие области были заняты турками, в Имеретии самоуправно властвовали греческие императоры под тем предлогом, что они – единственные покровители единоверного царства, и лишь горы и ущелья Абхазии были безопасным убежищем для царя и народа, а царскою резиденциею был Теагулистав у горы Лихи. В то же время буйные орды мусульман, завладевши плодородными урочищами вокруг Тифлиса, неистовствовали в Карталинии и Кахетии. Персы терзали окраины царства, и даже армяне делали беспрестанные набеги в пределы единоверной страны. Цветущие местности превратились в пепелища, плодородные поля – в пустыни. И царю предстояла великая задача залечить тяжелые раны царства. На помощь к нему пришли начавшиеся тогда Крестовые походы, отвлекшие полчища турок и давшие возможность развернуться собственным силам отдохнувшей Иверии.

На опустошенные врагами равнины Давид пригласил горных осетин, и те охотно согласились променять свои бесплодные скалы на плодородные земли Грузии. С помощью их он и совершил великое дело освобождения родины. Как только он узнал, что франки овладели Иерусалимом, он тотчас сбросил позорное иго турок, перестав платить им дань. И это был истинный подвиг, совершенный Давидом в самом начале царствования. Но не вдруг и не так легко отказались турки от своих притязаний на Грузию, и освобождение ее стоило много крови и им, и Давиду. С малым числом своих войск он поражал сильных врагов и, начав с Абхазии, окончил свои подвиги в Дербенте, сломив железные ворота, устроенные там со времен халифата. Нашествия врагов во все время его царствования следовали одно за другим непрерывною чередою, но в ужасе обращали перед ним тыл вожди сельджуков и персов, не знавшие дотоле поражений, и оставляли в руках его пленных и сокровища, которыми он обогатил свое царство. Так, когда осенью 1121 года несметные арабские полчища вторглись в Триалетскую область, одной битвы достаточно было, чтобы их рассеять, и весь стан Давида наполнился золотом, серебром, великолепными чашами пиршества, драгоценными коврами и оружием; арабские кони сделались обыкновенными – так их было много в грузинском лагере; сирийские вожди доставались пленниками простым поселянам. Однако Тифлис, столица Грузии, долго еще оставался в руках сарацин, крепко сидевших в его цитадели. Но Давид и не заботился об этом, зная, что, прочно утвердившись в стране, не трудно овладеть столицей, и уже только в конце своего царствования, в 1122 году, внезапным нападением захватил Тифлис в свои руки. И тогда от моря Черного до моря Каспийского все покорилось его владычеству. И силы страны настолько возросли, что она могла отрядить уже своих сынов в далекую Палестину, на борьбу с врагами креста.

Бурное море поглотило первых доблестных ратников Грузии, но бедствие не охладило ревности новых избранников, которые благополучно достигли Святой земли и заодно с крестоносцами подвизались там за освобождение Гроба Господня из рук неверных. Лично Давид, отличаясь мужеством и проводя всю свою жизнь в тревогах ратных, одною рукою сокрушая врагов и другою поднимая опрокинутое ими, умел владеть не одним мечом – он был величайшим богословом своего времени. Ничего так не любил победоносный царь, как чтение Священного Писания. При нем было два собора для исправления церковных книг, а на добытые от врагов сокровища строили церкви, и при них учреждались школы для образования юношества. Давид умер во цвете сил, пятидесяти трех лет, оставив свое царство

могущественным и спокойным. Народ грузинский прозвал его Возобновителем, а церковь причислила к лику святых.

К счастливейшим временам Грузии принадлежит царствование дочери Георгия Прекрасного – Тамары Великой (1184–1212), бывшей в супружестве с русским князем Юрием Андреевичем. Двенадцатилетней девочкой очутилась Тамара на престоле, но молодость или, вернее, малолетство не помешали ей царствовать с величайшею славою. Ее царствование – золотой век Грузии.

Наука, искусство, литература, и не наносные, а свои, родные расцвели при ней пышным цветом. Знаменитые герои-завоеватели того времени, шах Атарбег и султан Нукордин, были сокрушены полководцами этой царицы, которая и доныне живет в памяти грузинского народа в легендах и песнях. Тамара – до сих пор любимейшее имя грузинских женщин...

Всю свою былую славу, все памятники этой славы благодарный грузинский народ в течение без малого восьми веков приписывает царице Тамаре. Давид Возобновитель и славный Вахтанг Горгасал почти забыты, а народ помнит Тамару и благоговеет перед ее памятью. Есть место (Сванетия), где Тамара стала предметом суеверного религиозного почитания. Кроме борьбы с персами и арабо-турками – эта царица вела борьбу с Византией при ее императоре Алексее Ангеле, и следствием победы Тамары было образование государства-буфера – Трапезундской империи. Воспользовавшись нападением султана Ардебильского, Тамара приказала своим дружинам двинуться сперва в Ардебиль, потом в Тавриз и разгромила их. Богатство Грузии при Тамаре стало несметным, счастью ее не было конца. Грузия расцвела пышно, и Тамарою руководили не одна только жажда славы или процветания родной страны, но и неусыпные заботы о распространении православия и поддержании его там, где оно уже озарило своим светом народы и племена Кавказа.

В Карталинском ущелье поныне видны развалины одного из храмов, созданных Тамарою, особенно памятного тем, что в нем некогда хранилась чудотворная икона Иверской Божией Матери, драгоценный дар Тамары осетинскому народу, родственному ей по второму мужу. Храм этот дважды был разрушен пожаром, и два раза икону Божией Матери находили под грудой развалин и пепла невредимою. Шестьсот лет пребывала святая икона в Карталинском ущелье. Но, когда магометанство ворвалось в Кавказские горы, а русское правительство пригласило горцев-христиан на Терек в Моздок, святая икона Иверии стала русскою святынею. Сохранилось предание, что когда в 1793 году партия горцев прибыла к Моздоку с иконою и тогдашний епископ Моздокский, встретив ее с крестами и хоругвями, внес в собор, то Богоматерь особенным чудом известила, что икона должна остаться вне города на том месте, где она остановилась и провела ночь на смиренной черкесской арбе. Там соорудили часовню и впоследствии воздвигли деревянный храм во имя Успения Божией Матери. И ныне русские паломники стекаются сюда на поклонение иконе со всего Кавказа и из самых отдаленных мест Русской земли.

Об этой великой царице, почитаемой народом наравне с равноапостольною просветительницею Ниною, придется сказать еще несколько слов в очерке, посвященном истории сношений и столкновений Руси с народами Кавказа. Здесь же скажем, что осталось неизвестным, где похоронена Тамара. Известно лишь, что умерла она в Верхней Карталинии в «Замке Роз». Память ее грузинская церковь чествует в неделю жен-мироносиц. Но место погребения все-таки неизвестно, и объяснить это можно лишь тем, что каждое племя хотело, чтобы прах великой царицы покоился в его земле, а затем в наступившие ужасные времена было уже не до того, чтобы помнить о чем-либо, кроме как о спасении своей жизни. Когда же ужасы прошли, то со времени кончины Тамары пронеслось около пяти веков и установить место ее погребения оказалось невозможным.

Умерла Тамара, и закатилась счастливая звезда Грузии надолго, навсегда закатилась.

После Тамары остались дети от ее второго брака с Давидом Багратионом: сын Лассе, занявший престол, и дочь Русудан. При Лассе в Грузию явились монголы и нанесли ей удар, остановивший все ее развитие. Это шли орды Чингисхана. На реке Бердусудже грузины потерпели страшное поражение, но так же, как и во время первой побывки татар на Руси, только этим пока все и ограничилось, и Грузия осталась непокоренною. Зато лет через десять явился в нее преемник Чингисхана – Гаяукхан, прошедший по всей стране и обложивший ее данью, а за ним последовал Батый, уже окончательно присоединивший Грузию на правах завоевания к своим владениям. Однако Грузия все еще представляла сильное государство, и татары устроили ради ослабления ее разделение (в 1259 г.) этой великой страны на два независимых одно от другого царства – Грузию и Имеретию.

Одновременно с монголами на несчастную страну кинулись персы и турки, а к этому еще при Русудан, правившей после смерти брата за малолетством племянника, начались внутренние междоусобия. Персидский шах Джелал эд-Дин ворвался в Грузию, разорил Тифлис, причем более 100 тысяч людей были перерезаны. В конце концов Грузия оказалась разделенною на четыре части: государства Кахетинское, Карталинское, Имеретинское и атабекство Ахалцихское. Хотя вскоре в Грузии оказались только два царя, оба – Давиды, однако царская власть была уже подорвана, и значение, а вместе с тем и самовольство мтивиров и ноинов усилились; внутреннее же безначалие и своеволие вели к тому, что Грузия стала не в силах отражать внешних врагов, и персидские шахи что хотели, то и делали в несчастной стране.

Нельзя, говоря об этом тяжелом времени, не упомянуть об одном замечательном грузинском царе, Димитрии II. Шах персидский Аргун ни с того ни с сего вздумал разорить Грузию. Димитрий, не задумавшись, предложил ему свою жизнь, только бы избавить родину от беды. Свиный перс приказал отрубить царю-патриоту голову, а на его место назначил царем Вахтанга II, племянника погибшего мученика. В благодарность за такую жертву Димитрий II везде в грузинской истории назван Самопожертвователем. Вахтангу удалось собрать в одно целое Грузию, но персы хозяйничали в стране как им было угодно, разделяли несчастную страну на части, которые раздавали за услуги своим приспешникам, умерщвляли царей, возводили на их престолы угодных себе людей и т. д.

Но новая и более ужасная беда постигла несчастную Грузию. В 1388 году явился с монголами Тамерлан (Тимур) и камня на камне не оставил на своем пути. Уничтожены были лучшие города, перерезано было без счета людей, церкви были сожжены или разрушены. Уцелела, и то случайно, от свирепости монголов только одна Бадбийская обитель, где находились мощи святой Нины. Случилось же все это как раз после того, как грузинский народ доказал свою необыкновенную живучесть. При Георгии VI Пресветлейшем мтивирь и эриставы были усмирены. Грузия снова соединилась в целое, хотя и не в пределах своих предков; царство укрепилось, водворилось спокойствие. Но тут-то и явился Тимур. До 1407 года он шесть раз являлся в Грузию. Тифлис и Кутаис были уничтожены, даже Мцхетский храм оказался разрушенным, а грозному завоевателю мало оказалось всего этого. Он заставил несчастного царя Баграта V принять магометанство, но, к чести этого последнего, должно сказать, что Баграт стал ренегатом только по виду и бросил магометанство, едва Тимур ушел. Однако это вызвало новое появление монголов в Грузии. Наследовавшего Баграту V царя Георгия VII Тимур дважды склонял к переходу в магометанство, но этот царь был подтвержден и от веры отцов не отказался. Напротив того, ему удалось прогнать монголов, но в последней значительной битве он пал сам. Страна еще не оправилась от монгольского нашествия, а приходилось отбиваться сразу от турок и персов.

В такое время царем Грузии стал восьмилетний Александр I (1414–1442), за которого правила Грузией его мать. Казалось бы, именно в царствование малолетнего правителя должна более всего страдать от внутренних и внешних врагов всякая страна. Было много

примеров этому: смуты, раздоры, междоусобия увеличивались внутри государства; припомним хотя бы царствование в России царя Иоанна IV Васильевича, также вступившего на престол в младенческие годы. Но, вопреки всем ранее бывшим примерам, царствование малолетнего Александра I Георгиевича было благотельно для несчастной, страдавшей Грузии. Своевольные мтивирьы как-то стихли, ни персы, ни турки не являлись в разоренную Тимуром страну. Грузия быстро оправлялась от шести ужаснейших погромов. Опять грузинский народ доказал свою необыкновенную живучесть. Разбежавшиеся жители возвращались на свои насиженные веками места. Быстро зазеленели поля и нивы, снова возделанные, снова цветущие, один за другим поднимались из пепла разрушения новые деревни, села и города. Опять воздвигались храмы Божии. Оскверненный и обращенный в развалины Мцхетский собор снова вырос в восстановленной столице древней Грузии; население год от году возрастало, торговля усиливалась и развивалась. Грузия, как чудесный феникс, возродилась из своего собственного пепла. К тому времени, когда Александр начал самостоятельное царствование, это была уже снова великолепная страна, благоустроенная внутри, грозная для врагов извне. Александр оказался мудрым правителем и, кроме того, правителем счастливым. Он вел удачные войны и из своих походов всегда возвращался с множеством пленных. Их он расселял по стране, женил на туземках, пополнял ими свои дружины. Явилось ядро, преданное исключительно одному только царю. Благодаря этому Александр очень быстро управился с мтивирями и сокрушил их недавнее могущество; при нем удельные князья потеряли право собирать дань с жителей в свою пользу и облагать их новыми налогами. Напротив того, Александр отдавал десятину своих доходов в пользу беднейших жителей, но в конце своего царствования он испортил все свое дело. Прощаившись счастливо и с пользой для своей страны около тридцати лет, Александр принял постриг и ушел в монастырь, а Грузию разделил на три государства: Имеретинское, Карталинское и Кахетинское, царями которых назначил своих сыновей – Вахтанга, Димитрия и Георгия, – другими словами, он сразу вновь разрушил великое здание, которое ему и народу удалось создать с таким великим трудом.

Нужно ли говорить, что с увеличением царского потомства разделенная Грузия дробилась на еще более мелкие части? Явились самостоятельные мелкие царства: Мингрелия, Гурия, Самхетия, Ширван, Сванетия, Абхазия. Эти, в свою очередь, поделились на еще более мелкие. Каждое из новообразовавшихся слабых государств стремилось к полной политической самостоятельности. Шли постоянные междоусобные войны; родственники-правители ожесточенно боролись между собой за призрачные права, а персы и турки не упускали случая пользоваться этими внутренними усобицами. Они спорили из-за Грузии между собой, и Грузии постоянно приходилось быть ареною их битв, причем, конечно, ожесточившиеся враги не щадили страны и безжалостно разоряли ее от края до края. Ясно было, что просуществовавшее около трех десятков веков государство не могло уже существовать без поддержки извне, и тогда-то взоры всего грузинского народа с надеждою стали обращаться к могучему единоверному соседу на севере, с которым у грузин в течение предыдущих шести веков были непосредственные и сближавшие народы сношения.

Этим великим соседом была Русь.

Очерк третий Преданья седой и не седой старины

*Дела давно минувших дней —
Преданья старины глубокой!*
А. С. Пушкин

Яссы и Русь

Туман седой древности окутывает густою пеленою времена отдаленнейшие. Что-то неясное, смутное, лишенное определенной формы мерещится в этом тумане; какие-то тусклые пятнышки в непросветной мгле, но с помощью истории эти тусклые пятна становятся уже не столь тусклыми; кое-что можно разглядеть в них и кое-какие заключения можно вывести из того, что разглядишь...

Когда свершилось Великое переселение и расселение народов, то в Европе появилось новое варварское племя аланов. Аланы, которых римляне называли «метанистами», или переселенцами, пришли, повинувшись грандиозному толчку судьбы, погнавшей их на новые места, с побережий Азовского и Черного морей, из степей, залегших между Кавказом и Доном и на всем перешейке Понто-Каспийском. Римские историки говорят, что аланы – это потомки массагетов седой древности; один из Птолемеев делает указание на язигов меотисских, и, наконец, под влиянием времени и тех реформ, которые производит оно в живых языках, они превратились в яссов, а этих яссов арабские и татарские историки, в свою очередь, называют аланами, то есть как бы подсказывая, что поселившиеся в Испании варвары и пришельцы и племена, жившие на Понто-Каспийском перешейке, суть родственные и последние выделили из себя первых.

На существование яссов-аланов между Каспийским и Черным морями указывается историками VI века; историки IX века говорят об аланском князе, обитавшем около нынешнего Дербента, построенного Александром Македонским; затем упоминается также о городе аланов, или, по-позднейшему, яссов, находившемся близ устья Волги. В русских же летописях по отношению к этим аланам всегда упоминается наименование яссов, которое, как можно судить, и на самом деле есть переименованное на новый лад древнейшее наименование язигов. Кроме того, летописцы почти везде наряду с страной яссов, или аланов, упоминают страну Касохию, которую населяло воинственное племя касогов.

Очень маленькое отступление, дабы завершить эти короткие сообщения о древних яссах.

Кавказские горы в древних русских летописях назывались Ясскими и Черкасскими, и их население нельзя смешивать с потомками древних язигов, поселившихся в незапамятные времена в Дакии, на берегах Тиссы и Дуная (Штриттер). Как бы памятником этих древних времен ныне является город Яссы, древняя молдавская столица.

Точно так же в летописях и у некоторых историков есть указания, что Русь вела в древности войны с яссами, жившими на юго-западе Литвы, но тут нужно подразумевать ятвягов, а не тех яссов, которые жили на Понто-Каспийском перешейке. Чтобы ясно определить место, где жили древние яссы кавказские или, вернее, прикаспийские, назовем нынешний Дагестан с его столицей Дербентом, или «Железными воротами», как называют этот город русские летописи. По побережью Каспийского моря яссы расселились вплоть до устья Волги, где их дальнейшее распространение было остановлено другим могучим в древности племенем козар, имевших в 12 верстах от устья великой русской реки свою столицу Атель, названную так от реки Ателя – древнее наименование Волги, – и распространившихся по приволжским и придонским степям.

Козары исчезли, и след их остался только в истории, яссы оказались более счастливыми. Эти последние, яссы, существуют и поныне, но под несколько измененным наименованием: яссы, оссы и, наконец, осетины – вот кем стали эти древнейшие, по летописям, племена хорошо известного Руси Предкавказья. Что же касается до Касохии и касогов, то под этим наименованием следует разуметь то, что ныне известно под общим наименованием черкесов; осетины, например, поныне кое-где называются касогами.

Неугомонный киевский великий князь Святослав Игоревич (945–972), этот прямой потомок древних скандинавских викингов, для которых «не было в свете лучше дел войны», метался всюду, отыскивая народы, еще не подчиненные им и не обложенные в пользу Киева данью. Перед 968 годом этот «Наполеон древнего славянства» кинулся с завоевательными целями на вятичей, данников хана козарского. Последний заступился было за своих данников, но Святослав Игоревич жестоко побил на Дону его рать и даже разорил козарский город Саркел, или Белую Вежу, а так как неугомонному завоевателю показалось и этих побед мало, то он, недолго размышляя, кинулся далее, покорил козарские владения на восточном берегу Азовского моря со значительным их городом Таматарху – наименование, которое очень скоро переделано было киевлянами в Тмутаракань (нынешняя Фанагория), но не остановился и на этом, и кстати покорил яссов и касогов, которых обложил данью, уведя вместе с тем многих пленников в Киев (Татищев).

Это было первое более или менее точно определенное столкновение Руси с народами, населявшими Понто-Каспийский перешеек. Таким образом, в столь отдаленное время, как X столетие от Рождества Христова, Русь уже по праву завоевания владела Предкавказьем, но само собою разумеется, что владычество это прочным быть не могло. Сам Святослав занялся войной с Византией, потом неудачно кончившейся для него основанием царства Болгарского; наследникам его, Ярополку и Владимиру Красное Солнышко, тоже не было времени возиться с отдаленными областями, но, по крайней мере, Владимир не забывал, что страна яссов – его достояние. Владимир, умирая, прямо назначил в удел своему сыну Мстиславу Удалому Тмутаракань, то есть поставил его лицом к лицу с яссами и касогами.

Мстислав Владимирович вышел весь в своего деда, Святослава. Война была целью его жизни, и удел, приходившийся бок о бок с землями покоренных только номинально племен, пришелся как раз к этому богатырю. Политиком удалой князь никогда не был, а предпочитал ломить силой; он был просто вождь дружины, и, пожалуй, его к войне влекло не столько стремление к завоеваниям, сколько жажда сильных ощущений.

Однажды, говорит летопись, он пошел войною на касогов. Касожский князь Редедя вышел к нему навстречу с войском и сказал ему:

– Зачем губить дружину? Схватимся мы сами бороться; одолеешь ты – возьмешь мое имение, жену, детей и землю мою, я одолею – возьму все твое!

Предложение было заманчиво; отказ мог бы явиться доказательством малодушия, и богатырь Мстислав поспешил принять вызов.

Однако Редедя оказался не совсем под силу русскому богатырю. Он начал уже подминая под себя Мстислава, а тот чувствовал, что силы у него иссякли.

– Пресвятая Богородица! – взмолился тогда Удалой. – Помоги мне... Если я одолею, то построю церковь во имя твое!

Обращение к высшим силам помогло. Откуда только взялась вдруг мощь у изнемогавшего богатыря? Он приподнял Редедю, ударил его о землю, взял нож и зарезал. Потом он поступил по уговору и обещанию: взял у зарезанного все семейство и землю, а Пресвятой Богородице построил в Тмутаракани храм (*Карамзин Н. М. История государства Российского. Т. II; Соловьев С. М. История России с древнейших времен. Т. I*).

Благодаря победе над Редедеем Мстислав Удалой стал могущественным князем, и, как это было всегда, пока на Руси господствовала удельная система, он сейчас же отправился воевать Киев, великокняжеский стол которого занимал его старший брат Ярослав Мудрый (1019–1054). Дружина Мстислава была невелика, но он усилил ее подвластными теперь ему яссами и касогами, козарами, присоединил северян, благо он принят был в их главном городе Чернигове как князь, и явился на Днепр. Это было в 1023 году. Мы останавливаемся здесь на этом походе одного русского князя на другого лишь потому, что важным является здесь то обстоятельство, что будущие черкесы впервые появились тут в недрах Руси. В происшедшей

кровопролитной битве Мстислав одолел дружины Ярослава и, осматривая поля битвы, очень радовался, что осталась цела вся его дружина. «А эта дружина, – как бы с укоризной замечает историк Соловьев, – состояла из касогов и козар!»

В дальнейшем Мстислав оказался великодушным и рассудительным победителем. Он не отнял у Ярослава великого княжения, а только поделил с ним Русь пополам: себе взял восток, а Ярославу уступил запад. Мир между братьями продолжался вплоть до смерти Мстислава, последовавшей в 1036 году. Само собой разумеется, что касожские дружины, пришедшие с ним на Русь, так здесь и остались, с течением времени исчезнув в массе коренного населения.

Русь в Предкавказье

Сношения Руси с племенами, населившими Предкавказье, продолжались, но минуем их, остановившись только на двух исторических фактах.

Первый относится к тому печальному времени, когда хозяевами Руси были татары. В начале последней четверти XIII столетия аланы, или кавказские яссы, отказались повиноваться татарам. Летописи, а за ними и некоторые историки, уверяют, что в это время яссы (Asses, Adas) были уже христиане. Среди них были искуснейшие оружейники и множество кузнецов и слесарей. Отличались они отчаянною храбростью и любовью к независимости, что, впрочем, всегда являлось преимущественною чертою характера почти всех горских народов. Справиться с ними татарам оказалось не под силу. Их хан Мангу-Тимур в 1277 году призвал русских князей с дружинами и приказал им идти и покорить кавказских яссов. Пошли князья Борис Ростовский, Глеб Белозерский, Федор Ярославский и Андрей Городецкий, сын Александра Невского. Русские дружины прошли горы Ясские, то есть Кавказский хребет, проникли в Южный Дагестан и взяли там город Деяков, или Тетяков, как его именуют летописи, близ «Железных врат», то есть Дербента. Взятый город они сожгли, взяв большую добычу и множество пленников, и своими победами, как говорит Карамзин, «заслужили отменное благоволение хана, изъявившего оное не только великою хвалою, но и богатыми дарами».

Здесь кстати отметить, что татары явились на Русь, пройдя именно через земли яссов. В 1224 году полководцы Чингисхана Джебе и Сабут прошли обычные ворота кочевников – между Каспийским морем и Уральскими горами, – покорили яссов, абезов и вошли в землю половецкую, из которой потом напали на русские дружины.

Другой эпизод имеет отношение к истории более ранних сношений России и Грузии. Мы говорим о супружестве знаменитой грузинской царицы Тамары с русским удельным князем Юрием Андреевичем, сыном Боголюбского, о чем вскользь было уже сказано несколько слов в предыдущем очерке. Вот как рассказывают об этом грузинские летописи.

Когда искали жениха для знаменитой царицы Тамары, то явился Абулизан, эмир тифлисский, и сказал:

– Я знаю сына государя русского, великого князя Андрея, которому повинуются триста царей в тех странах. Потерявши отца в молодых летах, этот князь был изгнан дядею своим Савалтом (Всеволодом?) и находится теперь в городе Свинди у царя кипчакского (половецкого).

Грузинские вельможи и воспитатели царицы Тамары одобрили мысль Абулизана, и Юрий явился в Грузию. Духовенство и вельможи упростили Тамару как можно скорее обвенчаться с ним. Став супругом молодой царицы, Юрий сперва храбро воевал с врагами своего нового отечества, но скоро между ним и женою его возникли неприятности, о которых грузинский летописец рассказывает так: «Сатана вошел в сердце презренного русского, настоящего скифа, с понятиями варвара, с чудовищными страстями. Под влиянием опьянения его поступки были неприличны, ужасны, – бесполезно их описывать; он осмелился оскорбить Тамару – солнце властителей, утренний восторг царей. Этот развратник, этот проклятый побежденный семью нечистыми духами, худшими, чем воспоминание об обитателях Содомы, оказался иудой против самого себя».

Тамара долго терпела, долго увещевала Юрия исправиться и сама, и через монахов, но наконец не вытерпела и решила развестись с ним. Юрий был выпровожен из Грузии, причем его дальнейшее существование было обеспечено: его отправили в Константинополь, одарив большими богатствами.

Но Юрий не покорился такой своей участи. Он очень скоро опять появился в Грузии. Здесь у него оказалось много сторонников. За него объявили себя многие начальники городов, и сын Андрея Боголюбского был возведен на престол грузинских царей.

Однако и Тамара не сдалась без борьбы – и у нее оставалось много приверженцев. Она успела собрать себе дружины, и в Грузии началось кровопролитное междоусобие. Кончилось оно победою Тамары. Юрий был прогнан, но вернулся опять, и опять началась было борьба, на этот раз закончившаяся решительною победою знаменитой грузинской царицы.

Впрочем, брак Тамары и Юрия Андреевича был не единственным в истории сношений России с народами Кавказского края. Еще в XI столетии киевский князь Изяслав I был, как говорят летописцы, женат на грузинской княжне из Абиссинской фамилии.

Монгольское иго разрывает Русь с Кавказом. Русь молча и терпеливо сносит бедствия, ожидая, как окрепнут ее силы, дабы свергнуть невыносимый гнет; населявшие Кавказ племена меняют под давлением турок и персов свою внешность, быт, религию, нравы, и несчастную Грузию постигает ее грозная судьба.

Наконец Русь при царе Иоанне III Собирателе становится свободною, могущество ее мгновенно, в смысле жизни государства, вырастает; повсюду проносится слух о великом северном государстве, имя царя Иоанна Васильевича популярно даже в Персии, и тут изнемогшая, пострадавшая Грузия обращается уже не за одною помощью, а за постоянным покровительством к московскому государю.

Царь Грузии Александр I Кахетинский (1492–1511) (о Кахетии уже упоминалось в предыдущем очерке) в 1492 году, когда Москва под властью Иоанна Собирателя поднялась на высочайшую для того времени ступень своего могущества, послал к нему посла Дамиана Норимана с товарищами, Хоземорумом и Шекенцем, которые представили московскому царю послание, где Александр себя называет меньшим холопом московского царя, а его – «светом зеленого неба, звездою темных, надеждою христиан, подпорою бедных, законом истинного, управою всех государей и ревностным обетником святого Николая». Александр просит в этой грамоте у могущественного московского царя и военной, и духовной помощи. Он говорит, что под влиянием утеснений варваров народ грузинский коснеет в невежестве, вера православная падает: храмы разорены и грузинские христиане подвергаются со стороны варваров невыразимым мучениям. Посольство было принято, но в это время Москве совсем было не до Грузии. С одной стороны, велись переговоры с крымским ханом Менгли-Гиреем, с другой – грозила долгою и кровопролитною войною Литва, и, кажется, все на этот раз ограничилось лишь тем, что царь Иоанн изъявил лишь свое принципиальное согласие принять под свою высокую руку несчастную страну. Однако войск послано не было, и о Грузии в Москве как бы забыли.

Тем не менее при Иоанне Собирателе произошло некоторое обстоятельство, с которого, собственно говоря, началось или, вернее, возобновилось, правда в незначительных пока размерах, постепенное движение Руси в Предкавказье.

Рязанские казаки, жившие по реке Черленый Яр, так прогневали Собирателя своими озорствами и непокорствами, что, во избежание грозного военного наказания, они сочли за самое лучшее уйти куда-нибудь подобру-поздорову. Рука же у Собирателя была куда какая тяжелая, да притом настолько длинная, что, в какую сторону ни уходи, везде достал бы их грозный московский царь, и достал бы со всеми семьюшками и животами. Тогда бывалые люди рассказали, что есть река Терек, что течет из Ясских гор в море «Каспицкое», а на этой реке есть не то город, не то область, не то место такое, Тюмень по названию, где живет всякий вольный люд, живет и знать себе ничего не хочет. А рядом за Тереком есть «шавкал» – князь владетельный, который живет в крепком городе Тарках и вольному люду ни в чем не препятствует. У моря же «Каспицкого» хозяина нет, всякий гуляй по нему и делай что

хочешь... Если кто смел да силен, тому в тех местах не жизнь, а рай, совсем не то, что под Москвою быть...

Это предложение показалось заманчивым казакам Черленого Яра. Ближайшей весной они поднялись всей своей станицей, с семьями, пожитками и тронулись в дальний путь-дорогу. По весеннему донскому половодью выплыли переселенцы на Волгу, а по ней, матушке, на приволье Каспия, а там на Терек и в Тюмень. Но здесь им не понравилось. Должно быть, пришельцы не чувствовали себя достаточно сильными, чтобы поселиться в местности, где собирались разбойники со всего огромного края. Отправились казачки далее по Тереку, вверх к черкесам Пятигорья (нынешним кабардинцам), сумели подружиться с ними и поселились в предгорьях Кавказского хребта, там, где Аргун впадает в Сунжу.

Так как эти казаки жили на горах (на горном гребне), то очень скоро за ними установилось наименование гребенских казаков, впоследствии столь прославивших себя как первый мощный оплот Руси среди полудиких и диких горских народцев.

В сказании о Гребенской иконе Божией Матери говорится также, что гребенские казаки, или гребенцы, произошли от донских казаков, живших в XVI веке между реками Донцом и Калитвою у Гребенских гор. В значительно позднее время, а именно в 1582 году, триста человек казаков под предводительством атамана Андрея прошли через Маныч, Куму и Терек в ущелья Кавказских гор и поселились в гребнях на берегу горной речки Акташ, где они и прожили никем не тревожимые с небольшим целое столетие. Можно думать, что здесь митрополит Стефан Рязанский, которому принадлежит вышеупомянутое сказание, говорит о другой партии выселенцев, ибо, как мы увидим ниже, гребенцы появляются в Москве уже около половины XVI века, и не с Акташа, а с Терека.

Жили эти люди, к ним с Дона приходили земляки, некоторые из них сами уходили в пределы оставленной родины. Связь, таким образом, с Москвой не прерывалась никогда. Могучим связующим звеном являлось и православие, которое неприкосновенно сохраняли выселенцы.

Москва, впрочем, просмотрела это первое появление русских людей у самого хребта. В царствование Василия III Иоанновича, а потом и в начале царствования Иоанна IV, когда Русью правила то одна, то другая партия, не до таких «далеких дел» было. Но вот молодой царь Иоанн IV Васильевич сокрушил ханство Казанское, а затем покорило под его высокую царскую руку ханство Астраханское; Русь стала в низовьях Волги и вышла затем на привольное раздолье «синя моря Каспицкого».

Пусть наш знаменитый историк С. М. Соловьев скажет, что было последствием этого во взаимоотношениях Руси и Кавказского края.

«Утверждение в устьях Волги, – говорит историк, – открыло Московскому государству целый мир мелких владений в Прикавказье (то есть в Предкавказье и Закавказье); князья их ссорились друг с другом, терпели от крымцев и потому, как скоро увидели у себя в соседстве могущественное государство, бросились к нему с просьбами о союзе, свободной торговле в Астрахани, некоторые – с предложением подданства, и, таким образом, незаметно, волею-неволею затягивали Московское государство все далее и далее на Восток к Кавказу и за него. Тотчас после падения Казани, в ноябре 1552 года, приехали в Москву двое черкасских князей с просьбою, чтоб государь вступился за них и взял их себе в холопы. В августе 1555 года приехали в Москву князья черкасские-жаженские (не чеченские ли?), Сибок с братом Ацымгуком да Тутарык, в сопровождении 150 человек. Били они челом от всей земли Черкасской, чтоб государь дал им помощь на турецкого и крымского царей; а они – холопы царя и великого князя с женами и детьми вовеки. Государь пожаловал их своим великим жалованьем, насчет же турецкого царя велел им отомолвить, что турецкий султан в миру с царем и великим князем, а от крымского государя хочет их беречь как только можно. Князь Сибок просил, чтоб государь велел окрестить сына его, а Тутарык просил, чтоб окрестить

его самого. Летом 1557 года приезжали в Москву другие черкасские князья. Тогда же двое князей черкасских-кабардинских, Темрюк и Тизрют, прислали бить челом, чтоб государь велел им себе служить и велел бы астраханским воеводам дать им помощь на шамхала Тарковского. Посол говорил: только государь их пожалует, как пожаловал жаженских князей, и поможет на недругов, то князь грузинский и вся земля Грузинская будут также бить челом государю в службу, потому что грузинский князь в союзе с кабардинскими князьями. С другой стороны, из владений шамхала и князя тюменского (с берегов Терека) пришли послы с челобитьем, чтоб государь велел им быть в своем имени, приказал бы астраханским воеводам беречь их со всех сторон, а торговым людям дал бы дорогу чистую; что государь велит себе прислать, то будут присылать каждый год. Черкасские князья просили помощь на шамхала, шамхал просил помощи на черкасских князей. Тюменский мурза просил помощи на дядю своего, тюменского князя: посадил бы государь его на Тюмене, а он – холоп государев; подданные шамхала просили, чтоб государь дал им другого владетеля, а они – всю землю холопы государевы; ханы хивинский и бухарский присылали с великим челобитьем, чтоб государь дал дорогу купцам их в Астрахань. Около того же времени появились в Москве и старшины гребенских казаков, которых, как говорится в казачьей песне, приведенной во втором очерке, грозный царь пожаловал „рекою вольною Тереком Горынычем, что от самого гребня до синя моря, до синя моря до Каспицкого“. По царскому повелению на Тереке, там, где в него впадает Сунжа, была поставлена крепость, отданная царем гребенцам, причем им было повелено „служить свою службу государскую и беречь свою вотчину кабардинскую“.

Когда наступил стихийный период царствования Иоанна Васильевича, называемый обыкновенно «мрачным», решили уйти в 1579 году навлекшие на себя царский гнев знаменитый Ермак Тимофеевич и еще два донских атамана. Совещание их происходило в устье Волги; первый ушел в Сибирь, один из остальных – на Яик, а последний – на Терек. Здесь, в устье этой реки, пришельцы срубили укрепленный городок Тюмень, или Терки, что оказалось очень кстати. Еще в 1571 году турецкий султан грозил Москве тяжелою войною, причем одной из причин выставлялось сооружение Терской крепости при слиянии Сунжи с Тереком. Чтобы устранить войну, малейший неуспех в которой мог поднять на Русь и астраханских, и казанских татар, царь Иоанн IV Васильевич послал в Константинополь посла Кузьминского сказать, что, «желая быть с тобою вперед в братстве и любви, мы показали братской любви знамя: город с Терека-реки из Кабардинской земли велели снести и людей своих оттуда свести в Астрахань». Но султан ровно ничего от этого не выиграл. Сама судьба вела Русь на Кавказ: Терская крепость исчезла, а на том же Тереке, да еще в устье его – на самом выгодном месте – появились Терки...

В этих Терках был сбор всяких воровских (беглых) казаков, сумевших привлечь к себе кабардинцев, чеченцев, кумыков и даже черкесов.

После султан не раз жаловался на терских казаков... «Русские казаки, – писал крымский хан Годунову в 1589 году, – живут на перевозах и топких местах; на них нападают», но в это время московское правительство уже понимало значение этих поселений, и терское казачество пользовалось его могучим покровительством. Кроткий царь Феодор Иоаннович, сын и наследник Грозного, а вернее, его наместник Годунов восстановил Терскую крепость на Сунже и даже предполагал поставить крепость Койсу на Сулаке, дабы сдерживать непримиримого врага Грузии, шамхала Тарковского.

Здесь необходимо опять сказать несколько слов о взаимоотношениях России и Грузии.

Лев Ирана

В Персии в это время царствовал величайший из ее государей шах Аббас (1585–1628), получивший прозвание Лев Ирана. Сохранилась легенда, что в тот самый день, когда он родился, в Грузии внезапным местным землетрясением разрушена была ее древнейшая святыня, обитель святого Георгия, в 20 верстах от Телава. Этому государю, которого история называет гениальным, нужна была Грузия как природный оплот в задуманной им борьбе с Турцией, и он все свои усилия направлял к тому, чтобы прибрать ее, так или иначе, к рукам. Давление со стороны Персии на Кахетию и Карталинию оказывается страшное, и под влиянием его кахетинский царь Александр II, угрожаемый с одной стороны персами и с другой – турками, в 1586 году отправил в Москву к царю Феодору Иоанновичу посольство, через которое бил челом со всем народом своим, чтобы единственный православный государь принял их в свое подданство – «спас жизнь и душу». Феодор принял Александра Кахетинского в подданство, в Кахетию отправлены были учителя, монахи, священники, иконописцы, чтобы восстановить чистоту православного учения и богослужения. Кроме духовной была дана и помощь вещественная: «отправлен был снаряд огнестрельный, и, кроме того, исправлена была Терская крепость и занята стрельцами. С того же времени в титул московских царей был прибавлен новый титул: „государь земли иверской, грузинских царей и кабардинской земли, черкасских и горских князей“», но, несмотря на все это, из-за Кахетии Москва не решилась вступить в борьбу с Турцией, и только после долгих выпрашиваний московский царь решил, в угоду Александру, сделать шавкалу¹ (шамхалу) тарковскому «великое утеснение», отняв у него его столицу Тарки и посадив на его место Александрова свата, Крым-Шевкала. Пятьсот ратных людей под начальством воеводы князя Дмитрия Ивановича Хворостина, усиленные терскими и гребенскими казаками, весною 1594 года тронулись из Астрахани, явились на Терек, пошли с него на Сулак и быстро взяли Тарки, разбив на Сулаке тарковцев, кумыков и ногаев. Но взять оказалось мало. Хворостину пришлось держаться во взятой столице шамхальства. Дагестан не покорялся, шамхал, дряхлый, но сообразительный старик, держался медлительной политики – «ловил скорпиона за хвост»: окружил Тарки, стал блокировать город, а когда к нему подоспел на помощь аварский хан, то положение русских, запертых в Тарках, стало критическим. Дагестанцы теснили их, беспокоили постоянными фальшивыми атаками, кахетинцы же, ради которых явились в шамхальство русские дружины, и глаз не казали. Хворостин решил отступить. Но и отступление представлялось чрезвычайно опасным; враги так и кишели вокруг Тарков, а у русских было множество больных и раненых. Однако отсиживаться далее было невозможно и уйти все-таки пришлось. Ушли ночью, бросив лишнее оружие и все тяжести. Враги проспали русских. Отойти удалось благополучно, но судьба была против русских: в беспросветном ночном мраке отряд сбился с пути и попал в болотистую низину, через которую проходит устье реки Озени; здесь на отступавших напали лезгины. Русские свернулись в кольцо, отразили натиск, но, чтобы идти далее, должны были бросить своих больных и раненых, которых тут же, почти на глазах товарищей, замучили варвары. Так продолжалось в непрерывном кровопролитном бою все утро, когда на изнемогавший уже отряд Хворостина наткнулись главные силы шамхала и аварского хана. Их вели пришедшие в неистовство муллы, поджигавшие их к бою стихами из Корана. Но герои с богатырским натиском продвигались вперед. С обеих сторон валились люди, трупы устилали путь, но ожесточенный бой все кипел и кипел, и так продолжалось до позднего вечера. Русские успели к этому времени добраться до Сулака и переправиться

¹ Титул правителей в Дагестане с XI века по 1867 год.

через него. Здесь они были уже в относительной безопасности и пошли на Терек, куда – увы! – явилась только четвертая часть тех, кто пошел отсюда на Тарки.

Это было первое вооруженное столкновение Руси с кавказскими племенами. С этого и началось уже вооруженное движение Руси в Предкавказье, закончившееся покорением его, завершившееся уже во второй половине XIX столетия полным покорением всего Кавказа.

Кахетия и Карталиния переживали в эти времена жесточайшие испытания. Шах Аббас сумел вызвать в царских семьях раздоры. Кахетинский царь Александр II был зарезан своим сыном ренегатом Константином, поставившим Кахетию в вассальную зависимость от Персии. Тогда выдвигается народная героиня Грузии, будущая святая мученица царица Кетеван, вдова сына Александра – Давида II, мать Теймураза. Она сама предводительствует войсками, уничтожает Константина и именем сына Теймураза правит государством. Аббас, занятый в это время Карталинией, притворился, что считает гибель Константина возмездием свыше.

– Отцеубийца достоин смерти, – говорит он и, отпуская в Кахетию Теймураза, находившегося при его дворе, объявляет ему: – Ступай в Кахетию, и пусть в этой стране прекратятся раздоры.

Аббасу действительно было не до Кахетии.

По его приказанию был отравлен принявший магометанство царь карталинский Георгий X, и шах отдал в 1605 году карталинский престол его сыну, Луарсабу II.

В это время карталинцам пришлось выдерживать отчаянную борьбу с турками, надвигавшимися на Грузию со стороны Триалетских гор при своем возвращении из Персии. Но среди карталинцев не ослабел еще могучий дух их предков, и народ выдвигает из своей среды героя-богатыря Георгия Саакадзе и ставшего грузинским предшественником Сусанина – священника Федора из Квельты.

Турки захватили Федора после того, как разбили наголову грузинскую армию, под начальством двух лучших полководцев Луарсаба – Захария и Яроли. Федор был довольно известный своими учеными трудами священник, явившийся к царю для ученых бесед, и победители надеялись, что через него они узнают, куда скрылся Луарсаб после поражения. Но грузин Федор поступил именно так, как наш костромич Сусанин: он завел в горные дебри отряд, посланный с ним для поимки Луарсаба, и здесь объявил:

– Не пожертвую вечною жизнью временной – не буду предателем царя!

Он кончил жизнь в страшных мучениях, но Луарсаб был спасен.

Это самоотвержение, однако, спасло царя Карталинии, но не спасло самой страны. Бесчисленные турецкие войска покрыли все долины Карталинии. Тут-то выступает Георгий Саакадзе в качестве народного вождя. Саакадзе был человек невысокого происхождения, но уже двадцати семи лет был владетельным князем с титулом моурава². Родовая грузинская знать смотрела на него сперва косо, а потом дошла до того, что от Луарсаба даже потребовали смерти Саакадзе. Но тут-то этот герой показал, что он необходим для родины. Вскоре после самопожертвования Федора в Схертской долине на берегах Куры произошла кровопролитная битва. Слабые численностью грузины ударили на несметные полчища турок. Предводительствовал Саакадзе. Герой князь Заза Цицианов пробился к самому главнокомандующему турецкой армией, паше Дели-Мамад-хану, отрезал ему голову и успел возвратиться со своим кровавым трофеем к Луарсабу. Турки, пораженные таким геройством, смешались. Саакадзе со своими ничтожными дружинами бросился на потерявшую вождя массу, и несметные полчища побежали перед горстью храбрецов.

Саакадзе спас отечество, а воспользовался этим Аббас. Вскоре после этого дворцовые интриги против героя, а в особенности брак Луарсаба с сестрой Саакадзе, заставили героя ради спасения жизни (и своей, и близких) бежать в Персию, шаху которой он и предложил

² Управляющий провинции, округа, города, селения.

завоевать Карталинию. Аббас принял его с величайшими почестями, но воспользовался его услугами не сразу. Он направил его в Индию и против турок, но пока сберегал его для дальнейших действий против грузин.

Шах Аббас еще не начал действовать огнем и мечом. Он предпочитал более верный путь. Понимая все ничтожество Кахетии и Карталинии, он старался обращать грузин в магометанство. Царь и князья легко меняли веру, но народ оказывал энергичное сопротивление, и лишь тогда Аббас решился прибегнуть к кровопролитию. В 1615 году он появляется в Ганже (Елисаветполь) и по совету Саакадзе требует аманатов (заложников) у кахетинского царя Теймураза. Тот послал было ему своего сына с матерью своей, царицею Кетеван; Аббас отказался принять малолетка, но Кетеван оставил и потребовал уже самого Теймураза. Тот, надеясь на помощь Луарсаба, отказался и вскоре должен был вместе с этим последним бежать в Имеретию. Вскоре Аббасу удалось поймать Луарсаба, и тот, отправленный в Персию, был там задушен, а на престол Карталинии шах поставил магометанина Баграта V (1616–1619), в Кахетию же – вероотступника Исахана, бывшего царевича Иессея, двоюродного брата Теймураза. Однако у последнего были сторонники; Исахан был убит, и Теймураз снова вступил на престол. Тогда в 1617 году Аббас двинул свои войска в Кахетию. Какие ужасы произошли тогда! Война, везде война, но нет ужаснее войны, которую с успехом ведут азиатские народы. «Войска Аббаса, – говорит историк Потто в своей статье „Эпоха персидского владычества в Грузии“, – шли, все попирая на своем пути, грабя монастыри, раздирая иконы и кресты и обращая священные предметы на украшения своих гаремов. Христиане вместо защиты и отпора только и делали, что собирались в церквах – каялись, молились и вместе с церквами были сжигаемы персами. В ночь на Пасху в одном из монастырей Гареджийской пустыни по личному повелению шаха Аббаса были перебиты шесть тысяч иноков, и под развалинами монастыря и поныне стоит престол и на нем вместо священной утвари связанные крестообразно человеческие кости. Эти кости и дали название целой лавре, именуемой Моцамети, то есть лавра мучеников. Но что ужаснее всего, так это то, что войсками Аббаса предводительствовал грузинский герой Георгий Саакадзе».

Отметим здесь также, что, овладев Мцхетом, Аббас захватил величайшую святыню всех христиан – хитон Спасителя.

Кахетия была в руках Аббаса.

Спущенные им с гор лезгины овладели лучшей частью этой страны, между Кавказскими горами и рекой Алазанью. Карталиния была под властью магометанина, и в таких ужасных обстоятельствах царь Теймураз отправился в Россию искать покровительства и помощи уже у вступившего тогда на престол царя Михаила Феодоровича.

Итак, мы возвращаемся после некоторого необходимого отступления к России.

Заметим себе, прежде всего, положение: Русь стремится в Предкавказье, а в Закавказье есть Грузия – страна обширная, великолепная, – которая сама стремится к Руси.

Что вышло из этого взаимостремления, показал только XIX век.

Москва и Кавказ

Но в самом начале XVII века Русь как будто потерпела полное поражение в своих стремлениях на Понто-Каспийский перешеек. Неудачный поход в Дагестан Хворостина при царе Феодоре Иоанновиче не оказался вразумительным уроком для его преемника – талантливейшего из русских царей Бориса Феодоровича Годунова. Он делает попытку из номинального «государя земли иверской, грузинских царей и кабардинской земли, черкасских и горских князей» стать их действительным владыкою. В 1604 году из Казани и Астрахани на Терек двинут был десятитысячный отряд под начальством Ивана Бутурлина и воеводы Плещеева. Первый шел со стрельцами, второй – с боярскими детьми и казаками. Ожидалась сильная помощь из Грузии, но грузины не пришли, повинувшись воспреещению шаха. Однако русские и без них шли безостановочно на Тарки. Они поставили остроги на реках Сулаке и Акташе и быстро овладели всем шамхальством, взяв и столицу ее, Тарки, после кровопролитного штурма. Шамхал был дряхл. Он отстранился и предоставил ведение войны своему молодому, энергичному сыну, султану Муту. Тот поднял на русских весь Дагестан, уничтожил острожки на Сулаке и Акташе и пробовал даже выбить русских из Тарков. Это не удалось. Однако русский отряд настолько ослабел, что его воеводы решили вступить в переговоры с султаном Муту. Тот тоже не чувствовал себя достаточно сильным для открытой победы, выпустил русских, давших обещание, что более они «воевать Тарки» не будут. Заключен был мирный договор, и русский отряд вышел из столицы шамхальства, но Бутурлин и Плещеев совершенно упустили из виду, что они имеют дело с азиатами. Мусульмане справляли в это время свой праздник Байрам. Под предлогом военных игр, джигитовок и прочего дагестанцы в полном вооружении следовали за уходившим отрядом. Под предлогом свадьбы шамхала с дочерью хана аварского подтянуто было еще подкрепление в 20 тысяч аварцев. Во время пира русские тоже получили в изобилии хмельную бузу и, перейдя речку Озень, на берегах которой уничтожен был отряд Хворостина, расположились на ночлег. Очень многим не пришлось увидеть следующего утра. Ночью на беспечно спавших русских опрокинулось все дагестанское скопище. Побоище вышло ужасное. Бутурлин, Плещеев и 7 тысяч человек из их отряда, не считая больных и прежде раненных, легли на месте; но главным было то, что вплоть до Петра Великого русские уже не показывались в Дагестане, и представителями Руси в Кавказском крае являлись только терские и гребенские казаки, которые и после этого поражения остались на своих местах, в горных ущельях Кавказских гор и на левом берегу Терека Горыныча.

Вскоре для Руси настало проклятое Лихолетье, и, конечно, тут уже было не до завоеваний. В это Смутное время кое-чем заявили себя терские казаки. Они, как люди воинственные, вовсе не желали ни сеять, ни жать, ни собирать в житницы, они просто желали жить за счет соседей, грабя их как сидорову козу. Но соседи тоже были не промах и в обиду себя не давали. Терцы сперва хотели идти на Куру и грабить турецкие области, а в случае неудачи передаться все тому же персидскому шаху Аббасу, но тут до них дошел слух, что творится в Московском государстве. Терцы тогда вспомнили, что они родные и единоверные русскому народу, и решили, что «го раздо выгоднее пустошить Московское государство под знаменами самозванца и получить такую же честь, какую получили донцы и черкасы от Лжедмитрия» (Соловьев С. М. История России с древнейших времен. Т. VIII). Триста самых удачных из терских казаков под начальством атамана Федора Батырина условились выставить от себя претендента на московский престол, но так как близкое общение с восточными народами изошрило фантазию этих людей, то они не стали выставять в качестве кандидата в московские цари подставного сына Грозного, а ударились в оригинальность. Эмиссары терцев разгласили, что жена царя Феодора Иоанновича, Ирина, в 1592 году родила сына Петра

(у этой царственной четы на самом деле была дочь Феодосия, умершая в младенчестве), а Годунов подменил новорожденного мальчика девочкой, вскоре после того умершею.

Пользуясь этим, терцы выставили самозванца Илюшку Муромца, которого переправили в Астрахань. Он вначале имел успех, добрался до Тулы, этого гнезда самозванцев в Лихолетье, но был там осажден царем Василием Шуйским и преисправно повешен им «как вор и бродяга».

Здесь особенно важно то обстоятельство, что на Тереке и в то время был уже московский воевода, который отговаривал буянов от злого дела и которому эти буяны представляли самозванца. Из этого ясно следует то, что часть Предкавказья, прилегающая к Тереку на юге и к Каспию на востоке, уже прочно была присоединена к России – иначе зачем же быть на Тереке московским воеводам?...

Когда на Руси после Лихолетья восстановилось единодержавие, то мы уже видели, что царь грузинский Теймураз не замедлил обратиться к царю Михаилу Феодоровичу с просьбой о помощи.

В 1619 году в Москву является посольство Теймураза, которое передает положение своей родины так: «И вам, великому государю, свои слезы и бедность объявляем, что светлость наша превратилась в тьму, и солнце уже нас не греет и месяц нас не освещает, и день наш светлый и чинился ночью, и я [Теймураз] в таком теперь положении, что лучше бы я не родился, нежели видеть, что православная вера христианская и земля Иверская при моих очах разорились, в церквах имя Божие не славится и стоят оне все пусты».

Кахетинский царь просил у русского царя защиты для родины и защиты перед Аббасом за свою семью, и в особенности за свою мать, царицу Кетеван, находившуюся у шаха. Но, прежде чем ходатайство русского царя достигло Персии, Кетеван уже была зверски замучена в Ганже, и испугавшийся Аббас, чтобы задобрить Михаила Феодоровича, послал ему плененную им драгоценность – хитон Господень. Царь Михаил получил эту высочайшую реликвию и успокоился, а Аббас спустил своих звероподобных дикарей-воинов на Карталинию, поставив во главе их все того же Саакадзе. Но сердце изменника-героя тронулось несчастьями родины. Он перешел к землякам и стал во главе кахетинцев. Счастье благоприятствовало ему. Он освободил Кахетию и Карталинию от персов. Аббас казнил его сына и жену его любимого друга, эристава Зубари, но Саакадзе как бы принес их в жертву своей родине. Он задумал великое дело – объединение Грузии и восстановление ее в прежних пределах, но не для себя, а для несчастного Теймураза. Много героических подвигов совершил этот грузинский Алкивиад, но эти подвиги не были угодны высшей воле. Саакадзе удивлялись, но не верили, и в конце концов он должен был удалиться к туркам в Константинополь, где потом был зарезан по требованию жены визиря Хозрева-паши, объявившей, что знаменитость моурава заслоняет знаменитость ее мужа...

Это было в 1629 году. Шах Аббас умер на год ранее.

Когда Теймураз, как мы видели выше, обращался к московскому царю Михаилу Феодоровичу с просьбой о помощи (послом Теймураза был епископ Феодосий), то царь Михаил ограничился только дипломатическими представлениями шаху Аббасу. Спустя двенадцать лет, в 1636 году, в Москву явилось новое грузинское посольство, во главе которого стоял архимандрит Грузии Никифор, который объявил о желании своего государя быть в совершенном подданстве у московского царя. По поводу этого посольства собрана была царская дума. Она долго судила и рядила, и в 1637 году в Грузию были отправлены князь Федор Волконский, дьяк Артемий Хватов и пятеро духовных с тем, чтобы взять от Теймураза и грузинского народа крестное целование на верность московскому царю. Хотя Волконский, приехав на место, увидел, что у Теймураза во владении осталась одна только Кахетия, он исполнил поручение, и царь грузинский поцеловал крест, то есть присягнул московскому государю на верность. При этом посол оказался настолько дипломатичным, что не дал на будущее ника-

кого обещания, которое связывало бы Москву. Теймураз ввиду этого свел все свои просьбы к тому, что просил царя Михаила возобновить крепость в горах для защиты Грузии от дагестанцев, прислать лекаря и горного инженера («рудознатца»). Лекаря ему послали, крепость ставить отказались, помня погромы Хворостина, Бутурлина и Плещеева, а насчет «рудознатца» отказать не отказали, но предложили прислать в Москву образчики руды. Впрочем, посланный с таким ответом князь Мышецкий отвез Теймуразу 20 тысяч ефимков, не считая соболей: подлинно за Богом молитва, за русским царем служба не пропадает!..

Духовенство, бывшее в составе русских посольств, вынесло тяжелое впечатление из того, что оно видело в Грузии; тем более что русские-то сами с трудом в то время разбирались, что истинно, что несогласно с православием.

Однако Грузия не переставала молить Русь о подданстве под руку ее царя.

При царе Алексее Михайловиче, весною 1647 года, приехал в Москву посол от Теймураза и подал такую грамоту:

«Как у отца твоего был я с сыном своим и со всею Грузинскою землею в холопстве, так теперь и тебе, великому государю, бью челом в холопство. Отца твоего заступлением и жалованием наше Грузинское государство живо и цело; а если ты нас не пожалуешь, за нас не вступишься, то окрестные государства нас разорят без остатку и станут говорить: „Вы поддались московскому государю, и он вас выдал, за вас не вступился“. Теперь сам я Теймураз царь, с сыном своим Давидом, отдался тебе в холопство со всею Грузинскою землею; внука своего, Григорья, пришлю к тебе в холопы в Москву, а за большего моего внука, Иоасафа, изволил бы ты выдать сестру свою государыню царевну. Да вели к нам послать митрополитов, сколько изволишь; государство Грузинское – Божье да твое; и вера так же была бы справлена, как и в твоём великом государстве».

Между тем в это время, особенно в 1648 году, в Москве было не до Грузии. В 1649 году оттуда явилось новое посольство.

«Хотел я, – писал Теймураз, – отправить к тебе, великому государю, внука своего, Николая, но как узнали об этом персияне, то начали государство мое воевать с трех сторон. Мне через горы внука своего послать нельзя, а на Шемаху персияне не пропустят. Пожаловал бы, великий государь, прислал за внуком моим своих людей и велел взять его к себе в холопы».

С ответом на эти предложения отправился в Грузию в 1650 году, как свидетельствует С. М. Соловьев, Никифор Толочанов.

Толочанов объявил Теймуразу главную цель своего посольства – взять с собою в Москву внука его, царевича Николая.

– А выдаст ли за него великий государь сестру свою? – спросил Теймураз.

– С нами об этом деле не наказано, – отвечал посланник, – такое великое тайное дело, кроме Бога да великого государя, кто может ведать? Если Бог изволит, а его государская мысль будет, то дело и состоится; а если не будет воли Божией и государской мысли, то делу как состояться? Ты только отпуская с нами внука своего, исполняй перед великим государем правду свою.

– Если я внука своего пошлю, – продолжал Теймураз, – а государь не изволит государства моего, Кахетии, очистить, ратных людей и казны не пришлет, то зачем моя посылка?

– Ратных людей, – отвечал Толочанов, – послать к тебе нельзя, потому что горы снежные, высокие, в них расселины большие, ратным людям пройти, наряду и запасов провезти нельзя; у тебя государство пустое, и то за шахом; хотя ратные люди и пройдут, то им у тебя с голоду помереть; а казны тебе государь пришлет столько, сколько тебе и в ум не вмещалось, если теперь исполнишь правду свою, внука с нами отпустишь. Кроме того, государь пошлет великих послов к шаху, чтобы отдал Кахетию по совету и братству, а если не отдаст, то думаем, что великий государь пошлет войско свое Каспийским морем на шаховы города

и велит городов разорить вдесятеро, – только ты совершай правду свою. Если тыпустишь с нами и другого внука своего, Влавурсака, то великий государь даст ему свое жалование по своему милосердому рассмотрению.

– Влавурсака никому не отдам, – сказал Теймураз, – мне самому не с кем будет жить, некому будет и души моей помянуть.

– Ты нам объявил, что тебя разорил тифлисский хан, – продолжал посланник, – так если тебе в Грузинской земле жить не у чего, то ступай и ты сам к царскому величеству, – нам велено принять тебя и с подданными твоими.

– Когда будет мое время, тогда и поеду к государственной милости, а теперь еще побуду здесь, – отвечал Теймураз.

Все эти разговоры кончились тем, что Теймураз не отправил внука в Москву.

Сильнее высказывал свое усердие к великому государю имеретинский царь Александр, присягнувший при Толочанове царю Алексею Михайловичу.

– Теймураз царь, – говорил Александр, – внука своего с вами не отпускает; а если бы у меня был сын мой, Баграт, да брат, Мамука, то я обоих к царскому величеству отпустил бы. Если государю угодно, то он прислал бы воеводу своего в Кутаис; если бы мне было кому свою отчину, Имеретинскую землю, приказать, то я и сам поехал бы видеть пресветлые государевы очи.

В грамоте своей к царю Александр писал: «Учинился я и сын мой, и брат, и весь духовный чин, и ближние люди, и всего государства воинские ратные и земские люди под вашего царского величества высокою рукою в подданстве навеки неподвижно, от детей на внучат; и тебе бы, великому государю, меня не презреть и от недругов неверных держать в обороне, чтобы люди моего государства в неверие не впали. Прежде были у меня в подданстве дадьяне, и несколько лет тому назад отложились, поддались турецкому султану и живут с басурманами заодно, берут себе на помощь басурманскую рать, меня разоряют и воюют. Донские казаки ходят на Черное море и басурман воюют, а православным христианам никакого вреда не делают; а дадьяне казаков к себе приманивают, будто хотят вместе с ними воевать басурман, и, приманя в свои места, их побивают и к туркам продают, и в подарок отсылают турецкому султану, который за это присылает им жалованье. Те же дадьяне крадут христиан из моей земли и у себя и отсылают к персидскому шаху, просят у него себе помощи. Дадьянский владелец сестру свою отдал к шаху и от христианской веры отрекся, зато ему от шаха жалованье и помощь. Он же, дадьянский владелец, отослал другую свою сестру Рустемхану тифлисскому, чтобы тот шел на меня войною, и Рустем-хан много раз присылал своих ратных людей на мое государство. Теперь я у царского величества милости прошу и желаю, чтобы как-нибудь с Черного моря стругами учинить над дадьянами промысл, за то разоренье им отмстить, от басурман отлучить, в православии утвердить и под мою руку привести по-прежнему. Дадьянский князь прислал ко мне, что хочет опять быть у меня в подданстве и сам ко мне приехать, чтобы только я прислал к нему сына моего в заложники; я сына своего к нему послал, а он ко мне не приехал и сына моего не отпустил. „Тогда, – говорит, – отпущу к тебе сына, когда ты поддашься турецкому султану“. Брат мой пошел на охоту, а дадьянские люди схватили его и держат у себя. Великий государь пожаловал бы меня, помог мне сына и брата из неволи освободить; а как освободятся, то к себе ли их велит взять, или мне отдать – в том его государева воля. Да пожаловал бы, велел прислать мне печать свою, чтобы во всей земле царское повеленье было вернее; да велел бы государь прислать моим ближним и ратным людям жалованье, чтобы они скудны и безконны не были и имели бы мочь стоять против своих недругов; да велел бы прислать мне пушечный наряд, чем от недругов обороняться».

С 1653 года начинаются приезды в Москву грузинских владетелей. В этом году приехал восьмилетний внук Теймураза, Николай Давидович, с матерью Еленою Леонтьевною. За

внуком поднимался и сам дед. Когда в 1656 году приехал к Теймуразу государев посланник Жидовинов с ефимками и соболями, то бедный старик встретил его в Имеретии и говорил посланнику:

– Персидский шах выгнал меня из моего государства, и живу я теперь в Имеретинской земле, у зятя своего, царя Александра; но от него помощи мне никакой нет; скуден я всем, а в свое государство от неприятелей ехать не смею. Теперь я с царицею своею, со внуком и со внучкою и со всеми людьми еду служить великому государю в Москву; поедут со мною человек с триста.

В январе 1657 года в Посольском приказе дьяки расспрашивали троих грузин, приехавших из Тушетии, зачем они в Москву приехали.

– Приехали мы бить челом великому государю, чтобы пожаловал нас для православной веры, велел принять под свою высокую руку в вечное подданство.

– А прежде у кого были вы в подданстве, и кто у вас начальные люди, и вера у вас христианская ли, и как далеко вы живете от Терека и в каких местах, и города у вас есть ли, и сколько у вас служилых людей, и какой у вас бой? Кто у вас соседи, и нет ли вам от персидского шаха, от кумык и от черкес какого утеснения? Хлеб у вас родится ли, и если великий государь изволит принять вас под свою высокую руку, то на каких статьях вы хотите быть в подданстве?

– Мы хотим быть у царского величества в вечном холопстве, где велит быть на службе – и мы готовы; вера у нас христианская, живем мы в крепких местах, в горах, в трех станах, а городов и начальных людей у нас нет – всякий владеет своею деревнею; ратных людей у нас восемь тысяч, бой лучной и копейный; все бывают в панцирях; от Терека до Тушинской земли скорого хода четыре дни; прежде мы были подданные Теймураза царя, а как его персидский царь разорил, с того времени живем особо.

Наконец в 1658 году явился в Москву и сам царь Теймураз Давидович. На представлении великий государь велел царю Теймуразу приступить к своему царскому месту и изволил встать. Тут Теймураз стал бить челом, чтобы великий государь дал ему свою царскую руку целовать; но великий государь руки не дал и сказал:

– В Евангелии написано: «идеже будут собрани во имя Мое, ту есмь и Аз посреде их»; и мы воздадим хвалу Всемилоستивому Богу, сотворим о Христе целование во уста, ибо ты благочестивой христианской веры.

– Я – твоего царского величества холоп, – говорил Теймураз, – такого великого и пресветлого государя недостойно мне в уста целовать.

– На то Божья воля, что ты у нас в подданстве, – отвечал Алексей Михайлович, – но ты царь нашей благочестивой христианской веры, и по Христовой заповеди сотворим целование в уста.

«Тогда, – говорит историк, – Теймураз, с великим страхом, целовал государя в уста». Государь поручил боярину Хилкову переговорить с Теймуразом. После разговора Теймураз отправился на родину. В 1660 году уехал назад в Грузию и внук его, царевич Николай Давидович, с матерью и с царским посланником Мякининым.

В Астрахани они узнали страшные новости. Имеретинского царя Александра окормили; почувствовав смерть, посадил он на свое место сына, Баграта, и велел ему жениться на внучке Теймуразовой, что и было исполнено. Но молодой царь сидел на престоле только три месяца: царица, жена Александрова, дочь Теймураза, не желая видеть на царстве пасынка, схватила его, выколола ему глаза и вышла замуж за грузина Вахтанга, с которым и начала владеть Имеретью. Говорили, что она это сделала по наговору католикоса. Встала смута; царь Теймураз бежал в персидский город Тифлис. Боярин Ерисгов привел турок, а царицу с мужем ее сослал в глухой город Черного моря. Затем пришла другая весть, что Теймураза взяли и повезли к шаху. Несмотря на эту смуту в Грузии, царевич Николай уехал из Аст-

рахани и остался в Тушинской земле. В 1666 году он возвратился в Москву, а в 1674 году отпущен опять на родину.

Грузия не могла дожидаться, чтобы Россия в царствование Алексея Михайловича управлялась когда-либо со своими европейскими врагами и могла начать войну в отдаленном Закавказье. Грузинские цари указывали на персиян как на главных врагов своих, от которых русский царь должен оборонить их; но между Персиею и Россиею издавна происходили дружественные отношения, которые невыгодно было порывать. В 1650 году приехал в Москву посол шаха Аббаса, Магмет Кулыбек, и привез в подарок от шаха 4 тысячи батманов³ селитры. И когда дело дошло до Грузии, до Теймураза, посол так объяснял дело:

– Теймуразова сестра была с старым шахом Аббасом, а Теймуразова дочь была за отцом нынешнего шаха, Сефи, и поэтому Теймураз государю нашему свой. Ссоры у грузинского Теймураза с Рустемом, ханом тифлисским, потому, что они между собою свои близкие, одного поколения, пошли от великого князя грузинского. Рустемхан теперь шахов подданный и басурманин, и половина Грузинской земли за ним, а другая половина за Теймуразом. Так ссора между ними, и шах на Рустемхана сердится, что он Грузинскую землю разорил и царевича убил. Теперь Теймураз живет у зятя своего, имеретинского царя. Если бы он бил челом, то шах велел бы ему жить по-прежнему в своей земле. Я донесу об этом шахову величеству, и шах для царя велит Теймуразу землю его отдать и вперед его велит оберегать.

Далее посол требовал наказания для терцев, грабивших вместе с горцами области шаха.

Желание было исполнено только относительно «воровских» казаков. 39 человек их сидели в то время в тюрьме на Тереке; троих «вершили», то есть казнили, при после Магмет Кулыбеке: атамана Кондратья Иванова Кобызенка с двумя другими пущими заводчиками; четверо умерли в тюрьме; остальных прислали в Москву. Большая часть их была родом из городов Восточной Украины, трое москвичей, по одному из Великого Новгорода, Костромы, Луха, Романова и Перми, один грузин, а трое названы царегородцами. В 1653 году поехали в Персию великие послы: окольный князь Иван Лобанов-Ростовский и стольник Иван Комынин. Послы поехали жаловаться на шемахинского хана Хосрева, который давно уже грозился пойти войной на Астрахань и на Терек, все из-за казаков, а теперь, в 1652 году, писал к астраханскому воеводе, что гребенские казаки не только грабят персидских торговых людей, но в Дагестанской области поставили городок, служилых людей в нем устроили и там будто Черкасскую дорогу закрепили. Хосрев писал, что по шахову приказу он собирает войско, чтобы взять этот город, а потом идти под Астрахань и под Терек. Кроме того, русские торговые люди бьют челом, что в Шемахе Хосрев-хан, а в Гиляни – приказные люди задержали их третий год, утеснение всякое, обиды, насильства, налоги и убытки делают большие, бьют, грабят, – тогда как в Московском государстве персидским торговым людям во всем свобода и охрана. Шах принимает русских изменников и помогает им; откочевал от Астрахани государев подданный, ногайский Чебан-мурза, и кочевал под Терек, а потом начал кочевать по Кумыцкой стороне в дальних местах и учинился царскому величеству непослушен. В 1651 году ходили на него царские ратные люди – князь Муцал Черкасский и стрелецкие головы с ногайскими и черкасскими мурзами; но, когда государевы ратные люди пришли на Чебана, изменил подданный великого государя, вечный холоп Суркай, шевкал (шамхал) тарковский, и, сложась с Чебан-мурзою, начал с государевыми людьми биться, а ратные люди без царского указу с Суркай-шевкалом биться не смели. Потом Суркай и андреевский Каганалп-мурза с кумыками приходили войною на русский Сунжинский городок, под Барагуны, и на улусы князя Мурцала Черкасского, а к шевкалу прислано было ратных людей из Шемахи 500 человек да из Дербента 300 человек, с ними две пушки; эти шемахинские и

³ Мера веса, равная 10 пудам.

дербентские люди с кумыками многих царских ратных людей побили и переранили, а иных в плен захватили, барагунских мурз взяли себе, город Сунжинский сожгли, взяли лошадей с 3 тысячи, верблюдов с 500, рогатого скота с 10 тысяч да овец с 15 тысяч. Великий государь надеется, что все это сделано без повеления шаха Аббаса; надеется, что шах велит Хосрехана переменить за это с шемахинского владения и накажет его, чтобы вперед между обоими великими государями больше ссоры не было, велит отдать пленных и все пограбленное имение. Великие послы потребовали также, чтобы шах отдал Теймуразу его землю и наказал людей, разоряющих Грузию. На все это шах велел отвечать послам через своих ближних людей: покойный шах Аббас велел на Тереке сделать одну сторожню, а других городов ставить нигде не велел; но вашего государя люди поставили города без указа и торговых наших людей побили и пограбили; ссора началась, следовательно, с вашей стороны, и шемахинский хан Хосрев послал своих людей, которые те города сожгли. Хан Хосрев умер; преемнику его, Мигир-Алей-хану, и шевкалу Суркаю шах послал приказ – вперед с людьми вашего государя не ссориться; также и ваш государь запретил бы своим людям нападать на персиян, которые на море ходят. Суркай-шевкал, Чебан-мурза и барагунские мурзы приклонились к стороне шахова величества сами собою; а по нашему закону, кто к нам приклонится, тех насильно назад отдавать нельзя; а если они сами захотят служить вашему государю, то шах за них стоять не будет. Приказным людям велено отдать назад взятки, которые они побрали у русских людей. Как скоро царское величество велит отпустить с Терека Суркаева племянника и торговых персиян, там засаженных, то и русских торговых людей из Шемахи отпустят. Что же касается Грузии, то прежние шахи за непристойные дела царя Теймураза много раз посылали ратных людей в его землю, разоряли ее и самого выгнали. Теймураз рабски вину свою прежним шахам принес, детей своих прислал, и ему область его отдали. За это у прежних шахов с великими государями российскими нелюбья не бывало. В прошлых годах Теймураз опять затеял непристойные, ссорные, худые дела, и по шахову указу посланы на него ратные люди, которые на бою сына его убили, а его самого выгнали. Если Теймураз за вину своего внука своего к шахову величеству пришлет, то опять область свою получит.

– Не только та земля, – было ответом, – где Терек и Сунжинский городок, но и та земля, где Тарки, издавна принадлежит царям российским, города здесь было вольно ставить, и сам покойный шах Аббас просил об этом царя Михаила Федоровича. О грабеже торговых людей по сыску в Астрахани ничего не объявилось; а если бы и действительно казаки их ограбили, то эта беда им самим от себя: зачем они шли в караване вместе с тарковскими кумыками и другими воровскими людьми. Известно, что у терских и гребенских казаков с кумыками бывают ссоры большие; прежде купцы не хаживали в горы без обсылки с терским воеводою, и никто их не грабил. Кумыцкие шевкалы и мурзы – издавна холопы великих государей наших, а прежние персидские шахи в Кумыцкую землю не вступались; также и теперешний шах не вступался бы и с царским величеством за то нелюбья не начинал, а барагунские мурзы поддались шаху поневоле. Грузинская земля православной христианской веры греческого закона, и грузинские цари – издавна подданные наших великих государей.

– Нет! – начали говорить шаховые ближние люди. – Теймураз и вся Грузинская земля в подданстве у наших персидских шахов; правда, покойный шах Аббас обещал царю Михаилу Федоровичу охранять Грузию по братской дружбе и любви; если и теперь Теймураз сам придет к шаху или внука своего пришлет, то шах землю его ему отдаст. О Теймуразе и Грузинской земле мы в другой раз докладывать шахову величеству не станем, потому что он велел отвечать вам впрямь, и быть тому делу бесповоротно, также и всем другим делам. Нашим торговым людям в Московском государстве свободы нет, держат их на дворах за сторожами, а куда им случится выйти, то за ними также ходят сторожа.

– Это делается не для тесноты, а для оберегания, – отвечали послы.

Шаховы решения остались бесповоротны; переменилось только одно: Аббас велел отпустить всех задержанных в Персии русских купцов.

Ответ шаха насчет Грузии был слишком ясен: продолжать дело можно было только с оружием в руках, а для этого у России в царствование Алексея Михайловича не было никакой возможности.

Впрочем, несмотря на то, что московское правительство оставило как будто мысль о приобретении Закавказья, отдельные попытки русских удальцов, не имевшие, однако, серьезного характера, продолжались. Казачьи станицы на Тереке и за Терекон стойко противились чеченцам и кумыкам, а иногда и сами делали энергичные вторжения в Закавказье, проходя иногда не обычным путем – в промежутке между Кавказским хребтом и Каспием, – а и переваливаясь через самые горы. Так, когда шах Аббас вторгся со своими ордами в Грузию, на помощь несчастным кахетинцам и карталинцам явились казаки с Терека и стрельцы с Днепра, и явились добровольно, на свой страх и риск. Об этом говорят даже грузинские легенды. Они пришли к последней позиции грузин около Мцхета и участвовали в решавшей судьбу Грузии битве. Легенда сохранила даже слова, с которыми обратились к своим воинам стрелецкий и казачий начальники.

– Ребята, – говорил стрелецкий воевода, – ляжем костями на месте и не положим беславия на русское имя, по заветному слову наших отцов: «мертвые бо срама не имут».

– Утекать, братцы, некуда! – объявляет «товариству» казачий атаман. – Сами-то видите. До Днепра далеко, да там же у нас ни жен, ни детей нет, плакать будет некому. Так уж коли не то, так сложим головы добрым порядком и не покажем басурманам прорех и заплат на спинах казачьих!

Битва облегчила участь Грузии, и, по словам той же легенды, воевода отошел на Терек с честью великою, казаки же не удовлетвоались и отправились «пошарпать» приморские области Персии.

Подобный случай помог и ясно показывает, что русские уже прочно чувствовали себя в Предкавказье и все их удары были направлены на Восточный Кавказ.

История отмечает также факт, что не позабыл Кавказа и знаменитый понизовый атаман Степан Тимофеевич Разин. В 1689 году он явился в шамхальство Тарковское со своею удалою вольницею и произвел там такой погром, память о котором и поныне жива в легендах и преданиях. Разин пробился к самым Таркам, но взять их не мог и ограничился лишь тем, что жестоко разграбил окрестности столицы шамхальства, и лишь после этого ушел в пределы Персии, где тоже не обошлось без его «великого погрома».

История не говорит прямо, но, само собою разумеется, что, кроме военных столкновений, были и коммерческие сношения, велись торговля и неизбежно сопряженные с нею дипломатические переговоры, так что Русь, не имея пока достаточно сил пробиться в Закавказье, укреплялась все более и более прочно в Предкавказье и все ближе и ближе подвигалась к подножию Кавказского хребта на западе, прочно став около него на кавказском востоке.

Между тем в таких переговорах и взаимной нерешительности шло время. Собственно говоря, движение Руси к Кавказу приостановилось, и дипломатические переговоры не приводили решительно ни к чему. Мешали этому войны со Швецией и Польшей, которые вела Россия. Между тем около 1685 года гребенские казаки вступили в столкновение с чеченцами, постоянно осиливавшими их. В силу этого они отодвинулись к Тереку и жили там в двух урочищах – Павлове и Кошлакове.

К России клонилась, кроме воссоединенных Теймуразом Кахетии и Карталинии, еще и Имеретия. Имеретинский царь Александр III, изнемогая в борьбе с напавшим на него вассалом Леваном Дадианом Мингрельским, как мы уже видели, просил также защиты у царя Алексея Михайловича. Защита и покровительство были обещаны. Мамука, брат Алек-

сандра, уверенный в поддержке Москвы, напал на Мингрелию, но очутился в плену у Левана и был ослеплен.

Наступило XVIII столетие.

Страшные внутренние раздоры не прекращались в Грузии и в следующие годы, а на Руси шло уже ее перестроение.

Царствовал царь-богатырь Петр Алексеевич. И Грузии в это время Небо даровало хорошего правителя: царь Вахтанг VI как бы возродил свою страну к духовной жизни, хотя все-таки грузины оставались ветхим, пережившим самого себя народом.

Вахтанг умиротворял, а царь Петр Великий боролся и побеждал. Развязавшись со шведами, он обратил свое внимание «на море без хозяина» и решил, что если оно никому не принадлежит, то пусть уже лучше делается достоянием Руси православной.

Царь Петр Алексеевич и ранее окончательной победы над шведами зорко посматривал на Кавказ и Прикаспийский край.

В 1707 году терское казачество понесло ужасный погром от кубанского хана Каиб-султана. Каиб с огромным скопищем явился на Терек, разорил здесь почти все казацкие городки и поселки, но сбить окончательно казаков с Терека все-таки не мог. Терцы удержались в своих вековых гнездах, а вскоре царь Петр обратил свое внимание на удальцов и занялся и их переустройством.

Отправляясь в недоброй памяти прутский поход, царь Петр повелел воеводе казанскому и астраханскому Петру Матвеевичу Апраксину идти на Кубань, дабы привлечь на себя здесь турецкие войска, оттянув их от Прута. Апраксин пошел в августе. Это было одно из первых важных воинских движений русских на кавказский запад. Поход был удачен. Апраксин, имевший, кроме того, приказание жестоко наказать татар, грабивших русское Понизовье, добрался до Кубани, пожег там все татарские селения вверх и вниз по реке. На обратном пути он встретил огромное татарское скопище под начальством татарского мурзы Чан-Араслана, возвращавшегося с 3 тысячами всадников из пределов нынешних Саратовской и Пензенской губерний, куда татары ходили для грабежа. Чан-Араслану было нанесено столь страшное поражение, что из всего его скопища остались в живых всего-навсего один мурза и два татарина.

Однако эта победа имела неожиданные последствия. Она подняла против русских все Закубанье. Свыше 7 тысяч кубанцев и черкесов, соединившись вокруг Нурадин-султана, погнались за Апраксиным и нагнали его 5 сентября 1711 года на реке Чаны. Произошла кровопролитнейшая битва, и татары были разбиты наголову. Преследуя их после поражения, отряды Апраксина ворвались в Закубанье и страшно опустошили его.

Апраксин недаром ходил в этот поход. Этот мудрый сподвижник великого Петра сам ознакомился с положением русских дел в Предкавказье и сейчас же создал меру, которая, так сказать, обеспечивала бы Руси обладание всем этим краем. По его докладу царь Петр перевел с берегов Сунжи одиноко живших там гребенцев на Терек, где казачество не оправилось еще от погрома 1707 года. Гребенцы, видимо, были довольны этим переселением, ибо не противились ему, а, переселившись и устроившись, разбились на пять станиц-городков: Червленую, Щедринскую, Новогладковскую, Старогладковскую, Курдюковскую, существующие и поныне в местах своего основания.

Так создана была Апраксиным первая терская кордонная линия, из которой впоследствии, по словам историка терского войска, «развернулась от моря до моря Кавказская линия, прославленная столькими подвигами, проходящая сияющей полосой, как млечный небесный путь, через всю историю Кавказской войны».

Из дальнейшего может быть отмечен в качестве имеющего некоторое отношение к истории края несчастный поход 1717 года кабардинского князя Девлет-Гирея, во святом крещении Александра Бековича-Черкасского, на Хиву. Из отправившегося с Бекови-

чем отборного гребенского и терского казачества уцелело только шесть человек. Казацкая легенда говорит, что «Терек Горыныч заплакал», слушая рассказ вернувшегося участника этой несчастной экспедиции, и объявил, что плачет он «по гребенским своим по казаченькам».

«Как я буду за них ответ держать перед Грозным царем Иваном Васильевичем!» – сокрушается, согласно легенде, Терек Горыныч.

Неудачный поход Бековича привлек особенно настойчивое внимание царя Петра к Персии, и тут он задумал прибрать к своим рукам «сине море Каспицкое».

Персия в это время испытывала величайшие бедствия, впрочем, обыкновенные на Востоке при слабых правителях.

Шах Хуссейн, недостойный потомок шаха Сефи, был всецело в руках евнухов и видел вокруг себя мятежи и восстания. Мир-Вейс, отважный предводитель афганцев, воинственного племени, обитавшего в Кандагаре, первый поднял оружие против слабого властителя, неоднократно поражал его войска и сделался наконец независимым князем Кандагара. Успех одного мятежника возбудил смелость в других, и пламя бунта быстро разлилось по Курдистану, Хорасану и кавказским областям. Для большего успеха мятежники воспользовались религиозною ненавистью, существовавшею между правоверными поклонниками Магомета и последователями Алиевой секты. Двое лезгинцев, Дауд-Бег и Сурхай, возвестили народу, «что они призваны Богом для освобождения правоверных от еретического персидского ига и для совершенного истребления ереси». Многочисленные толпы лезгинцев и других обитателей Кавказа, вняв этому воззванию, стали под их знамена, опустошили всю Ширванскую область, взяли приступом в 1712 году богатый торговый город Шемаху и, разграбив жителей, не пощадили и бывших там 300 русских купцов; они все лишились имущества и жизни. Убыток, причиненный этим русской торговле, оценили в 4 миллиона рублей. Столь значительный вред не мог быть оставлен без внимания русским правительством, тем более что волнение распространялось все дальше по Кавказу и угрожало совершенным падением торговли и опасностью самым пределам России. Астраханский губернатор по повелению государя потребовал от Персии вознаграждения за убытки и наказания мятежников. Но слабый шах, окруженный отовсюду возмутителями и едва державшийся на престоле, не только не мог доставить никакого удовлетворения, напротив, еще сам просил помощи у русского монарха. Петр не упустил случая, как говорят историки его царствования Ламбин и Брикнер, ознакомиться короче с состоянием Персии и отправил туда своего посланника, подполковника Артемия Петровича Волынского. Волынский заключил торговый договор с персидским правительством и обещал вспомогательное войско против мятежников, но не мог получить от слабого шаха ни вознаграждения за убытки, понесенные русскими купцами, ни ручательства в безопасности торговли на будущее время. Он возвратился в 1718 году и, изложив бедственное состояние Персии, предложил монарху обеспечить русскую торговлю занятием персидских областей на южных и западных берегах Каспийского моря.

Удобнее такого случая для выполнения заветных дум великого человека и быть не могло.

В принципе поход к пределам Персии был решен царем Петром немедленно; решено, то и остальное все у царя-богатыря очень скоро делалось.

Пехотные полки, бывшие в Финляндии на галерах, следовательно, привычные к действиям на море, еще осенью 1721 года были расставлены на зимних квартирах в Кашине, Романове, Ярославле и других местах по Волге, а морские офицеры и прочие чины отправлены в Астрахань, которая назначена сборным местом. Артемий Волынский, определенный по возвращении из Персии губернатором в Астрахань, заготовлял там магазины и суда для провианта; в Саратове, Казани, Нижнем Новгороде также работали с лихорадочною поспешностью, а в Москве сам император надзирал за постройкой судов для бывших там полков –

Ингерманландского и Астраханского. Со вскрытием рек, в начале апреля, все было готово к походу: войска, артиллерия, припасы отовсюду начинали двигаться в Астрахань. Наконец 15 мая 1722 года после молебствия в московском Успенском соборе, напутствуемый благословениями духовенства и собравшегося бесчисленного народа, Петр в сопровождении супруги отправился в путь водою на москворецком струге при пушечной пальбе и звуках военной музыки. Его свиту составляли: генерал-адмирал граф Апраксин, тайный советник Толстой, генерал Бутурлин, князь Трубецкой и молдавский господарь князь Кантемир. Четыре недели продолжалось путешествие реками Москвою, Окою и Волгою до Астрахани. Целый месяц прошел среди различных распоряжений в Астрахани, и наконец 18 июля флотилия вступила под паруса. Она состояла из 274, а с малыми речными лодками из 442 судов и везла до 20 тысяч десантного войска с 5 тысячами матросов. Граф Апраксин, выкинувший здесь впервые свой генерал-адмиральский флаг, командовал над всей флотилией; государь на корабельном боте предводил передовым отделением, а капитан-лейтенант фон Верден шел с ластовыми судами. 9 тысяч кавалерии, отправленной наперед из Царицына, и два корпуса донских и малороссийских казаков следовали сухим путем через горы. Императрица с придворными дамами осталась в Астрахани. В день Гангутской победы, 27 июля, празднованной, по обыкновению, молебствием и пушечною пальбою, флотилия благополучно достигла Аграханского залива, к югу от реки Терека, русско-персидской границы со времен Ивана Грозного. Суда остановились за несколько десятков сажень от берега за мелководьем; нетерпеливый государь, приказав матросам нести себя на доске через воду, первый вступил на берег. Взошед на песчаный курган и окинув взором окрестность и море по другую сторону Аграханского мыса, он указал сухое и возвышенное место, на котором немедленно укрепили лагерь, названный Аграханским ретраншементом. Больше недели прошло здесь в ожидании кавалерии, которая, преодолев препятствия, противопоставленные природой переходу через безводные степи и горные ущелья, встретила сопротивление и от неприятелей. Ее передовой отряд под предводительством бригадира Ветерани по вступлении в Дагестанскую область был внезапно атакован в теснинах жителями многолюдной деревни Эндери и должен был проложить себе путь оружием.

Отразив нападение, Ветерани отомстил неприятелям за смерть своих 70 драгун истреблением всего их селения, в котором считалось до 3 тысяч дворов. По прибытии кавалерии, оставив небольшой отряд для охранения судов и лагеря, русское войско тотчас поднялось в дальнейший поход сухим путем к Дербенту. Сильнейший из владетелей Дагестана, Абдул-Гирей, шамхал города Тарки, выслав богатые дары, первый изъявил покорность русскому монарху и приветствовал его за несколько верст от своей столицы.

Его примеру следовали прочие владельцы.

Только султан Махмуд, владетель Утемиша, с некоторыми окрестными князьками отказался от покорности и, собрав до 10 тысяч войска, дерзнул потревожить русских на их походе от Тарков к Дербенту. Русские дошли до Дербента 23 августа, и дербентцы покорились добровольно; наиб этой столицы, Ширван, встретил их за версту от города и, преклонив колена, вручил победоносному монарху серебряный ключ от крепости. Древний крепкий Дербент, основанный, как гласит предание, Александром Великим, возобновленный шахом Кобадом и его сыном, мудрым Нуширваном, отторгнутый от Персии грозным Амуратом и покоренный снова воинственным шахом Аббасом, присоединил к воспоминаниям своего долговечного существования новое громкое имя Петра. Жители Дербента приняли русских с отверстыми объятиями. «Как бы своих из осады выручили», – пишет монарх. Город Баку также изъявлял готовность покориться им; а грузинский царь Вахтанг вступил в тайные переговоры с русским монархом и обещал соединиться с ним против Персии.

Исполинские планы, основанные на приобретении этих областей, роились в голове монарха. При устье Куры долженствовал возникнуть новый великий город, складочное

место для торговли с Кавказом, Арменией и Персией. Астрабад, лежащий при юго-восточном изгибе Каспийского моря, предназначался другим пунктом, откуда Петр хотел проложить русской торговле караванную дорогу в Бухару и Индию. Оттуда же монарх хотел пройти до устья Куры, подняться вверх по этой реке до Тифлиса и восстановить христианскую религию в Грузии.

Но неожиданное несчастье заставило отложить эти предприятия: 13 судов с хлебом, стоявших при Дербенте, были разбиты бурей; другие 30 судов, шедшие из Астрахани, подверглись тому же несчастью и были загнаны на мель при Аграханском мысе. Всех припасов для войска, которые успели спасти от потопления, осталось только на один месяц. Новое доставление провианта из Астрахани в позднее время года было затруднительно и почти невозможно, а еще менее можно было надеяться собрать продовольствие в персидских областях, опустошенных мятежниками.

При этих затруднительных обстоятельствах военный совет, созванный монархом, определил отложить дальнейшие предприятия до следующего года и, оставив в Дербенте достаточный гарнизон, возвратиться с прочими войсками в Астрахань. Армия без отлагательства выступила в обратный путь и 20 сентября достигла реки Сулака, близ Аграханского ретраншемента. Петр, осмотревший еще на пути от Астрахани русскую пограничную крепость Терки и нашедший ее положение невыгодным, решил основать здесь, между реками Судаком и Аграханью, в 20 верстах от моря, новую крепость, которая бы удерживала в покорности дагестанских владетелей и облегчала сухопутное сообщение с Дербентом. За мыслью немедленно следовало исполнение, и крепость, заложенная руками Петра, получила название Святого Креста. Оставив в ней несколько полков пехоты и конницы под начальством коменданта, полковника Леонтия Соймонова, и отдав приказание о ее скорейшем укреплении и заселении, император 4 октября возвратился от Аграханского залива водою в Астрахань, куда вслед за ним прибыл и генерал-адмирал с пехотою. Кавалерия возвратилась прежним путем через горы.

По возвращении в Астрахань Петр немедленно принял меры и начертал новый план к продолжению войны с Персией. Узнав по опыту, что на Кавказе значительная армия, имея дело с слабым неприятелем и встречая на каждом шагу природные препятствия, только замедляет ход военных действий, Петр решил сосредоточить главные силы и магазины для продовольствия в Астрахани и оттуда действовать отдельными морскими экспедициями для дальнейшего распространения своего господства. Еще той же осенью ему представился благоприятный случай утвердиться на южных берегах Каспийского моря. Жители Гиляна, угрожаемые мятежниками, прибегли под покровительство России и просили вспомогательного войска. Петр немедленно снарядил туда экспедицию под начальством полковника Шипова; но, по недостатку судов, могших выдержать осеннее плавание, не мог послать более двух батальонов пехоты. Капитан-лейтенант Соймонов должен был на 14 судах перевезти этот отряд на Гилянский берег, а потом идти к устью Куры и осмотреть место для заложения там крепости. Шипов изъявил сомнение в том, что может ли он со столь малыми силами защищать целую провинцию от мятежников.

— Стенька Разин, — отвечал Петр, — с пятьюстами казаками их не боялся, а у тебя два батальона регулярного войска.

Отправив 6 ноября Шипова и Соймонова в своем присутствии в поход и отдав приказание генерал-майорам Кротопову о достроении крепости Святой Крест и Матюшкину о заготовлении к будущей весне экспедиции на Баку, государь вместе с супругою 13 ноября оставил Астрахань и, направив путь через Царицын и Воронеж, с торжеством вступил 18 декабря в Москву покорителем Дербента. Это был его последний триумф. Имя Петра Великого, по словам историка Кавказской войны В. А. Потто, доселе живет в Дагестане, и следы пребывания его там сохраняются самым тщательным образом. Каждый, кто посещает Дер-

бент, с благоговением зайдет в скромную землянку, стоящую у самого взморья, в которой Петр прожил несколько дней в ожидании сдачи города. Теперь эта землянка обнесена решеткою, и на ней сделана надпись: «Место первого отдохновения Великого Петра».

В самом Дербенте Петр жил в цитадели, занимая в ней бывший ханский дворец. В нетерпеливом ожидании флотилии, плывшей из Астрахани, он собственными руками прорубил в одной из комнат окно, из которого открывался чудный вид на Каспий, Дербент и его окрестности. Это окно существует и поныне в доме, занимаемом дербентскими комендантами. Тут же в самой крепости сохраняются семь алебард, оставшихся со времен Петра, и пушка, на которой имеется надпись, свидетельствующая, что она отлита в 1715 году на воронежском заводе.

Своим походом в Дагестан Петр отодвинул далеко на юг русскую границу и поставил Русь лицом к лицу с горами Кавказа.

Посмотрим же теперь, что такое представляют собой в своем общем целом эти горы, с которыми в течение целого ряда лет Руси пришлось выдерживать кровопролитные столкновения.

Очерк четвертый Прошлое горных орлов

*Черкес оружием обвешан,
Он им гордится, им утешен.
На нем броня, пицаль, колчан,
Кубанский лук, кинжал, аркан
И шашка, вечная подруга
Его трудов, его досуга.
Ничто его не тяготит,
Ничто не брякнет: пеший, конный,
Все тот же он, все тот же вид
Непобедимый, непреклонный,
Гроза беспечных казаков.
Его богатство – конь ретивый,
Питомец горских табунов,
Товарищ верный, терпеливый.
В пещере иль в траве глухой
Коварный хищник с ним таится,
И вдруг внезапною стрелой,
Завидя путника, стремится.
В одно мгновенье верный бой
Решит его удар могучий...*

А. С. Пушкин

Кавказские горцы

О доисторических жителях Кавказа решительно нет никаких известий и сведений. Находимые в могильниках и в пещерах кремневое оружие и грубые произведения первобытной культуры говорят лишь о том, что населяли ту или другую местность дикари в полном смысле этого слова, но, чтобы они были «доисторическими» дикарями, не говорит ни один факт. В то время, когда нахождение остатков каменного века где-нибудь в Новгородской или Псковской губерниях иллюстрирует доисторическую эпоху в этих местах, подобные же остатки на Кавказе ничего не говорят и не могут являться серьезными свидетелями эпохи, когда употреблялись эти предметы. Были случаи, и не раз, что в могильниках, по всем данным принадлежавших поколению, жившему до нас не далее как за 200–300 лет, находились предметы, наружный вид, выделка и применение которых с археологической точки зрения следовало относить чуть ли не за тысячелетие до нашего времени.

В настоящее время почти все народности Кавказа бросили обычай погребать с телом умершего его оружие и утварь, но если бы этот обычай сохранился во всей своей неприкосновенности, то мы могли бы и в настоящую минуту в любой могиле пшава, хевсура или сванета, а то даже и кахетинского грузина найти предметы каменного века. Дело в том, что и теперь, несмотря на то что цивилизация хлынула на Кавказ широким потоком, в самых культурных местах встречаются предметы домашнего обихода, ничем не отличающиеся от тех, которые употреблял в дело Ной. Для примера укажем на самую распространенную в Грузии, а тем более в диких уголках Кавказа молотилку и способ молотбы. Когда хлеб сжат, то его раскладывают ровным слоем, вышиной в аршин, на ток, затем пара буйволов или быков впрягаются в особый инструмент, который представляет следующее: толстая доска из дуба или бука с загнутым с одной стороны концом усажена рядом острых, грубо отточенных кремней. Эта доска кремнями вниз ставится на ток, к ней прикрепляется дышло с ярмом, впрягаются быки или буйволы, на доску становится рабочий – и молотилка готова. Рабочий погоняет быков и ездит на своих оригинальных салазках вокруг тока; острые кремни давят колосья, выдавливают зерно и крошат солому на мелкие куски. Такая солома имеет большое применение и носит название «самана».

Разве это не доисторическая сцена? А ее можно наблюдать где угодно на Кавказе; в Тифлисе, на Майдане, вы найдете сколько угодно таких молотилок, причем у некоторых (результаты культуры) кремни заменены железными треугольниками.

Если же мы отъедем от центра Кавказа, то есть от Тифлиса, верст на восемьдесят, хотя бы в Тионеты, то мы встретим, например у хевсуров, обычаи, нравы и вооружение Средних веков: панцири, шлемы, копья, щиты с девизами, рыцарские нравы и понятия о чести и проч.; если же мы шагнем еще дальше, к коренным хевсурам, живущим около Шатиля, или к их соседям, пшавам, то попадем в область почти доисторической культуры: здесь не редкость увидеть лук и стрелы с каменными и костяными наконечниками, каменные топоры, палицы и молотки. В языческих капищах, которые еще сохранились, как и поклонники их, хранятся предметы, на которые разгорелись бы глаза любого археолога; в известные дни приносятся жертвы по всем правилам доисторического жертвоприношения, начиная с закалывания барана или быка кремневым ножом, кончая дикими плясками и воем кадагов (прорицателей), впадающих в экстаз под влиянием одуряющего дыма алтарей, где сжигаются ароматические горные травы в честь каких-то божеств Анатори, Пиркути и Нахарели, безобразные идолы которых из века в век хранятся в капищах, куда не смеет войти ни один из смертных, кроме священнослужителей-деканозов.

Эти пережитки доисторической культуры совершенно сбивают с толку исследователей, берущихся определить эпоху, когда то или другое племя прочно основалось в местно-

сти, занимаемой им в настоящее время. Только сравнение основных языков кавказских племен с языками азиатскими и европейскими позволило немного поднять туманную завесу прошлого и осветить некоторые факты былого; но все-таки многое здесь гадательно и может быть оспариваемо. Большинство ученых, совершенно отложив вопрос о действительных первозасельниках Кавказа, ибо этот вопрос абсолютно темен, занялись изучением предков тех племен, которые уже тысячелетия занимают те или другие уголки Кавказа, и исследованием, откуда эти предки могли явиться на Кавказ.

Большинство теорий сходится на том, что когда-то из глубины Азии двинулись жившие там племена и шли тем же путем, каким двигались уже в историческое время многочисленные гуннские и монгольские орды, то есть часть шла севером через Волгу и заполняла громадные равнины нынешних Терской и Кубанской областей, другие же орды шли, огибая Каспийское море, с юга через Малую Азию и попадали сначала в неприветливые южные пустыни Закавказья, затем занимали роскошные южные склоны Кавказского хребта и плодородные долины рек Куры, Алазани, на западе Риона, но, теснимые новыми полчищами, должны были вступить в глубину гор, в почти неприступные ущелья, где и остались до исторического времени. Некоторые перевалили, вероятно, через хребет на Северный Кавказ, и, наоборот, северные поселенцы переваливали на юг.

Таким образом, Кавказ отчасти служил большой дорогой для бродячих племен и населен был теми обрывками, которые задерживались горами. Но есть ученые, которые, основываясь на труднопроходимости гор, думают, что Кавказ служил не дорогой, а убежищем тесным племенам и что переходы через горы были гораздо реже, чем уходы семей и целых племен с равнин в ущелья. Если эту теорию основывать на фактах, в древности не превосходящих 2–3 тысяч лет, то она окажется не бездоказательна. Действительно, племена, живущие на юге, принадлежат к картвельскому племени, распространение которого идет лишь до Главного хребта, представители же северных склонов Кавказа ничего общего с картвельской группой не имеют. Если бы народы эти часто переходили через горы, то, наверное, они смешались бы и снабдили бы друг друга типичными характерными чертами, обычаями и, главное, языком.

Так или иначе, но какие-то племена – бесспорно степного азиатского происхождения с пастушескими, миролюбивыми наклонностями – волей судьбы загонялись и основывались в скалистых дебрях.

Попадая в суровые лощины, ущелья, в страны диких скал, вечных снегов и льдов, племена стали, конечно, перерождаться. Дело это шло медленно; целые столетия нужны были, чтобы человек вполне приноровился к новым условиям жизни; в борьбе за существование гибли многие тысячи людей, но выживавшие все больше и больше принаравливались, вырабатывали понемногу новые характерные черты и особенности и, таким образом, переродились в конце концов из миролюбивых и ленивых пастухов в удалых горцев-разбойников.

Так как условия жизни у всех горцев складывались при одинаковых условиях, то немудрено, что у всех племен, независимо друг от друга, явились общие черты, нравы, обычаи, социальные и нравственные понятия. Будучи совершенно чужды друг другу, не имея ничего общего ни по типу, ни по языку, иначе говоря, исходя от совершенно разных корней, горцы тем не менее имеют много общего, объединяющего их, и эти черты выработались не вследствие подражания или давления друг на друга, а образовались, так сказать, стихийно, в зависимости от окружающих условий; иное образование горских обществ и немыслимо там, где возможна лишь одна форма жизни и абсолютно не могут развиваться другие.

Если бы возможно было лапландцев или лопарей перенести за 3 тысячи лет назад и поселить их хотя бы в Сванетии, то уж через три-четыре столетия мы не узнали бы наших поселенцев: они уже обратились бы в воинственных, свободолюбивых горцев, запальчивых,

преданных обычаям гостеприимства, кровной мести и почтения к старшим. Они сохранили бы только язык, по которому явилась бы теперь возможность определить, где находилась их первоначальная родина.

Историческое время застало горцев на тех местах, где они живут и поныне. Греческие, римские и арабские писатели сообщили много сведений о Кавказе, черпая большей частью свои, иногда фантастические, рассказы из преданий, песен, сказок и легенд, заносимых в их страны пленными кавказцами. По этим легендам и рассказам есть возможность несколько восстановить район поселения того или другого племени, что и дает право утверждать, что современные нам племена жили в этих местах много сотен лет тому назад. Мелкие подразделения и дробления, а также и слияния некоторых племен были и в позднейшее время, но больше в низменных, долинных районах и меньше в горах.

Так, грузины, мингрельцы, гурийцы и прочие долинные жители находились под постоянным давлением соседей – персов и турок – и, вследствие близкого соприкосновения, потеряли много из своих характерных черт; в настоящее время трудно при поверхностном взгляде поверить, что грузин и хевсур – родные братья и, наоборот, что хевсур и чеченец не имеют в прошлом, как и в настоящем, никаких общих родичей; между тем нравы и обычаи последних очень сходны, но язык выдает их происхождение: хевсуры говорят на древнекартвельском языке, а чеченцы – одним из лезгинских своеобразных наречий. Чтобы понять, что такое горец и какова его душа, необходимо, во-первых, ближе познакомиться с условиями его жизни, а также с нравственным кодексом, руководящим его поступками.

Условия жизни горцев очень тяжелы, особенно в сравнении с их близкими соседями, живущими в роскошных и плодородных бассейнах Риона, Куры, Алазани, Кубани и Терека. В первом очерке подробно описано строение горной части Кавказа. Средняя снеговая линия на Кавказе находится на высоте 12 тысяч футов. Ниже снеговой линии, до 6–7 тысяч футов, идут большей частью бесплодные места, негодные для хлебопашества, но с роскошными альпийскими лугами, дающими возможность заниматься с большим успехом скотоводством, главным промыслом горцев. Это относится, главным образом, к Западнему Кавказу и к его северным склонам, сбегаящим и сливающимся с Кубанской степью.

На востоке, в Дагестане, дело обстоит несколько иначе. Если мы взглянем на него с громадной высоты, то нас поразит тот хаос, который развернется перед нашими глазами. Это – дикая и величественная картина: громадные скалы, точно расколотые могучим молотом, образуют узкие долины и ущелья, в глубине которых пенятся и шумят, прыгая с камня на камень, ручьи, потоки и реки, носящие название Койсу: Аварское, Андийское, Казикумыкское и проч. Определенных хребтов здесь почти нет, за исключением нескольких отрогов Главного Кавказского хребта и Андийской цепи. Беспорядочно нагроможденные вершины не особенно высоки и далеко уступают Терскому Кавказу, но все-таки бывают иногда целое лето покрыты снежным покровом.

В смысле пастбищ и полей Дагестан, за малыми исключениями, совершенно дикая и неприютная страна. Только в глубине долин находится плодородный слой земли, ценимый чуть не на вес золота. Участков в несколько десятин почти не встречается, зато сплошь и рядом можно видеть обработанные «поля» в две-три квадратных сажени. Такие поля всегда огорожены невысоким заборчиком из камней, чтобы вода не смыла скудного посева. Издали склон гор, покрытый такими полями, представляет оригинальную картину: на серой каменистой почве эти клочки вырисовываются зелеными заплатками самых разнообразных форм. Зачастую земля на такие участки носится руками с берегов ручьев и протоков.

По поводу таких клочков у горцев существует сказочка, не лишенная юмора. Жил-был один горец, и было у него три поля. Пошел он пахать их; вспахал одно, вспахал другое и устал; тогда он разостлал свою бурку и лег отдохнуть. Выспавшись, он хотел вспахать третье поле, но как ни искал его, а найти не мог. Рассердился горец и решил: «Поле шайтан украл,

пойду домой в аул», поднял с земли бурку и видит, что его поле под буркой-то и находилось и он сам нечаянно закрыл его.

Вследствие недостатка земли цены на нее стоят непомерные, и десятина оценивается иногда от полутора до двух тысяч рублей. Скотоводство хоть процветает, но все-таки находится на более низкой ступени, чем на Западном Кавказе.

На Северо-Восточном Кавказе есть ископаемые богатства, но горцы, за редкими исключениями, по неумению, не пользовались ими и разрабатывали только соль (в окрестностях аула Энгели), серу (близ Черката, Шубута и Кикуну); селитру доставляли аулы Гуниб, Аточ, Хиндак, Толох и Хиндатль.

Кроме того, в горах Дагестана находились богатые железные руды (в окрестностях Ведено, Дарго и других местах), но горцы почти не занимались их разработкой и нужное количество железа покупали у русских. Залежи каменного угля близ Ведено по берегам реки Хулхулу совершенно не привлекали внимания горцев – очевидно, им совершенно не было известно употребление этого минерала.

Во времена Шамиля были открыты в окрестностях горы Хонотля, близ Дарго, залежи серебро-свинцовой руды, но Шамиль запретил разработку, боясь, что народ, имея собственное серебро, станет приобретать у русских массу ненужных вещей и спартанский образ жизни изменится к худшему.

Таким образом, те продукты, которые могли бы поднять местное благосостояние, оставались в земле, верхний же слой был очень скуден и едва мог пропитать даже невзыскательного горца. Лесов в Дагестане тоже немного, и знаменитые ичкерийские дебри в настоящее время сильно поределели.

В общем, это – дикая и неприглядная страна, где существование едва возможно, и потому вполне понятно, что лезгины и чеченцы, искони населявшие ее, предпочитали наживаться грабежом. Их соседи, жившие на плоскости, как, например, кумыки, ногойцы, кабардинцы, а в позднейшие времена русские казаки, жили хорошо и богато, владели табунами, стадами, виноградниками, садами и полями и постоянно мозолили глаза нищего горца, у которого, кроме оружия, коня и жалкой сакли, сложенной из плитняка, ничего не было.

Горец, отправляясь в набег, ничего не терял, но мог многое приобрести и никогда не задумывался над вопросом, имеет ли он право грабить или нет. Его право формулировалось и выражалось в кинжале, винтовке и неприступности горных ущелий.

Таким образом, на почве необеспеченности и голодовок, вследствие бедности страны, в течение столетий выработались разбойничьи наклонности горца. Набеги требовали осмотрительности, отваги, быстрого соображения, сметки, находчивости, ловкости, неприхотливости, и все эти качества развились у горца в высшей степени. Постоянные странствования и шатания из края в край явились отчасти причиной возникновения обычая гостеприимства и обычая братания случайных дорожных спутников.

Дорожный товарищ – брат родной, говорит горская пословица.

Это братство было настолько сильно, что в случае убийства одного из путников другой должен был мстить убийце и преследовать его; впрочем, эта обязанность продолжалась только сутки и, если убийца успевал скрыться, то на следующий день обязанности мстителя кончались, и если убийца захотел бы ехать с ним, то делался «дорожным братом».

Домашняя жизнь горца проходила в полной праздности: в чистке оружия, в пустячной болтовне с соседями, в случайных пиршествах по случаю каких-нибудь торжеств, до которых каждый горец большой охотник, или в слушании песен, сказок или рассказов разных бродяг. Все хозяйство лежало исключительно на женщине, положение которой было сведено до степени домашнего животного. Горец смотрел на жену как на полезное домашнее животное, но никогда не снисходил до ласки или до разговора с нею. Даже наедине с нею он обращался к ней в случае приказания в неопределенном лице: «Готов ли обед?», «Следует

вычистить лошадь» и проч. Горец никогда не позволит себе приласкать собственных детей и ведет себя как будто у него нет семьи. Спросить горца о здоровье жены и семейства – значит нанести ему оскорбление. В горских песнях чаще воспеваются верный конь и гибкая шашка, чем черные очи красавицы. Впрочем, девушки до замужества пользуются большой свободой, а замужние, выдержав несколько лет деспотизм мужа и родив нескольких детей, особенно мальчиков, начинали пользоваться уважением и приобретали в семье право голоса.

Здесь мы встречаемся с теми формами семейной жизни, которые всегда имели место у дикарей, особенно восточного происхождения, со всеми их отрицательными сторонами.

Характер каждого горца складывался под давлением семейного режима и под влиянием разбойничьих рассказов и воспитывался в духе полной ненависти ко всему окружающему его узкий мир. Себя горец считает всегда центром всего, свои желания и капризы законными, желания же окружающих совершенно игнорирует. Непомерные важничанье и хвастливость дополняют отрицательные стороны его характера.

Но у него есть, впрочем, и положительные черты: верность обычаям, данному слову (но только не по отношению к неприятелю), безумная отвага, полное пренебрежение жизнью, когда это нужно, и страстная любовь к родине, как бы последняя ни была жалка и бесплодна. Горец без гор, без своих диких ущелий и бушующих потоков – это рыба без воды. В любви к своим насиженным гнездам кавказские горцы превзошли всех. Интересен, между прочим, следующий факт. На севере Кутаисской губернии, у подножия Эльбруса, находится небольшой кусок земли, носящий название Верхней Сванетии; более дикого и неприветливого уголка не найти даже в Дагестане. Достаточно сказать, что сообщение Сванетии с остальным миром возможно через единственный, существующий там Аатнарский перевал, да и то в течение двух летних месяцев, в остальное время года она отрезана совершенно от соседей. Русское правительство не раз предлагало сванетам переселиться на берега Черного моря, отводило им земли, обещало выстроить дома, но ни один, буквально ни один, сванет не мог решиться оставить свою дикуную родину, где находятся могилы отцов, дедов и прадедов.

Всех горцев можно разделить на две большие группы: западную и восточную. В первую входят абхазы, черкесы, кабардинцы, сванеты, шапсуги, осетины, кистины и кое-какие мелкие племена, сплотившиеся в отдельные общества. Во время борьбы за обладание Кавказом с этой группой было сравнительно нетрудно справиться, хотя по годам Западный Кавказ покорен позднее (1864 г.), а Восточный раньше (1859 г.) Эта сравнительная легкость объясняется, во-первых, тем, что некоторые народы, как, например, осетины, мало-воинственны, а черкесы были сравнительно цивилизованы и потому не противились так русскому влиянию, как восточные дикари, кругозор которых был сильно сужен. Кроме того, Западный Кавказ, как имевший доступ к Черному морю, имел сношения с внешним миром и в очень древние времена, а потому местные обычаи и воззрения не могли так вкорениться в души этих горцев, как вкоренились они в их восточных соседей. Немалое значение имело, конечно, и сравнительное плодородие страны. Абхазия – в земледельческом отношении благодатная страна, да и земли черкесов и осетин, особенно на северных пологих скатах Кавказского хребта, давали возможность населению жить честным трудом, и только те части этих племен, которым приходилось жить в самых глубоких дебрях у подножия Эльбруса и по хребту до самого Казбека, обратились в настоящих разбойников; однако они являлись таковыми не только с точки зрения русских, но и своих родичей, живших при лучших условиях и старавшихся ладить со своим могучим северным соседом.

Наконец, еще более важным фактором при покорении Западного Кавказа было то, что мусульманство, проникшее сюда только в XVII и XVIII веках из Турции, не имело того нетерпимого фанатического характера, какой выработался на Востоке. Это очень понятно: турецкий исламизм при столкновениях с Европой утратил много резких черт, во многом пошел на уступки и компромиссы и вообще значительно смягчился. Попадая в таком виде на Западный

Кавказ, он был принят как наиболее удобная религия, но никогда не служил, по крайней мере в больших размерах, поводом к войне и этим самым резко разнился от восточного ислама с его нетерпимостью и 72 сектами, постоянно враждовавшими друг с другом и бывшими причиной многих междоусобных войн в Аравии, Персии и Закаспийском крае.

Восточногорская группа, о которой, главным образом, мы и ведем речь в этом очерке, занимает место на восток от Казбека и Военно-Грузинской дороги. Главная часть этого края носит название Дагестана, соседние же округа давно потеряли свои исторические имена и называются теперь по именам уездных или областных городов. Но при начале активных действий в отношении покорения Кавказа, то есть в 1800-х годах, они назывались местными именами. Значительнейшими из них были Чечня, Ичкерия, ханства Казикумукское, Кюринское и проч., а в самом Дагестане – владения Тарковское, Мехтулинское, Даргинское, Аварское и проч.; кроме того, там же были, среди крупных владений, вкраплены мелкие самостоятельные общины – Ауховская, Салатавская, Гумбетовская, Чаберлоевская и масса других. Вся эта страна населена дикими и воинственными горами, из которых лезгины и чеченцы самые типичные, но и остальные от них не особенно отстали, и в шестидесятилетней войне за обладание Кавказом наряду с лезгинами и чеченцами выступали хевсуры, пшавы, тушины, кубачи, удины, а также татары, жившие по юго-восточным склонам Главного хребта.

Определяя восточную и западную группы горцев, мы соединяем в одно целое племена, совершенно разные и связанные лишь географически; между собой многие из них, как было выше сказано, не имеют никакого родства, и лишь центр Дагестана занят племенами, родственными между собой: именно лезгины делились на массу мелких общин, из которых каждое говорило своим наречием, хотя преобладающими были наречия аварское, даргинское и кюринское. Чеченцы тоже делились на собственно чеченцев, ичкерийцев, ауховцев, ингушей и кистинов.

До тех пор, пока в Дагестане не было мусульманства, все эти разноплеменные орды враждовали друг с другом, грабили где могли и что могли; всякая гадость, сделанная соседнему, не родственному аулу, считалась добродетелью. Ни нравственных, ни государственных начал не было, и один патриархальный строй, при котором старейший в роде или семье являлся неограниченным владыкой, удерживал от кровавых распрей в самых родах и семьях. Но в VII и VIII веках мусульманство из Аравии проникло на Восточный Кавказ. Принявшие его кумухи оружием ввели его среди лезгин, и с тех пор Кумукское ханство стало называться Кази-кумык («кази» или «гази» значит «воюющий за веру»). Лезгины быстро распространили новую веру по всему Дагестану, и это явилось объединяющим звеном среди враждовавшего населения. Муллы, то есть духовные лица, к какому бы они племени ни принадлежали, стали почетными лицами, куда бы они ни попали: таким образом, явилась нейтральная сила, которая при случае могла соединить до сих пор непримиримые между собой племена и заставить их совместно выработать известный кодекс, который хоть немного ограничивал бы произвол и насилие. Есть много вероятий предполагать, что знаменитое горское гостеприимство получило свое начало или, по крайней мере, получило законную санкцию от мусульманства. Проповедники ислама, то есть арабские выходцы, знавшие эту форму общежития, не могли не ввести ее или расширить там, где она уже имела; в противном случае их проповедь была бы бессильна.

Быт и нравы горных орлов

Один из величайших и бесспорно лучший горский обычай гостеприимства создан или развился и вошел в силу. С этих пор всякий путник, вошедший во двор горца, хотя бы своего злейшего врага, делался священной особой; за него при случае хозяин должен стоять до последней капли крови и отдать все, что находится в доме, в его полное распоряжение. Желание гостя – приказание для хозяина; последний не только должен принять его, но должен быть любезен, накормить, напоить его, и не как-нибудь, а как следует, со всем церемониалом горского этикета. После всего этого он должен проводить его до безопасного места. Горец не смеет спрашивать гостя, кто он, какой национальности, веры, куда и по каким делам едет. Особенно оригинально то, что вера в этом случае не играет роли. Христианин, если встречался где-нибудь с горцем, особенно в разгар войны, подвергался во имя Аллаха нападению, и тот же «неверный», попав в аул и обратившись за помощью, мог всегда рассчитывать на такой прием, как будто он – мulla.

Второй горский обычай – почтение к старшим; возник он, без сомнения, сначала под давлением первобытно-патриархального строя и сперва функционировал лишь в семье, затем в роде и, наконец, с некоторым развитием гражданственности, вероятно, в довольно уже поздние времена обратился в общий народный закон. Горцы – вообще люди этикета и твердо придерживаются своих правил, особенно при посторонних.

«Обычай, – рассказывает в книге „Туземцы Северо-Восточного Кавказа“ Н. Семенов, – безусловно требует уважения всех младших ко всем старшим и регламентирует свое требование таким образом. Старший, где только возможно, сидит, а младший стоит до тех пор, пока не получит приглашения садиться; когда в комнате несколько человек пожилых и несколько человек молодежи, пожилые сидят в порядке старшинства, а молодежь стоит у порога. Едят сначала старшие, а младшим передаются остатки кушанья в том виде, как они брошены первыми. В дороге старший едет справа, младший слева; если едут трое – старший в середине. Когда в дороге находится целая компания, младшие составляют как бы охранную стражу старших: часть их располагается впереди, часть сзади, остальные по бокам центра, составленного из старших. Всякий старик без церемонии требует услуг от всякого молодого человека, и последний беспрекословно исполняет их».

При всем этом необходимо заметить, что такая почтительность скорее наружная, чем внутренняя, иначе говоря, авторитет стариков далеко не так велик, как это может показаться при поверхностном взгляде: сын, выслушивая слова отца или какого-нибудь старика, почтительно молчит, соглашается, но про себя, может быть, держится совершенно другого мнения; однако, по обычаю, он не смеет, да и не хочет выразить его. Когда доходит до дела, то юноша поступает так, как находит нужным, и тот же отец не протестует, считая, что у сына своя голова на плечах, и в случае удачи в деле похвалит его, а в случае неудачи выругает, но не станет укорять в том, что сын – ослушник. Если же укорит, а в горячую минуту даже постегает его нагайкой, то сын так же почтительно и серьезно примет отцовское внушение, а при новом деле опять поступит по своему убеждению, – обе стороны это отлично знают и считают такое положение вещей самым логичным: юноша развивает природные способности и вместе с тем твердо воспитывается в правилах обычая. Собственно говоря, почтение к старшим – это, так сказать, приемы известной внешней вежливости, совершенно сходной с вежливостью в нашем обществе.

Другое дело, если горцы, отец и сын, начинают общее дело – идут, например, в набег. Здесь сын уж безусловно подчиняется старшему и беспрекословно исполняет его приказания; но выдается свободная минута – и молодой горец предпринимает что-нибудь на собственный страх и риск, не думая советоваться со старшим.

Таким образом, воспитание горца основывается, с одной стороны, на послушании, на умении сдерживать свои чувства в должных границах, с другой – ему предоставляется полная свобода развивать индивидуальные способности как ему угодно. Следствием этого явилось то, что горцы очень сметливы, ловки и находчивы, каждый из них привык полагаться только на самого себя и не рассчитывать на советы более опытных людей.

Но все это в делах частных; в делах же общественных действительно мнение старших принимается безусловно всеми. Если старики какой-нибудь общины порешили что-нибудь, что они находят полезным, то все члены беспрекословно принимают это решение, хотя бы оно противоречило их собственному мнению, твердо стоят за общую идею, и отступления в подобных случаях не может быть, ибо это противно адату (обычаю). Беспрекословное подчинение решению стариков и, мало того, действительное принятие выработанной последними идеи, без всякой критики, явилось одной из главных причин безумно отважного поведения горцев во имя «газавата», священной войны. В сущности, большинство шло не за идею газавата, которую немногие могли уяснить себе вполне, а шли за традиционную вековую идею подчинения решению старшин.

Почтение к старшим понималось не только в смысле количества лет того или другого человека, но и в смысле его общественного положения; чин, звание, титул – все это вызывало соответственное почтение. Выработалось последнее отчасти вследствие хвастливой натуры горцев, а отчасти вследствие их любви, как и всяких дикарей, к известному церемониалу.

Но, несмотря на почтение к титулованным особам, до раболепства и низкопоклонничества горцы доходили редко, и если некоторые авторы обвиняют их в этом, то это показывает их малое знание горского характера, и они были обмануты кажущейся покорностью. Действительно, во время войны в русский лагерь переходило большое количество горцев; многие из них раболепно относились к русским властям и низкопоклонничали, но при этом следует принять во внимание, что большинство перебежчиков были отбросы горского мира, люди с нечистой совестью, отступившиеся от адата, оставившие на родине лишь презрение одноаульцев, а может быть, даже и смерть. Среди этих отщепенцев попадались иногда настоящие горские рыцари, но попадали они в русский лагерь и вели себя по-хамски с дипломатической целью: дело кончалось обыкновенно тем, что такой джигит, разнюхав все, что ему было нужно, в одну прекрасную ночь исчезал, и следы его, в виде неожиданного нападения, грабежа или насилия, оказывались в самых неожиданных местах. После исчезновения этих молодцов иногда вспыхивало восстание в таких округах, на которые начальство, считая их безусловно преданными, уже переставало обращать внимание.

Нет, низкопоклонничество не в характере настоящего горца, он для этого слишком самонадеян, слишком высокого мнения о себе. Искреннее почтение он способен оказывать лишь своему беку или князю, да и тут в глубине души самоуверенного горца ворочается мысль, что, возвеличивая своего князя, он тем самым окружает и себя некоторым ореолом. В отношениях к князю он полон чувства собственного достоинства и доводит свои услуги до утонченной вежливости, которую князь принимает с необыкновенно властным видом: оба горца, оба рисуются своим благородством, оба играют, но играют искренне, убежденные, что рыцари иначе поступать не могут. В этом повторяется старая история европейских феодалов и их вассалов Средних веков – такие же дикие души, жестокие нравы и та же утонченность обращения, та же игра в благородство.

В обычае гостеприимства выразилось, так сказать, международное право, в почтении к старшим – право гражданское, право же уголовное выразилось в адате кровомщения.

Вопрос о развитии кровомщения много раз поднимался в кавказской литературе. Одни авторы признавали логичность этого обычая, другие, наоборот, нападали на него, называя его варварским и диким. И здесь, как и в другом, крайние мнения всегда грешат односторонностью. Спора нет, что в настоящее время, с введением русских законов на Кавказе, этот обы-

чай является анахронизмом, да и то, впрочем, не во всех местах. В диких уголках сохранились и культура, и понятия первобытные. Горцы – и очень многие – не имеют ни малейшего представления о законности, никто их не просвещал, никто не пытался насадить в дикой среде новые принципы гуманности, а если бы и пытались, то сразу этого делать нельзя. Невозможно искоренить вековой обычай, ввевшийся в плоть и кровь горца, связанный органически с его мирозерцанием и понятием о долге и чести. В местах многолюдных и культурных этот обычай, под столетним русским влиянием, почти совершенно исчез и проявляется единичными редкими фактами, в горных же дебрях он существует во всей своей силе, даже в тех местах, где население знает, что русские законы карают за это. Боязнь кары не останавливает горцев, так как представление о чести и долге и страх перед презрением своих одноаульцев пересиливают боязнь наказания.

На почве адата и новых, более гуманных принципов не раз разыгрывались тяжелые драмы. Если, по обычаю, предстояло выполнить священный долг горцу, уже тронутому более культурными началами, но еще цепко держащемуся за вековые традиции, то в душе его возникал сильный разлад.

Известный путешественник граф Муравьев рассказывает, между прочим, следующую историю.

Недалеко от Пятигорска, в одном ауле, жили два брата; они бывали часто в Пятигорске и относились с глубоким уважением к тамошнему окружному начальнику, которому они были многим обязаны.

Младший брат был обручен с девушкой из того же аула, но отец ее вдруг взял свое слово обратно и хотел выдать дочь за другого горца. Старший брат, как глава семейства, прискакал к начальнику с просьбой помочь делу и не допускать отца девушки нарушить слово.

– Удержи его, – сказал молодой нукер, – иначе это будет бесчестие для нашего семейства.

– Я не имею права и не хочу вмешиваться в семейные дела, – ответил ему начальник.

Горец, не удовлетворенный ответом, уехал в свой аул. Прошло несколько дней, и нукер, мрачный, как ночь, снова явился к начальнику.

– Все кончено, – сказал он, – невеста моего брата выдана замуж; я пришел спросить у тебя, как у нашего начальника, позволения убить ее мужа.

– Ты знаешь сам, – ответил тот, – что я не могу тебе этого позволить.

– Знаю, – сказал горец, – но я хотел только тебя о том предупредить для успокоения моей совести, потому что, живя при тебе, был тобою доволен и обещал всегда тебя слушаться; итак, я теперь чист перед тобою, предупредил тебя; теперь пойду убью врага, а там за Кубань в абреки.

– И потом придешь воевать против меня с абазехами, – с негодованием заметил начальник, – за мою хлеб-соль! Хороша благодарность! Я уже заметил, что тебя сманил султан их, приехавший из-за Кубани к нам на воды.

– Нет, никто не мог бы сманить меня, – с жаром ответил юноша, – и я всегда буду тебе верным, но не могу оставаться в ауле: кровь на нашем семействе; каждая девушка нас смеет, и никто не пойдет ни за меня, ни за брата. Я непременно должен убить недруга.

И, несмотря на увещания, он ушел с твердой мыслью выполнить свой кровавый план.

Но его уже коснулась иная жизнь, ему стали понятны законы любви, милосердия и прощения; в молодой душе началась тяжелая борьба старых и новых принципов: то любовь к начальнику одерживала верх, то вспыхивало сознание долга, наложенного обычаем. Наконец добрые чувства одержали верх, но, измученный, в тоске, мучимый угрызениями совести оттого, что он не выполнил адата, горец не в состоянии был оставаться в ауле и пришел к своему начальнику, где и слег в горячке.

– Вот до чего довела любовь к тебе, – сказал он, лежа в госпитале, – я умираю среди чуждых мне христиан; выведи меня отсюда и дай мне умереть в горах.

Чтобы успокоить больного, его отдали на руки единоверцев, и молодые силы победили его болезнь, но на всю жизнь на лице его запечатлелась глубокая дума, и нога его больше не ступала на почву родного аула. В этом случае мы имеем пример человека, значительно уже отставшего от своего и познакомившегося с иным миром, но в горах заветы старины стоят твердо до сих пор, а каких-нибудь сто лет тому назад горец и помыслить не мог отказаться от дела, раз последнее вызывалось адатом. Отказывались только трусы, малодушные и ничтожные в нравственном отношении людишки, лица же с характером, с понятием о долге выполняли последний с сознанием своего достоинства и, со своей точки зрения, были правы.

Не следует забывать, что обычай кровомщения сложился еще в те времена, когда горские общества не имели никакой организации. Старики ведали лишь дела общины, представляя каждому члену ее в частных делах поступать как заблагорассудится; в распри, семейные дела и проч. никто не вмешивался до тех пор, по крайней мере, пока эти частные дела не мешали общественным интересам. При таком порядке вещей, разумеется, должен был воцариться полный произвол: богатый и сильный мог безнаказанно угнетать бедного и слабого, нахальный – скромного и т. д., зная, что никто с ними ничего не поделает; вот тут-то месть за оскорбление или убийство и являлась несколько сдерживающим фактором; это, в сущности говоря, был мир на ножах и постоянно оставаться в таком положении не мог, а потому в народе понемногу выработался своеобразный кодекс с массой параграфов, устанавливавших законность мести в тех или других случаях. Войдя в обычай, этот кодекс сделался непреложным законом и, как это ни странно, явился сдерживающим элементом среди горцев.

Дело в том, что во многих случаях за смерть, увечье, ранение или оскорбление мстителем являлся не только ближайший родственник или, вернее сказать, наследник, так как право или обязанность мести переходила по старшинству, но часто обязанность мести переходила на целый род. Понятно, что родственники всегда старались не доводить двух соперников до серьезной вражды и стычек, так как в случае убийства одного из них на родственников взваливалась куча обязанностей. Это – с одной стороны, с другой – естественное желание возмездия удовлетворялось этим кодексом. Как у нас, так и у горцев оскорбление жены, матери, сестры и дочери не могло кончиться иначе как кровью; только у нас это делается вежливо, в присутствии четырех свидетелей, а в Дагестане оскорбленный выслеживал оскорбителя, как дичь, и по окончании дела во всеуслышание объявлял о нем, и его одноаульцы считали, что он поступил вполне честно – по адату.

Как ни странно, но следует сказать, что кровная месть – вещь далеко не заурядная и не так часто бывала, как это принято думать.

Многие воображают, что горцы только тем и занимались, что резали друг друга по адату, но на самом деле эти случаи бывали сравнительно редко, во-первых, потому, что горцы, зная страшные обязанности и права кровомщения, старались, насколько возможно, избегать поводов к ссорам, а во-вторых, потому, что во многих случаях допускалось примирение настолько полное, о котором мы, христиане, даже не можем помыслить.

Возьмем пример. В какой-нибудь семье убивают сына. Убийца должен сейчас же скрыться во избежание немедленного мщения; его родственники тоже временно скрываются на те несколько дней, которые необходимы для отдачи последнего долга убитому; затем они посылают к родственникам убитого депутацию, состоящую из одного или нескольких духовных лиц, а также именитых жителей с просьбой явиться им с повинной головой.

Н. Семенов так описывает дальнейшую процедуру:

«Депутация, явившись к родственникам убитого, почтительно сообщает им о цели своего прихода, выражая надежду, что те, к кому они пришли, не откажутся поступить со сво-

ими обидчиками согласно существующим искони обычаям. Люди неблагоприятные могут отказать депутации в ее просьбе, и тогда ищущие примирения посылают другую депутацию; но люди разумные и справедливые после более или менее продолжительных колебаний изъявляют готовность принять просьбу о прощении, и депутация объявляет об этом родственникам „канлы“. („Канлы“, или по-аварски „кысаз“, буквально значит „кровник“, то есть тот, над которым тяготеет мщение.)

Эти последние, извещенные о снисходительном принятии родственниками убитого их просьбы, спешат явиться к ним в дом в сопровождении значительного числа именитых жителей и, повидавшись с ними, в знак искренней приязни передают им установленные обычаем подарки (алым).

Таким образом, совершается примирение родственников канлы с родственниками убитого. Убийца же с момента убийства до момента примирения с родственниками его жертвы не должен ни брить, ни стричь волос на голове – в знак скорби и раскаяния.

Убийца же через примирившихся родственников своих и почетных и влиятельных жителей ходатайствует у родственников убитого о позволении ему явиться к ним для принесения раскаяния и испрошения прощения. Когда родственниками убитого изъявлено согласие принять от канлы просьбу о прощении, последний отправляется в дом их. Ему предшествуют почетные лица селения, а также именитые люди, приглашенные из других селений, и вместе с ними духовные лица. Сзади других идет убийца; он без папахи и без оружия; его ведет за руку мулла. Рядом с убийцею идут его родственники без оружия и с обнаженными головами.

По вступлении процессии в дом оскорбленных мулла читает молитву, произносит приличную случаю речь и затем подводит убийцу к матери убитого. Стоя на коленях, убийца кланяется матери своей жертвы, моля ее о прощении и о принятии его своим сыном на место скончавшегося. Вслед за убийцею глубокие поклоны матери убитого делаются и всеми родственниками убийцы. После матери та же честь оказывается отцу, братьям и другим ближайшим родственникам убитого.

Затем убийца передает установленные подарки, денежное вознаграждение и устраивает угощение, во время которого кто-нибудь из присутствующих обривает ему часть головы. Этим кончается акт примирения, и кончается навсегда. Между родственниками убитого и убийцею после примирения образуется родство, называемое кровным (канкардат), то есть вытекающий из дела крови. Родство это считается равным ближайшему по отцу».

И это родство не фиктивное: с момента прощения действительно забывается все старое, и убийца фактически становится сыном и вступает в семью.

Описанная процедура имела место у кумыков, но и у других народностей были почти такие же правила.

Относительно увечий и ранений дело обходилось еще проще, тоже, впрочем, с церемониями, и кончалось денежным вознаграждением. Очень редко случалось, чтобы родственники убитого отказывали в прощении, и если убийца успевал скрыться в первые минуты, то мог считать дальнейшее почти обеспеченным.

Случаи продолжительной вражды были очень редки, но, конечно, бывали. Так, пользуется известностью случай, имевший место в ауле Кадар, где дело, начавшись с украденной курицы, обратилось в мщение и тянулось между двумя семьями в течение трехсот лет. Этот рассказ, впрочем, обратился почти в легенду.

Более типичным примером может служить другой, более достоверный, случай, бывший в ауле Чох в Казикумыке.

«Один молодой человек, – рассказывает А. Руновский в книге „Записки о Шамиле“, – желая жениться на любимой им девушке, сделал предложение ее родителям. Не стеснясь полученным отказом, он возобновлял свое предложение еще несколько раз и все с одинако-

вым успехом. Наконец, раздраженный неудачей, он является к отцу своей любезной и требует объяснения, по какой причине он не хочет отдать за него свою дочь. Отец весьма прямодушно отвечает, что не хочет потому, что не хочет. Тогда влюбленный молодой человек вынимает кинжал и всаживает его в живот старика. Но старик очень хорошо предвидел, с каким намерением задорный горец мог прийти к нему в дом, и в то самое мгновение, как тот брался за кинжал, старик выхватил из-за пояса пистолет и, выстрелив в грудь будущего зятя, упал вместе с ним мертвым. На выстрел и на шум, произведенный домашними старика, сбежались соседи, между которыми были родственники обоих убийц. Без дальнейших околичностей взялись они за кинжалы и тут же отпраздновали тризну по убиенным: произошла резня, в которой 25 человек легли в продолжение самого короткого времени. Не довольствуясь этим, оставшиеся в живых родственники еще долго вели канлы самым ожесточенным образом. Наконец соседям и друзьям их удалось кое-как свести запутавшиеся счета и склонить врагов на мировую».

Распри, тянувшиеся десятки лет, чаще всего бывали между владельческими домами, где действовали и яд, и кинжал, но кровомщение в этих случаях было часто лишь предлогом, а действительной причиной – честолюбивые планы того или другого бека или князя.

Таким образом, мы видим, что кодекс кровомщения далеко не представлял чего-нибудь особенно дикого, и он был вполне логичен в те времена, когда среди горцев не было никакого суда. В настоящее время, с введением русских законов, этот обычай является, конечно, анахронизмом и держится лишь в глухих уголках, мало-помалу уступая новым воззрениям.

Горные орлы и их гнезда

В целом мире нет страны, которая была бы угрюмее, суровее, мрачнее и в то же время величавее, чем Нагорный Дагестан или гористые местности Дагестана Приморского. Бесплодные, каменистые, заоблачные горы, то окрашенные в бурый с фиолетовыми оттенками цвет, то подернутые сизоватою дымкою мшистые скалы, утесы, нависшие над безднами, шумные каскады, низвергающиеся в пропасти, бешеные потоки и неистово ревущие горные реки поражают своим грозным и пустынным величием. Чем выше подниматься на горы, тем впечатления становятся суровее и могучее. Растительность постепенно беднеет, и наконец только ярко-зеленые и красноватые мхи да ягели оживляют пустынные скалы; воздух редее, ускоряя дыхание и сжимая сердце.

Если появляются облака и скрывают солнце, то сырость и холод пронизывают насквозь, несмотря ни на какую одежду; разорванными клочьями носятся облака над головою, обращаясь мало-помалу в сплошную черную массу, скрывающую самые близкие предметы, и чувство одиночества овладевает человеком.

Разыгрывается буря. За ослепительным блеском молнии следуют непрерывные удары грома, бурно раскатывающиеся по ущельям бесчисленным эхом; их заглушает рев падения на каменные громады проливного дождя, вдруг сменяющегося то снегом, то градом; внезапно налетевший вихрь срывает снега с горных вершин и производит метель, среди которой непрестанно гремят громы и блистают молнии. И эта грозная и вместе очаровательная картина продолжается до тех пор, пока снова не выглянет солнце и не обольет миллионами искр снеговые вершины...

Так живописует Дагестан В. А. Потто в своей пространной статье, посвященной знаменитой «Стране гор». Действительно, это – самая дикая, труднодоступная часть Кавказского края. Она занимает северо-восток Понто-Каспийского перешейка. Горы, ниспадающие террасами, море на востоке, бьющие ключом реки – вот характер этой местности, населенной и поныне полудикими племенами горцев, в силу своей изолированности сохраняющих во всей своей неприкосновенности свои стародавние обычаи.

По характеру местности Дагестан можно разделить на Нагорный и Прикаспийский, а последний, имеющий более равнинный характер, некоторыми делится еще на Северный, Средний и Южный. Северный Дагестан составляли шамхальство и мехтула, Средний – бывшие Даргинский союз, ханство Казикумыкское, уцмийство Каракайтагское, мейсумство⁴ Табасаранское. Под наименованием Южного Дагестана были известны бывшие ханство Кюринское и провинция Кубинская. Ныне весь Дагестан в административном отношении делится на округа: Темир-Хан-Шуринский, Аварский, Андийский, Гунибский, Даргинский, Казикумыкский, Кайтаго-Табасаранский, Кюринский и Самурский.

Читатели, может быть, помнят, что в первом очерке, посвященном описанию Главного Кавказского хребта, поминалась одна из его высочайших гор – Барбало, завершающая Терский Кавказ и начинающая собою Кавказ Дагестанский. Как раз от Барбало Кавказский хребет отбрасывает на север от себя Андийский хребет, вершины которого ниже вершин Главного хребта, но носят столь же дикий характер, как Терский и Дагестанский Кавказ; Андийский хребет является водоразделом для Терека с Сунжей и Сулака и носит также наименование Терско-Сулакского водораздела. Местные его наименования Бочху, Хиндойлам, Цобамеер, Суяби, а на западе он заканчивается хребтом Салатавским. Таким образом, естественными границами Дагестана являются Андийский хребет с реками Сулаком и Тере-

⁴ Мехтула, уцмийство, мейсумство – государственные образования.

ком, Каспийское море от Аграханского залива до устья реки Самура и Большой Кавказ до горы Барбало, образующие все вместе почти что прямоугольный треугольник.

Русские издавна привыкли называть обитателей горного Даге стана лезгинами – словом, заимствованным у грузин, причем дагестанцы, жившие на севере, назывались также тавлинцами. На самом деле лезгины – это только общее наименование многочисленных, но мелких дагестанских племен, называвших сами себя общим наименованием «маарулал». Все эти племена, из которых некоторые представляли собой ничтожные общины, резко отличались одно от другого обычаями, нравами и даже языком. Лишь изредка, ввиду предстоящей грозной опасности, они составляли федерации и примыкали к сильнейшему даже не в далекие сравнительно времена Аварскому ханству, занимавшему центр Нагорного Дагестана. Аварию окружали на севере Салатавия, Гумбет, Андия, из которых первая знаменита своими лесами, а последняя – богатством. На юге общества Гидатль, Кель, Тилитли, Куяда, Андалаял с знаменитою горою Гуниб-Даг и неприступным аулом Чох, Дидойский и Анкратльский союз, граничившие с Грузией и землями лезгин-джаробелоканцев.

Здесь, однако, следует непременно оговорить то обстоятельство, что некоторые географы и этнографы отличают Дагестан от Лезгистана, определяя последний, в пределах между горами Кохмадаг, отделяющими их от Дагестана, Дербентским округом, Самуром и Кубинской провинцией на северо-востоке, Шекинской провинцией на юге и востоке, Кахетией по реке Алазани на северо-западе, невысокими горами на западе, отделяющими их от Пшавохевсурии, и там же рекою Аксаем, отделяющим Лезгистан от Чечни. На севере границу Лезгистана является Качкалыковский горный хребет.

По многим предположениям, лезгины суть потомки древнейших аланов, обитавших здесь в первые века христианской эры. Во времена борьбы Руси за Кавказ это было одно из сильнейших кавказских племен, оказавшее наиболее упорное сопротивление завоевателям севера. Образовалась эта федерация мелких племен за счет раздробленных персами и турками Армении и Грузии, что до некоторой степени доказывается тем, что первоначально лезгины были христианами и лишь впоследствии приняли под влиянием вооруженного давления магометанство. Лезгины перед началом борьбы разделялись на пять крупных обществ: Чапорское, Чебелинское, Аппианское, Кухлиское и Чанчиливское. Первоначально у них была всего только одна крепость Джары, но впоследствии, когда Лезгистан наводнился выходцами из ханства и других областей, у них явились еще крепости Белоканы, Зака-тала, Катехи. Однако, несмотря на некоторое свое могущество, лезгины все-таки находились в зависимости от аварского хана и лишь после долгих усилий соединились в три союза: Джаро-Белоканский – на севере, Дженихский – в центре и владения Елисуйского султана – на востоке. Много лет спустя, под тяжелейшим давлением из Чечни, часть лезгин выселилась на Кумыкскую низменность и, смешавшись с кумыками, образовала народец казикумыков, имевших некоторое время своего собственного хана, то есть сохранявших кое-какую независимость.

Пограничные с Грузией джаробелоканцы сперва были покорны грузинским царям, но по мере того, как Грузия слабела, их дерзость стала возрастать все более и более. Джаробелоканцы то врывались в Кахетию через горные ущелья, перейдя Алазань у Сичкохи, то, пройдя через Эриванское и Ганжинское ханства, грабили Карталинию и Самхетию, и даже ахалцхские паши не всегда могли остановить этих сорванцов, не признававших над собою ничьей власти, кроме власти своих ханов.

Авария, собственно говоря, принадлежит, по вышеуказанному определению, также к Лезгистану, но мы все-таки будем придерживаться ввиду сбивчивости в показании границ того определения, что в сущности своей Лезгистан есть не что иное, как Нагорный Дагестан.

Отметим здесь, что столицей Аварии был в свое время знаменитый аул Хунзах. Кроме Хунзаха, в Аварии особенно замечательны были по своему многолюдству аулы Иргеней, Гимры, Чиркей.

Владения султана Елисуйского, граничившие на северо-западе с джаробелоканцами, отделялись от ханства Шекинского отрогами Салатавских гор, от Кахетии и Ганжинского ханства – реками Алазанью и Курою, на северо-востоке с султанством граничили вольные общества Сутуль, Ахты, Серчинское и Дарчинское. Вся западная часть султанства покрыта южными отрогами Кавказа. Важнейшая река здесь Капчай. Земли вольных обществ наполнены Салатавским хребтом и орошаются рекою Самур. Дженихский союз лезгин исчез с течением времени, и следы его остались лишь в виде аула Джених на дороге из Ширвана в Джаробелоканскую область. Вольные общества на своем севере ограничиваются Алагиндагским горным хребтом.

Некоторые географы Кавказа ставят в территориальную зависимость с Нагорным Дагестаном и ханство Кюринское.

Кюринское ханство соприкасается на севере с мейсумством Табасаранским, на западе – с ханством Казикумыкским, на юге – с вольными обществами и на востоке – с Дербентской областью. Местность покрыта отрогами Салатавского хребта, значительно понижающегося к востоку. Гористость и малоорошаемость сделали почву здесь почти непригодною для земледелия, и лишь на востоке почва плодородна и жители зажиточны. Столицей кюринцев считается аул Курах на речке Курачае.

На восток от Аварии жили койсубулинцы, занимавшие голые утесы и скалы, а на западе, в самой дикой, наиболее гористой части Дагестана, по обоим берегам реки Аварское Койсу, жили общества: Буни, Тлох, Технуцал, Карата, Ункрати.

Нагорный Дагестан, благодаря тому что всю его площадь покрывают громоздящиеся друг на друга скалы, утесы, горы, страна беднейшая по растительности и плодородию почвы. Горы не пропускают влажности с Каспия; речных же систем здесь только две: Сулакская (Андийское, Аварское, Казикумыкское и Кара-Койсу, соединяющиеся все вместе в Сулак) и Самурская. Горных речек много, но они незначительны и, срываясь с гор, бегут непосредственно в Каспий, то есть орошают уже не Нагорный, а Прикаспийский Дагестан. Наиболее влажным климатом пользуются котловины: Тушинская, Дидойская, Анкратльская и в некоторых частях Самурская, где местами есть сосновые леса.

Дикая природа и отсутствие хозяйственных интересов выработали из нагорных дагестанцев природных воителей. Никакие интересы, кроме привычки, не связывали их с домом. Ради приобретения часто самого необходимого им приходилось прибегать к насилию. Каждое племя видело в соседях врагов, всегда готовых к нападению и грабежу. Уже по одному этому мало кто из горцев Дагестана заботился о накоплении имущества, богатств, даже о своей внешности. Было бы только оружие – все остальное с помощью его приобрести всегда можно.

Дагестанский горец всегда оборван, чуть не в лохмотьях, женщины горцев никогда не щеголяли нарядами, зато мужчины обвешаны дорогим оружием, блистающим серебряными украшениями, «тавлинский» кинжал всегда отточен, винтовка с роскошно отделанным прикладом, конь – что «невеста, убранная на свадьбу». Всегда горец был готов к борьбе – все равно к какой: к нападению или отражению нападения. Селения горцев – аулы – лепились, как гнезда, по уступам гор, и каждая сакля в них представлялась способною к отчаянному сопротивлению крепостцою. Жизнь и своя, и чужая не считалась ни во что. О разбойничьих набегах на Кахетию, Персию, в занятое русскими Предкавказье и говорить нечего: грабеж здесь был почетной работой, прибыльным ремеслом, и наиболее отчаянный разбойник являлся наиболее уважаемым человеком...

Где ногой ступили мы,
Плачут матери и жены,
Слышны вопли, слышны стоны,
И среди вечерней тьмы,
Там, где реет наше знамя,
Разлилось рекою пламя —

так воспевают свои подвиги сами дагестанские горцы. Приморский Дагестан – полный контраст с Нагорным.

Спускаясь к Каспию, горы, получающие с него необходимую влажность, роскошно оделись растительностью; здесь много возделанных полей, здесь пастбища, леса чинары и орешника. Чем ближе к Каспию, тем все более местность принимает равнинный характер. Воды уже много: многоводный Сулак на севере, могучий Самур на юге, не считая многих мелких речек, орошают все Приморье. Тут же и население другое. На севере живут кумыки, в центре – казикумыки, или лаки, а на юге – татары; среди всех этих племен рассеялось и слилось с ними еще в давным-давно миновавшие времена множество евреев, проникших даже в горы и там преобразовавшихся в заправских горцев.

Наконец, Приморский Дагестан был всегда путем, по которому ходили в Европу и из Европы завоеватели. Здесь проходили в своем походе на Индию Александр Македонский, тут побывали орды Чингисхана, Тимура; наконец, русское движение с севера в Закавказье свершалось этим же путем, и в предыдущем очерке мы видели уже, что Приморский Дагестан в первой четверти XVIII века уже составлял собственность России, присоединенный к ней могучею волею великого Петра.

Приморский Дагестан отделен от Нагорного Дагестана, или Лезгистана, горными кряжами и разделялся, как сказано выше, на шамхальство Тарковское, общества Акушинское и Дженгутаевское, уцмийство Каракайдагское, мейсумство Табасаранское. Здесь нелишним будет сказать, что такие наименования, как шамхальство, уцмийство, мейсумство и прочие, суть наследие того отдаленнейшего времени, когда в Приморском Дагестане хозяевами были пришельцы-арабы, установившие здесь образ правления и разделение на административные округа. По вероисповеданию жители Приморского Дагестана в огромном своем большинстве – магометане-сунниты; по своей внешности и характеру они имеют много сходства с лезгинами. Точно так же, как и эти последние, дагестанцы склонны к разбою, ко всякому насилию и вообще своеволию, ленивы, жадны, и среди всех их особенною склонностью ко всяким мятежам и возмущениям отличались акушинцы со своими соседями, дженгутаевцами; за этим народцем, по степени своей беспокойности, следуют каракайдаки, особенно прославившиеся своими разбоями на Каспии. Наиболее мирными были здесь обитатели шамхальства, короче других знакомые с русскими и находившиеся в русском подданстве еще со времен Петра Великого. Но и тарковцы не прочь были пограбить и вообще поразбойничать, раз это могло им безнаказанно сойти с рук. Тарковцы жили между Сулаком и Большим Кавказом, Каспийским морем и Аварией. Главный город их был Тарки – тот самый, который поэт Полежаев, побывав в нем, описывает так:

Я был в горах —
Какая радость!
Я был в Тарках —
Какая гадость!
Скажу не в смех:
Аул шамхала
Похож немало

На русский хлев...
Большой и длинный,
Обмазан глиной,
Нечист внутри,
Нечист снаружи.
Мечети с три,
Ручьи да лужи.
Кладбища, ров
Да рыбный лов,
Духан, пять лавок
И, наконец,
Всему вдобавок
Вверху дворец...

Поэт, как видно, нисколько не польстил столице шамхальства, но и современный Петровск недалеко ушел от Тарков, место которых он занимает.

Акушинцы и дженгутаевцы жили на западе шамхальства и находились в зависимости от шамхала тарковского. Акушинцы жили южнее, дженгутаевцы – севернее. Занимаемая ими область вся покрыта высокими горами, и по характеру своему оба этих племени очень похожи на аварцев, с которыми живут бок о бок. Кроме многочисленных аулов Акуши и Дженгутая – столиц обществ, в их областях были еще многочисленный и богатый аул Лаваши, аул Кубечи, аул Утемишь, около которого в петровском походе 1722 года произошла кровопролитная битва наступавшего русского отряда с десяти тысячным скопищем каракайдакцев, окончившаяся погромом последних.

К югу от шамхальства, за Акушинскими горами, лежит уцмийство Каракайдагское со столицей-аулом Башлы, а еще южнее его, за горами Табасаранскими, – мейсумство Табасаранское, разделенное на две области, из которых одною правил кадий, другою – бек. Столицею Табасарани был большой аул Гиммеда, где жил кадий, а наиболее недоступным по своему нагорному расположению – аул Дювек.

Кроме всего вышеуказанного, в Приморском Дагестане остается еще узкая приморская полоса от реки Дербакха до реки Самура. Длина ее около 45 верст, ширина – 15. Эта полоса именовалась Дербентскою областью – от Дербента, важного торгового города, который по справедливости мог бы называться столицею всего Дагестана, если бы Дагестан был не федерацией народов, а крепко сплоченным государством.

О Дербенте не раз уже упоминалось в предыдущих очерках. Напомним здесь только, что основание его приписывается Александру Македонскому. Вне легенды с историческою точностью можно отметить, что стены Дербента возведены персидским шахом Кабадом, вступившим на престол в 488 году от Рождества Христова. Стены эти начинались от моря и тянулись на сто верст до гор Главного хребта, по границе Аварии и Казикумыкского ханства, как бы являясь их продолжением и ограждая дербентцев от вражеских нашествий с севера. От этого-то почти у всех историков в наименование Дербента непременно входят слова или «ворота», или «дверь». У древнейших историков Дербент именуется «Албанскими воротами», у персиян – Дербент, что значит «Запертый проход», у турок – Дамюр-капи («Железные ворота»), Бабуль-абваб («Дверь дверей»), Бабуль-ходит («Железная дверь»).

Только у арабов Дербент именовался Серир-аль-Догаб, что значит «Золотой престол». Последнее наименование можно объяснить важнейшим торговым значением Дербента, сохранившимся за ним и поныне.

Не один раз уже на этих страницах упоминалось о народе «кумыки», «казикумыки». Эти ветви одного и того же тюркского народа сыграли видную роль в истории Кавказского

края. Они, прежде всего, пришельцы. Кумыки, как уже сказано, тюркского племени, и некоторые исследователи-антропологи уверяют, что это – потомки древних хазар, сдвинутых сюда еще во времена седой древности. По их имени вся обширная равнина на северо-востоке Понто-Каспийского перешейка, у подошвы Андийского хребта, ограниченная южным рукавом дельты Терека и рекою Сулаком с севера и юга, побережьем Аграханского залива на востоке и подошвами нижних отрогов Андийского хребта на юго-западе и рекою Аксаем, затем Чечней и Терекон на западе, называется Кумыкской плоскостью. По плоскости этой текут реки Аксай, Ямансу, Ярыксу и Акташ. Климат равнины благодатный, по плодородию это одна из наиболее богатейших местностей всего Кавказа. Население – кумыки и ногайцы. Сюда-то к ним и направлялись первые и наиболее серьезные покушения русских; по Кумыкской плоскости проходили и народы азиатского Востока в Европу. Отряды Чингисхана прошли через эти открытые ворота Азии на Русь. Но и русские впоследствии продвинулись через кумыков и ногаев в Закавказье. На Тереке и Акташе были первые поселения придвинувшихся с Дона и Волги «воровских» казаков. В дельте Терека стояла первая казачья крепостца Терки, затем Терская крепость. Здесь же была Тюмень – сборное место всех «воровских людей» Европы и Азии. Наконец, отсюда же началось древнейшее шамхальство Тарковское со своей столицей Тарки, на месте которой находится нынешний Петровск. Благодаря тому, что Кумыкская плоскость не представляет естественных преград для вооруженных вторжений, кумыки часто входили в столкновение с лезгинами Дагестана, чеченцами, кабардинцами и осетинами. От этого здесь замечается необыкновенное смешение племен. Есть поселения, жители которых, живя вместе, говорят на резко отличающихся друг от друга наречиях. Таков, например, аул Эндери (Андреева деревня – у русских). В подданстве у России кумыки состоят с 1559 года, но подданство это было только номинальное. В Дербентский поход Петра Великого кумыки были окончательно присоединены к России и оставались ей верны во все остальное время, не участвуя, по крайней мере, в той титанической борьбе, которую вели против надвигавшейся Руси остальные народности Кавказа.

Кумыки по своему характеру резко отличаются от горцев. Они рассудительны, покорны, верны своему слову, до некоторой степени философы, но не прочь и от веселого времяпрепровождения. Хищничества в них нет, и грабежи вовсе не считаются признаками удалства или молодечества. Но вместе с тем кумыки, также и ногайцы, храбры, что не раз доказывали при совместных действиях с русскими. Кровомщение за обиды у них хотя и есть, но оно всегда может быть устранено путем примирения. Сверх всего этого кумыки легко поддаются европейской культуре и в последнее время даже меняют свое восточное, персидского и горского покроя, платье на европейские костюмы. По религии кумыки – сунниты. Живут они оседло и благодаря плодородию почвы могут считаться весьма зажиточным народом.

Таков этот народ, имевший большое влияние на ход событий во время движения Руси на азиатский Восток.

Теперь возвратимся к горским племенам, заселявшим Кавказский хребет.

Нагорный Дагестан – страна голодная, не могущая прокормить своих обитателей, зато к нему совсем тесно примыкает другая страна, которая и поныне называется «житницей Дагестана».

Это – Большая и Малая Чечня, называемая так русскими от аула Чечен на Аргуне, где организовалось самое сильнейшее сопротивление русским силам и где всегда тлели искры мятежей, восстаний, набегов и вообще всякой борьбы, когда пришло время покорения Кавказа. Чтобы ясно представить себе территорию Чечни, необходимо взглянуть на карту. С севера и запада Чечню ограничивают Терек и Качкалыковский горный кряж, отделяющий ее от Кумыкской степи; с запада же Чечня граничит с Кабардою, на юге ее границы – Андийский хребет и Большой Кавказ, а на востоке река Акташ отделяет Чечню от Дагестана.

Сунжа, приток Терека, делит эту страну на две почти равные части: Большую, или возвышенную, Чечню (по правому берегу Сунжи) и Малую, или низменную (по левому берегу).

Чеченцы сами себя называют нахчойцы, нахче, что значит «народ», лезгины и кумыки называют их мисджегами, грузины – кистами; чеченцами же их, как уже сказано выше, называют только русские. Точно так же, как и горные дагестанцы, чеченцы делятся на множество племен, из которых в недавнем историческом прошлом Чечни наиболее выдающимися были албинцы, атагинцы, ауховцы, назрановцы, карабулаки, джерахи, галгаи, мичиковцы, качкалыковцы, ичкеринцы; сюда же присоединяют и ингушей. Большинство этих названий дано чеченцам уже русскими и самим им неизвестно. Соседи называют их также мычкиз.

Как можно догадываться по некоторым народным преданиям, чеченцы – это выселенцы из Нагорного Дагестана. Сперва они спустились по северным склонам Андийского и Большого Кавказского хребтов и заняли плодородные равнины по Сунже и Аргуну, Гойте, Чохе и другим притокам Сунжи.

Местность эта была сплошь покрыта лесами и представляла удобства для защиты в случае нападения; единоплеменники же чеченцев – тавлинцы – не замедлили последовать за своими выселенцами, и, конечно, с целями грабежа. Тавлинцы сдвинули чеченцев к Аргуну, но те нанесли им на берегах этой реки такое поражение, что до сих пор для обозначения ничего не стоящих вещей у чеченцев существует выражение: «дешевле, чем тавлинские папахи». Когда произошло это событие, в истории указаний нет, легенды же чеченские тоже не дали на этот счет никаких определенных указаний. Впрочем, есть сведения, что в XVII столетии чеченцы выдерживали отчаянную борьбу с ногайскими татарами, кабардинцами и кумыками. С русскими чеченцы вошли в соприкосновение лишь в 1708 году, во время похода астраханского губернатора Апраксина.

Свое происхождение или, вернее, политическое объединение пастушеских общин сами чеченцы в легендах своих и преданиях приписывают некому Али-Арабу, беглецу из Дамаска, поселившемуся в верховьях реки Ассы у галгаев. Али взял не силой, а умом и цветистым красноречием. Сын его, Начхоо, по прозвищу Тюрпиль, что значит «богатырь», стал народным героем, и чеченцы считают его своим родоначальником.

Чеченцы, как мужчины, так и женщины, наружностью чрезвычайно красивый народ. Они высоки ростом, очень стройны, физиономии их, в особенности глаза, выразительны; в движениях чеченцы проворны, ловки; по характеру они все очень впечатлительны, веселы и остроумны, за что их называют «французами Кавказа», но в то же время подозрительны, вспыльчивы, вероломны, коварны, мстительны. Когда они стремятся к своей цели, для них хороши все средства. Вместе с тем чеченцы неукротимы, необыкновенно выносливы, храбры в нападении, защите и в преследовании. Это – хищники, каких немного среди горных рыцарей Кавказа; да и сами они не скрывают этого, избирая среди царства животных своим идеалом волка.

Всех зверей сильнее лев,
Птиц сильнее всех орел.
Кто ж, слабейших одолев,
В них добычи б не нашел?
Слабый волк на тех идет,
Кто его порой сильней,
И его победа ждет,
Если ж смерть – то, встретясь с ней,
Волк безропотно умрет! —

так превозносят чеченские песни отвратительнейшего из хищников животного царства.

Неукротимость, своеволие и не дикость, а хищные инстинкты породили среди чеченцев на почве кровомщения абречество. Абрек – это нечто дико безумное по самому своему существу, это – человек, принявший на себя обряд долгой кровавой мести и отчуждения от общества под влиянием какого-либо сильного горя, обиды, потери или несчастья. Что такое абрек, лучше всего видно из клятвы, которую давал чеченец, вступая в число абреков:

«Я, сын такого-то, сын честного и славного джигита, клянусь святым, почитаемым мною местом, на котором стою, принять столькото-летний подвиг абречества, – и во дни этих годов не щадить ни своей крови, ни крови всех людей, истребляя их, как зверя хищного. Клянусь отнимать у людей все, что дорого их сердцу, их совести, их храбрости. Отниму грудного младенца у матери, сожгу дом бедняка, и там, где радость, принесу горе. Если же я не исполню клятвы моей, если сердце мое забьется для кого-нибудь любовью или жалостью, пусть не увижу гробов предков моих, пусть родная земля не примет меня, пусть вода не утолит моей жажды, хлеб не накормит меня, а на прах мой, брошенный на распутье, пусть прольется кровь нечистого животного».

Встреча с абреком – несчастье, и вот как описывает ее один из путешественников.

«Если вы, – говорит он, – завидели в горах кабардинку, опушенную белым шелком шерсти горного козла, и из-под этих прядей шелка, раскинутых ветром едва ли не по плечам наездника, мутный, окровавленный и безумно блуждающий взор, бегите от владельца белой кабардинки, это – абрек. Дитя ли, женщина ли, дряхлый ли бессильный старик – ему все равно, была бы жертва, была бы жизнь, которую он может отнять, хотя бы с опасностью потерять свою собственную. Жизнь, которою наслаждаются, для него смертельная обида. Любимое дело и удаль абрека – надвинувши на глаза кабардинку, проскакать под сотнею ружейных или винтовочных стволов и врезаться в самую середину врага.

Слово „абрек“ значит „заклятый“. И никакое слово так резко не высказывает назначение человека, разорвавшего узы дружбы, кровного родства, отказавшегося от любви, чести, совести, сострадания – словом, от всех чувств, которые могут отличить человека от зверя. И абрек поистине есть самый страшный зверь гор, опасный для своих и чужих: кровь – его стихия, кинжал – неразлучный спутник, сам он – верный и неизменный слуга шайтана. Абреки нередко составляли небольшие партии или шли во главе партий, перенося всю силу своей ненависти на русских. И встреча с ними войск неизбежно вела за собою кровопролитные схватки. Абреков можно было перебить, но не взять живыми».

Таковы были чеченцы; совсем противоположны им по своему нраву кабардинцы и черкесы. Кабарда разделяется на Большую и Малую Кабарды. Малая Кабарда, гранича с Чечней, определяется углом, образуемым Тереком при впадении в него реки Малки. Большая Кабарда начинается от верховьев Малки, доходит по Джинальскому хребту до ее устья и затем на востоке ограничивается Тереком. На юге ее ограничивают Черные и Кабардинские горы; на западе за Большою Кабардою до восточного Черноморского побережья, ограничиваемые с севера Кубанью и Малкой и с юга Большим Кавказом, оба склона которого они занимали, жили черкесские племена, составлявшие в общем целом народ адыге. Наиболее известных их племен одиннадцать. Самым воинственным были абадзехи, жившие в долинах рек Белой, Лабы, Пшиша, Псекупса, то есть на северном склоне Большого Кавказа. Затем по реке Упсину с притоками обитали шепсуги. На берегу Черного моря, между Анапою и устьем Туапсе, а также по Кубани до Адагума – натухайцы, около них бесленеевцы, а западнее последних егарукайцы и метешенцы. Между реками Скагуаше и Пшишем обитали гатюкаевцы; севернее – темиргои и бжедухи и, наконец, джанеевцы и помесь всех черкесских племен – убыхи. За землею убыхов, по Черноморскому побережью, в нынешней Кутаисской губернии, от реки Ингура до реки Бзыба, жили абхазы, джихи, или садзы – до

реки Соши и абазинцы. Последние три племени, под общим наименованием абхазов, составляют отдельную группу черкесов, которых всех вообще разделяют на адыге, кабардинцев и абхазов. Наиболее замечательным были среди этих племен кабардинцы. Кабардинцы – это аристократы Кавказа. Они никогда не были стиснуты горами. Кабарда выдвинулась в предгорные равнины Северного Кавказа, сливающиеся с южнорусскими степями. Характер местности налагает свои особенности и на характеры своих жителей. Кабардинцы храбры, честны, вовсе не склонны к вероломству и коварству, как чеченцы; они красивы собою и очень внимательно относятся к своей внешности. «Он одет как кабардинец», – говорят на Кавказе про горца, отличающегося умением хорошо одеться. Кабардинцы изящны в движениях, отличаются изысканною деликатностью и, как выше сказано, благородством своего характера. Кабардинец редко лжет и никогда не обманывает даже своего врага. Во времена глубокой древности они уже вошли в соприкосновение с русскими, ходили в Крым, где равнина между реками Бельбеком и Кагелем и до сих пор называется Черкесскою.

Кабардинцы как народ имеют свою историю. Предание говорит, что они переселились сюда в незапамятные времена, причем первым их главою был какой-то Кабарда Тамбиев. Византийский император Юстиниан распространил среди кабардинцев христианство, продолжавшееся у них до половины XVIII столетия, когда оно вследствие небрежности тогдашнего русского правительства было вытеснено магометанством, благодаря чему кабардинцы стали во враждебное положение по отношению к русским. Мусульманство так глубоко овладело Кабардою, что под влиянием его кабардинцы стали считать своим родоначальником выходца араба Инала и совсем позабыли, что Редадя или Редедя, боровшийся с Мстиславом Удалым, был их князем, что Мария, дочь их знаменитейшего князя Темрюка, была женою русского Грозного царя, что при сыне этого же Грозного Кабарда вошла в состав русских владений. Забыли кабардинцы, что во время дагестанского похода великого Петра они были на его стороне и сдержали ингушей, осетин, абазинцев и горских татар от нападений на петровские дружины. Во время решительной борьбы за Кавказ Русь в кабардинцах, а также и в чеченцах встретила себе наиболее энергичных и упорных противников.

Говоря об истории кабардинцев, нельзя не отметить следующего. В недавнем еще прошлом Большая Кабарда разделялась на три поколения: Атажукова, Мисостова и Джембулатова. Все эти три колена выводят свой род от выходца из Аравии по имени Кеса. У Кесы были сыновья: вышеупомянутые Инал и Шамбок. От сыновей первого и произошли кабардинские владельцы, причем потомки младших сыновей истребили весь род старшего сына Инала – Шеченуха. От Шамбока произошли владельцы бесленеевские и абазинские. Впоследствии число владельцев так умножилось, что для них уже не стало хватать земли в качестве отдельных владений. Тогда из безземельных потомков Инала образовался класс узденей – кабардинских дворян, явившихся в Кабарде первенствующим сословием. Несмотря на то что князь, или владелец, для кабардинцев был всегда священной особою, он все-таки без узденей не имел никакого значения и во всех общественных делах непременно должен был призывать их на совет.

Нечто вроде кабардинских узденей, но с меньшим, даже ничтожным, значением, известно было и у черкесов-адыге под общим наименованием «ворк».

Адыге, что, по мнению некоторых ученых, представляет собою искажение слова «антихе» – человеки (от древнейшего «ант» – человек), представляют собой один из благороднейших народов Кавказа. Отличительные свойства их характера – храбрость, удалство, рыцарство в отношении к врагам, великодушие и гостеприимность. Мужчины и женщины черкесские и поныне славятся своею красотою и грацией, но быт их гораздо грубее быта кабардинцев. Сказываются гористость и через это замкнутость их родины. Черкесы жестоки и даже свирепы, хотя ни коварства, ни вероломства в них нет.

Имя черкесов они получили от древних греков, которые называли их «керкет». В глубокую древность они занимали весь Западный Кавказ и даже Крым. Культуру свою вместе с христианством они получили из Византии, хотя по грубости своих нравов восприняли последнее только внешне, примешивая к нему всевозможные языческие обрядности. В глубокую древность черкесы были все-таки образованным и высококультурным народом. У них были и живопись, и ваяние, они знали и литейное искусство, что уже доказано раскопками.

Древнейшим городом Черкесии был Боргусант, на месте которого ныне казачья станция Боргустан.

Первый удар культурному процветанию черкесов нанес в VI веке аварский хан Байкан, разгромивший дотла всю Черкесию. За аварами сюда приходили калмыки, хазары, славяне, посетил Черкесию и «бич Божий» – Аттила, доходивший со своими скопищами гуннов до Шат-горы. Нападали на черкесов и их ближайшие соседи, и все это в конце концов обратило прекрасный мирный народ в неустрашимых воителей, для которых война явилась единственной целью жизни.

Третий черкесский народ – абхазы, как сказано выше, занимает восточное побережье Черного моря. Абхазия – прекрасная страна, дивный по своим красотам уголок. Здесь под открытым небом растут лимонные, персиковые и чайные деревья, цветут розы и лавры, растут пальмы, а громадные девственные леса неприступнее и более дики, чем леса Мингрелии и Имеретии. Всякая растительность, имеющая характер трав и кустов, под влиянием абхазского солнца принимает древообразные формы, достигая гигантских размеров. Тонколиственные азалии со своими красивыми желтыми цветами, испускающими тяжелый, одуряющий запах, вытягиваются до шести аршин и покрывают собою долины и поля Самурзакани и Абхазии. Гигантский папоротник встречается в виде густых и частых посевов, коленчатый рододендрон – краса Черноморского побережья, с длинными листьями и роскошными лиловыми букетами, – образует целые чащи по скатам и оврагам. И надо всем этим раскидывают темно-зеленую листву античные деревья: чинара, бук, каштан и пальма...

Край этот мог бы считаться одним из прекраснейших уголков земного шара, если бы не его нездоровый климат. Громадные леса, особенно колоссальные папоротники, скрывают под собою болота, служащие источником губительных лихорадок. Опыт показал, однако же, что если папоротник выкашивать три года кряду, то он погибает окончательно, и тогда на месте нездоровых болот образуются превосходные покосы и луга. Это обстоятельство так важно и так очевидно, что перед ним не устояла даже классическая лень абхазцев, и там, где они истребляли папоротник, климат быстро изменялся к лучшему.

Богатая почва Абхазии, казалось, должна бы служить источником довольства и даже роскоши для ее обитателей. В действительности она-то и служит причиной их крайней бедности. Абхазцы сеют только гоми (род проса) и кукурузу, которые не требуют ухода и дают чудовищные урожаи; и потому абхазец работает в течение года много 20–30 дней, а остальное время проводит в беспечной бродяжнической жизни. Только немногие из них промышляют ловлею дельфинов, которых у берегов Черного моря так много, что они нередко опрокидывают каюки охотников, но абхазцы этого не боятся, потому что плавают не хуже дикарей океанских островов.

Абхазское племя занимало не одну Абхазию; оно жило также в Самурзакани и Цебельде и, наконец, по ту сторону Кавказского хребта, в земле абазин. Самурзакань, населенная преимущественно выходцами из Имеретии, Мингрелии и Гурии, подчинялась мингрельским Дадианам; но власть этих последних была чисто номинальной. Цебельда всегда оставалась независимой; это было просто небольшое разбойничье племя, жившее в неприступных верховьях Кодора, откуда оно не давало покоя даже самим абхазцам. Абазинцы, малочисленное племя, в сущности, те же абхазцы, которые покинули родину вследствие внутренних раздоров, ссор и кровомщений и, перевалившись через Кавказский хребет,

поселились среди закубанских черкесов, между истоками Зеленчука и Белой; от коренных абхазцев они отличались более суровою воинственностью и чистотою нравов. Абазинцы делились на алтыкезек, или «шестиородных», каковое наименование получили они от шести управлявших ими князей, кочевавших в степных пространствах Предкавказья, башилбаев, живших между истоками рек Урупа и Большого Зеленчука и славившихся удалством и разбоями, а затем гаграев, казылбеков, баракаев, обитавших между Лабой и Урупом. Эти племена, точно так же, как ногойские племена карачаевцев, чечем, жнихов и балкаров, были в большой зависимости от Кабарды, но, соседствуя с Имеретией, все-таки отличались некоторою культурностью.

Большинство абхазцев – сунниты, но они были когда-то христианами, потом под влиянием Турции приняли ислам, затем многие снова возвратились к христианству, и в конце концов не было у них ни одной религии, которая сохранила бы свою чистоту. И христиане, и магометане одинаково исполняли лишь наружные обряды, и только одни абазинцы придерживались строго магометанского закона. Не отличаясь религиозностью, абхазец в то же время не отличался ни умственными способностями, ни строгою нравственностью. В его национальном характере резко выделялись отвращение к честному труду, воровские наклонности, корыстолюбие и вероломство. «Помоги тебе Бог, – говорила мать, благословляя сына и передавая ему в первый раз шашку, – приобрести этою шашкою много добычи и днем и ночью», иначе сказать: путем правым и неправым. Вся слава абхаза состояла в том, чтобы бродить из одного места в другое, воровать чужой скот и имущество, а при удаче – и самих поселян для продажи в неволю.

Позднее, под властью русских, торговля людьми стала для них трудна, если не совершенно недоступна; но воровать можно было почти по-прежнему, отделиваясь только временным заключением, а выпущенный из-под ареста абхазец не без гордости говорил, что он воротился из плена.

Убить кого-нибудь из засады было в Абхазии делом самым обыкновенным, чему способствовали густые леса, где, даже видя неприятеля, не всегда возможно было до него добраться. То и дело получались известия о солдатах, о казаках, даже о самих абхазах, убитых в лесу неведомо кем; и хотя все это обыкновенно валилось на цебельдинцев, но справедливость требует сказать, что никто так не способен пырнуть ножом из-за угла, как житель самой коренной Абхазии. Все народы абхазского племени носили черкесскую одежду, которая отличалась, однако же, двумя особенностями, не важными, но весьма приметными для жителей гор: черкеска абхазцев была гораздо короче черкески соседних с ними племен адыге, а башлык они обвивали около шапки в виде чалмы, чего никогда не делали черкесы; кроме того, у черкесов башлык всегда был белого цвета, а у абазинцев и абхазцев черный или коричневый. Когда-то Абхазия славилась своими красавицами, и у абазинцев остались еще яркие следы женской красоты этого племени; все женщины там безусловно прекрасны, и турки, скупая горских красавиц, до последних дней предпочитали им только гуриек. Но из коренной Абхазии давно уже вывезены лучшие женские типы за море; на долю туземцев осталась только посредственность, и красота мужчин резко преобладает теперь над красотою женщин.

Говоря о населении Кавказа, никоим образом нельзя пройти молчанием незначительные по количеству, но в то же время ярко типичные горные племена пшавов и хевсуров, обитавших и обитающих частью в ущельях, частью на южных склонах Главного хребта.

Хевсуры – племя исчезающее; их теперь насчитывается всего около 7 тысяч душ обоих полов. Живут они на склонах Центрального Кавказа, в верховьях Арагвы-Аргуни, окруженные ближайшими своими соседями: пшавами, кистами или коренными чеченцами, тушинцами и грузинами. Насколько можно судить и об этом народце по его языку и по внешнему виду, это, так сказать, одичавшие еще в незапамятные времена грузины, удалившиеся

в силу каких-то особенных обстоятельств в горы. К ним сходились выходцы из других племен, по большей части отверженцы, для которых родина была потеряна. В результате оказалось смешанное племя, в представителях которого можно было бы узнать все народности Кавказского края. Строго определенной масти среди хевсуров не наблюдается. Между ними есть и блондины, и брюнеты, немало также и огненно-рыжих. То же самое заметно и в отношении телостроения: есть и великаны, есть и чуть ли не карлики, но у всех хевсуров в телостроении заметна общая черта: хевсуры – и мужчины, и женщины – отличаются редкой худощавостью, но это ведет лишь к тому, что все они очень подвижны, ловки, неутомимы. По складу характера хевсуры храбрецы каких мало, но храбрость их честная. Они предпочитают открытый бой, и вероломство почти отсутствует в их характере. Отличительные же черты характера этого народа: добродушие, гостеприимство, общительность, любовь поговорить, часто граничащая с страстью к болтовне; хевсуры очень любят повеселиться, поприрадовать, придравшись ко всякому, порой даже незначительному случаю. В то же время они необыкновенно горды, преисполнены самоуважения, и на этой почве у них развилась чрезвычайная вспыльчивость, часто ослепляющая их до того, что в своем ослеплении эти люди не останавливаются даже перед массовым кровопролитием только ради удовлетворения минутной вспышки гнева.

Себя как народ хевсуры производят от еврея, сопровождавшего знаменитую царицу Тамару при ее объездах владений; об этом говорят их легенды, но вместе с тем испокон веков хевсуры были христианами.

Пусть это их христианство было только внешнее, но все-таки они не изменили ему даже под страшным давлением персов и турок – давлением столь сильным, что ему не могли противиться даже могучие своими духовными силами кабардинцы и народы адыге. Однако следует заметить, что давление магометан все-таки оставило свой след. Так, хевсуры празднуют не только воскресенье, но и магометанскую пятницу, да к этому еще и еврейскую субботу, так что на неделе три дня у них – праздничные. Кое-что осталось в религиозном воззрении хевсуров и от отдаленного веками язычества. До недавнего времени у них существовала жреческая иерархия, были капища, приносились кровавые жертвы, но все-таки кое-что из этого приурочивалось к христианским праздникам, так что в общем получилась очень пестрая религиозная смесь христианства с магометанством, с деизмом и идолопоклонством. Хевсуры даже и в настоящее время представляют собой племя обособленное. Замкнутые в своих горах, они не поддались веяниям современной культуры. В особенности это заметно на вооружении хевсуров. Даже теперь, в XX столетии, хевсуры носят латы, кольчуги, панцири. Они недавно еще оставили луки и стрелы, заменив их отжившими свой век кремневыми ружьями. Кто помнит майские парады при императоре Александре II, тот, наверное, не забыл всегда появлявшихся в конвое государя гигантов, конных воинов в панцирных рубашках, с панцирными капюшонами, с наполненными стрелами колчанами с одной стороны седла и тугими луками – с другой. Это были именно хевсуры, всегда возбуждавшие своим появлением немалое удивление среди толпы народа.

Из-за гористости почвы Хевсурия – страна бедная. Земледелие очень затруднительно, и лучшим доказательством хевсурской бедности является тот факт, что хевсурские девушки ради того, чтобы иметь в браке поменьше детей, выходят замуж не моложе двадцати лет, да и помимо этого у хевсуров испокон веков установился обычай, имеющий среди них чуть ли не силу закона, что каждая сожительствующая пара может иметь никак не более троих детей. Вообще установившиеся обычаи хевсуров ставят всяческие препятствия чадородию. Так, например, глава семьи должен спать отдельно от жены и непременно в верхнем этаже своей сакли, тогда как жена помещается в нижнем этаже. Такие строгие обычаи ведут к тому, что численность хевсуров год от года все уменьшается, и недалеко то время, когда память об этом племени останется только на страницах истории.

Соседи хевсуров – пшавы – живут по Арагве ниже первых, а также населяют оба берега Иоры, приблизительно в нынешнем Тионетском уезде Тифлисской губернии. Несмотря на то что этот народец численностью своею едва достигает 10 тысяч душ, он все-таки делится еще на мелкие родовые союзы – общины, которые, в свою очередь, составляются из семейных союзов или просто семей. Всех таких родовых союзов у пшавов недавно насчитывалось двенадцать, делившихся на семьи. Основанием первых является культ общего предка, основанием вторых является культ умерших посредством духовного общения с ними, главою рода является хевисбери – «почетный старец ущелья», облеченный еще недавно светскою властью, а духовной и поныне. Глава семьи – мамакаци и дедакаци – «большак» и «большуха». Им принадлежала не только светская, но и духовная власть. Помимо естественного прироста общины и семьи пополнялись также путем допущения приемышей, которые, вступив в семьи, получали все права ее коренных членов. По происхождению своему пшавы точно так же, как и хевсуры, – одичавшие грузины-горцы. Отличительною их чертою является неустрашимая, даже можно сказать, буйная храбрость. Когда во времена седой древности явился на Кавказ знаменитый римский полководец Помпей, он не мог покорить Рим пшавов – такой энергичный отпор они дали его легионам. Впрочем, это можно объяснить себе, скорее всего, тем, что своими горами пшавы отрезаны от остального края и доступ к ним очень труден. Так же как и хевсуры, пшавы – христиане, но так же их христианство не без посторонних примесей. Они почитают христианских святых, а между ними особенным поклонением пользуются Богородица, Архангел (!) и Георгий Победоносец, но вместе с тем почитанием их пользуются и языческие олицетворения сил природы. Царицу Тамару пшавы считают в числе своих святых, причем святым считают и ее сына, Лаша. Хевисбери в военное время предводительствовал дружинами пшавов, а в мирное исполнял всевозможные требы: крестил, венчал, исповедовал, причащал, хоронил и т. д. Помощник же «почетного старца ущелья» – дастури – приносил кровавые жертвы и вообще являлся жрецом уже идолопоклонников. Языческие воззрения пшавов – олицетворение сил природы, героев древности и пр. – ясно свидетельствуют о том, что этот народец одарен богатою творческою фантазиею. Последнее подтверждается и поэтическими легендами пшавов, с восторгом поющих былины о богатыре Рустеме и его сыне Зорабе. Женщина у пшавов далеко не находится в загоне. Девушки до замужества пользуются полною свободою. У пшавов существует нечто подобное малороссийскому жениханию. Каждая девушка выбирает себе цацалу – нареченного жениха, который в огромном большинстве случаев впоследствии становится ее мужем. Положение замужней женщины у пшавов, за исключением некоторых общих для всех полудиких народов случаев, не только не унижительно, а даже почетно. Женскую красоту воспевают в песнях, женщина не лишена имущественных и некоторых личных прав. В общем, пшавы представляются до некоторой степени симпатичным кавказским народцем, но так же, как и хевсуры, они близки к полному исчезновению.

Упомянем также о сванетах «вольных» и «княжеских», небольшом горском племени, живущем в котловине по верхнему течению Ингура, у южного подножия Эльбруса, и по реке Цхенис-Цхали, притоку Риона. Сванеты известны со времен глубочайшей древности под наименованием сванов и сазаков, представляют собою помесь грузинских племен с некоторыми черкесскими. Это очень быстро вырождающееся племя, христианское по внешности, но держащееся и поныне многих языческих верований. Занимаются они земледелием, скотоводством, охотой и, как все дегенераты, очень склонны к пьянству, которое влечет за собою общую их порочность. Когда-то в древние времена сванеты были культурным народом, но постоянные войны и разорения низвели этот народ на степень полудикарей.

В заключение обзора горных народцев остается сказать еще о древних яссах, или оссах, то есть о современных осетинах. Это горское племя испокон веков занимало самую середину Кавказа, то есть Большого Кавказского хребта. По характеру местности Осетия делится на

горную и равнинную, то есть, другими словами, горные осетины длинною узкою полоскою живут в первой на 3 тысячи футов выше по горному хребту, а равнинные – ниже 3 тысяч футов, в предгорьях подошв и на равнинах. В Предкавказье на востоке соседями осетин являются чеченцы, на западе – горские татары-балкарцы и кабардинцы, на севере – русские казаки; затем в ущельях хребта осетины соседствуют с хевсурами и пшавами (на горных перевалах).

В Закавказье, на южном склоне, осетины живут в долине Арагвы, а также в долине Лиахвы и Риона, попеременно с грузинами, на западе Осетия примыкает к Имеретии и на юге в Закавказье она граничит с Грузией.

Осетины по обществам делятся в Предкавказье на дигорцев, алагирцев, курташинцев, тагаурцев; в Закавказье они называют себя иронами, грузины же называют их племенем туалте. По внешнему своему виду осетины очень красивы, но в силу того, что живут они среди чуждых и всегда враждебно относившихся к ним племен, они почти утратили свой собственный тип и племенные особенности своего характера; они принижены, лстивы, ленивы, живут, даже наиболее зажиточные из них, бедно и грязно и одно время даже начали было под давлением воинственных кабардинцев вымирать, но Россия, отбросив кабардинцев и уничтожив скученность населения, дала тем самым возможность осетинам быстро плодиться, что и повело теперь к возрастанию этого угасавшего было народца. Большинство осетин – христиане, но христианство их только внешнее. В действительности осетины исполняют только обряды, а сущность христианства совсем темна для них; и до сих пор, наряду с христианскими, они исполняют и некоторые языческие обряды, сохранившиеся у них со времен самой седой древности: обращаются с мольбами о покровительстве к разным духам, значение которых соответствует некоторым христианским святым (например, Уацылла по своему значению среди осетин соответствует вполне святому Илии-пророку).

Чтобы закончить характеристику этих горцев Кавказа, особенно важных для истории сношений и столкновений Руси с народами, населявшими когда-то и населяющими ныне Кавказские горы, потому что они были первыми вошедшими в соприкосновение с Русью, следует отметить здесь, что осетины – большие мечтатели; они склонны к поэзии, к музыке, обладают известною долею природного вкуса и наравне со своими западными соседями, кабардинцами и черкесами, и западными кумыками представляются наиболее симпатичными из народцев и племен, населяющих Кавказский хребт и его отроги.

Ради полноты настоящего обозрения скажем также здесь вкратце и о других народах, населяющих этот прекрасный край, но уже по ту сторону Кавказа.

Конечно, прежде всего придется сказать о грузинах. О происхождении этого народа сказано было выше; здесь же ограничимся тем, что укажем на деление этого народа, которого он не избежал точно так же, как и все племена Кавказа.

Ядро народности – собственно грузины – ничтожно, их нет и полумиллиона, и, главным образом, они живут около Тифлиса и в пределах Тифлисской губернии. Те из природных грузин, которые, оставив христианство, перешли в магометанство, называются инге-лойцами. Далее следуют грузины-горцы – вышеупомянутые хевсуры, пшавы, тушинцы. Отдельная ветвь грузинского народа – имеретинцы, населяющие страну, составлявшую лет около ста тому назад Имеретинское царство; к ним могут быть присоединены гурийцы и аджары; последние – те же гурийцы, но оставившие христианство для ислама. Упомянем также и о мингрельцах, присоединяемых к племенам картвельской группы. Все вообще картвелы, то есть грузины, в своей целокупности как народ одного корня, – один из красивейших народов не только Кавказского края, но, пожалуй, и всего мира. Они прекрасно сложены, стройны, статны, сильны, ловки, подвижны. У большинства из них темные, несколько жестковатые волосы, часто с чуть синеватым отливом; глаза голубоватые или зеленоватые, с веселым выражением и блеском; нос, загнутый на конце, с небольшой, не портящей впе-

чатления горбинкой, лицо смуглое, но не настолько, чтобы не считаться белым. Женщины грузин очень красивы, но в умственном отношении недалеки. По своей наружности грузины напоминают семитов, что, впрочем, подтверждается и легендой об их первоначальном происхождении; но в характере этого народа нет или очень мало отрицательных качеств этого племени. Грузины честны, впечатлительны, способны к самопожертвованию, доверчивы, добродушны, откровенны, гостеприимны, эгоистическая жилка как бы совсем отсутствует в их характере. Они общительны, веселы, склонны ко всяким удовольствиям, легковверны до легкомыслия, но, как и все народы этого благодатного края, где природа как бы сама заботится о человеке, грузины порядочно ленивы, мало энергичны, недостаточно предприимчивы, мало склонны к прогрессу в проявлениях общественной жизни и потому попали в экономическую, и притом очень тяжелую, зависимость от армян, которые по обилию всевозможных отрицательных качеств в своем характере называются иногда «евреями Востока». Эта экономическая зависимость грузин тем сильнее, что у них почти не существует торгового класса, зато «князей» – таводов – у грузин видимо-невидимо. Последнее объясняется тем, что получение княжеского достоинства во время существования грузинского царства было очень легким делом. В те времена, чтобы стать князем, грузину-азнауру, то есть дворянину, достаточно было иметь поместье с церковью да несколько дворян в подчинении. Купцов же и мещан при таком изобилии высшего сословия почти не было; единственными работными классами являлись амкары – ремесленники – и члехи, или кма, – крестьяне. Амкары делились на бесчисленное множество цехов, главою каждого из которых был выборный усти-баши; члехи, или кма, – крестьяне-земледельцы, находились в крепостной зависимости от азнауров – дворян, таводов – князей-помещиков и церковников. Зависимость эта помимо правовой стороны выражалась в массе унижающих человеческое достоинство подробностей, в силу которых грузинский крепостной мало чем отличался от домашнего животного.

Впрочем, у грузин во все времена были хизаны, то есть свободные земледельцы, жившие на помещичьих землях в качестве арендаторов и во всем остальном не зависимые ни в чем от землевладельцев.

Следует сказать, что грузинское крестьянство, так же как и русское, выделяло из себя маджалобе (дворовых) и массахури (служителей).

Имеретию, Гурию и Мингрелию в историческом отношении следует до некоторой степени обособить от Грузии. Вышеупомянутые при обозрении горцев Кавказа Сванетия, Гурия, а также Мингрелия и Абхазия первоначально входили в состав Имеретинского царства. У византийских историков Имеретия известна под наименованием Лазики, где происходила борьба между византийским императором Юстинианом и персидским шахом Хозроем (VI в.). Уже в это время историки отмечают существование Кутаиса. С VIII века по конец X Имеретия была самостоятельна, и здесь царствовала Абхазская династия. Потом Имеретия воссоединилась с Грузией, и лишь в половине XIII века появляется вновь самостоятельное Имеретинское царство с столицею Кутаисом и династией Багратидов на царском престоле. В половине XV века эта самостоятельность упрочилась, но зато началась отчаянная междоусобица, и в XVII веке имеретинцы и гурийцы уже испрашивали сперва у русского царя Михаила Феодоровича, потом у его преемника, царя Алексея Михайловича, позволения вступить в их подданство. Эти ходатайства не имели успеха, и затем Имеретия подпала под власть турок, от которых освободилась лишь с помощью русских. История представляет Имеретию страной еще более несчастною, чем Грузия. Эта последняя, по крайней мере, страдала от внешних врагов, Имеретия же – от внутренних междоусобиц. Главною причиною последних можно считать изобилие высших классов при полной обезличенности в правовом отношении классов работных.

Имеретия имела феодальное устройство, и ее земельная собственность сосредотачивалась в руках таводов – князей, санатиокаци – почетных владельцев и азнауров – помещиков. Масса крестьянства была разбита по количеству этих бесчисленных владельцев на множество мелких групп, а над всеми ими стояли еще многочисленные придворные чины, истощавшие страну чрезмерными требованиями средств на свою роскошную жизнь. При современном распределении территории древняя Имеретия занимала приблизительно Кутаисский, Шаропанский и Рачинский уезды Кутаисской губернии.

Гурия как отдельная страна известна со второй половины VII века, но еще в VI веке здесь происходили кровопролитные битвы византийцев с персами (Юстиниан и Хозрой). В XIII веке Гурия является уже государством, имеющим своих собственных правителей – гуриелей, то есть владетельных князей. До этого времени Гурия составляла часть Грузии и управлялась эриставами, то есть наместниками, назначенными грузинскими царями. Род гуриелей ведет свое начало от эристава Вардонидзе. В XV веке Гурия уже самостоятельна и даже ведет войны с Имеретией, но затем вместе с этим царством всецело подпадает под власть турок, с которыми, впрочем, вела упорную борьбу, вызванную, главным образом, тем, что турки принуждали гурийцев или гурулов, как они сами себя зовут, перейти в магометанство. Усилия турок пропали даром: несмотря ни на что, гурийцы сохранили свою веру и духовное управление, во главе которых стоял шеком-медели – митрополит. В 1804 году Гурия встала под покровительство России, и полное присоединение к русской монархии состоялось лишь в 1824 году. Древняя Гурия занимала нынешний Озургетский уезд и часть Батумского округа.

Гурийцы принадлежат к грузинскому племени и сходны с грузинами по языку, наклонностям, духу, нравам и обычаям. Так же как и грузины, гурийцы красивы, стройны, подвижны, ловки, а по душевным своим качествам честны, горды, самолюбивы, благородны, воинственны, храбры, что совсем разбивает высказанное некоторыми антропологами мнение, будто гурийцы – потомки когда-то поселившихся здесь евреев, от которых они якобы получили свое наименование (урия – грузинское наименование еврея). Мингрельцы мало чем отличаются от предыдущих. Древняя Мингрелия находилась в нынешних пределах Зугдидского и Сенакского уездов Кутаисской губернии, между Черным морем и реками Рионом, Цхенис-Цхали, Ингуром. Мингрелия явилась вследствие почти насильственного выделения в 1442 году из общего состава Грузии владений крупного помещика в автономную, а потом и совершенно политически самостоятельную государственную единицу, во главе которой во все четырехвековое существование Мингрелии стоял дадиан – правитель, являвшийся единственным административным лицом во всей стране. У мингрельцев были также разорявшие народ таводы, санатиокаци и азнауры – знать, деление и преимущества которой целиком были заимствованы у соседей-имеретинцев. Сами по себе мингрельцы чуть ли не до второй половины XIX века, когда в 1867 году Мингрелия окончательно объединилась с Россией, были дикарями. О дикости их свидетельствует то обстоятельство, что во всей Мингрелии было только два города – Зугдиди и Горди, а также и то, что духовенство мингрельцев принадлежало к крепостному сословию, и мингрельские помещики могли торговать духовными особами так же свободно, как торговали ишаками, быками и пр. Подобное униженное положение духовенства прекратилось только в 1846 году, когда князь Давид Леванович Дадиан уничтожил крепостную зависимость для особ духовного звания. Зато черное духовенство стояло у мингрельцев достаточно высоко, и их чкондидели – епископ – являлся владетельною особою. По внешности своей мингрельцы, в особенности женщины, очень красивы, и хотя определенного типа не составляют, но ближе всех других подходят к грузинам и имеретинцам. По духовным свойствам это народ ленивый, малодетельный, но в то же время впечатлительный и обладающий музыкальными способностями.

Нельзя даже при кратком обозрении народов Кавказского края обойти молчанием армян, являющихся ныне истинными хозяевами этой страны.

Армения – древняя огромная страна, раскинувшаяся между Малой Азией и Каспийским морем, Персией, рекой Курой, Курдистаном и Месопотамией. Две трети этой древней страны принадлежат Турции, ничтожный клочок – Персии и остальная треть – северовосточная часть Армении – России. Армения имеет свою богатейшую историю. О ней упоминает еще Геродот; сами армяне называют свою родину центром Древнего мира и ведут свое происхождение от упоминаемого в Книге Бытия Гайка, сына Тогармы, себя же они называют от имени Арменона, сына Гайка, а также от имени Армения, одного из аргонатов. Как и все древнейшие страны, Армения еще в очень отдаленные времена пережила самое себя, и история отмечает только незначительные моменты ее самостоятельного существования. В древности Армения была под властью ассирийцев, персов, потом римлян, персов, греков, египтян (арабов), туркмен, снова персов и, наконец, османов. Не вынеся давления последних, армяне, как и евреи, разбрелись повсюду, но, как и евреи, сумели сохранить даже среди совершенно чуждых им народов свою национальность и свою веру. Они стали народом торговым и, являясь всюду чужаками, выработали особенный племенной эгоизм, превзойдя в этом отношении даже евреев, причем этот эгоизм усугубляется южною пылкостью; в конце концов, прекрасный сам по себе, богатейше одаренный народ стал малосимпатичным, а там, где он разросся, то даже и ненавистным для окружающих его других народов.

На этом мы и закончим настоящий очерк народов Кавказа и в дальнейших очерках, ввиду того что читатель в достаточной мере уже ознакомился и с древней историей Кавказа, и с исторической топографией края, перейдем к той борьбе, которая привела Русь в Закавказье и поставила ее бок о бок и с Ираном – Персией, и азиатской Турцией, и всей Средней Азией, покорение которой явилось прямым последствием покорения всего Кавказского края.

Очерк пятый Кавказ после великого Петра

*Вышли мы на широту
Из теснин, где шли доселе,
Всю творенья красоту
В пышной обрели Картвеле.
Вкруг излучистой Куры
Ясным днем страна согрета,
Все рассыпаны цветы
Щедростию лета...
Из Заволжья, из родного края
Гости, соколы залетны,
Покручали сумки переметны,
Долги гривы заплетая.
Наши камни, наши кручи,
Русь! Зачем воюешь ты
Вековые высоты?
Досягнешь ли? Вон под тучей
Двухвершинный и могучий
Режется из облаков
Над главой твоих полков!*

А. С. Грибоедов

Вступление Петра в Дербент

Русские живые волны так и разлились по Каспийскому привзморью, едва вступил на берег синего Каспия великий Петр. Твердыни Приморского Дагестана склонились к ногам русского царя-исполина, прокладывавшего путь Руси в далекую Индию. Впечатление, произведенное на дагестанцев появлением Петра, было громадное, разительное. Несмотря на то что о покорении Дагестана уже было сказано выше, позволим привести здесь еще несколько характерных подробностей этого события.

Первым этапом на пути к Дербенту были, конечно, Тарки, столица шамхальства. Шамхалом в то время был престарелый Адиль-Гирей, быстро понявший полную невозможность борьбы с русскими. К Таркам полки Петра подошли 12 августа 1723 года. Шли церемониально: грохотали барабаны, гремела музыка, реяли распущенные знамена. Великий Петр, в блестящей парадной одежде, ехал впереди полков на своем боевом коне. Несколько поодаль от него, в парадной карете, запряженной цугом, ехала Екатерина, тогда уже императрица.

За пять верст до Тарков шамхал на коленях встретил императора. Он целовал землю около кареты с императрицею.

Блеск парадных форм и внушительный вид петровских гвардейцев поразили азиатов, никогда ничего подобного не видавших. Они почувствовали силу – ни о каком сопротивлении не было и помину...

На третий день пребывания в Тарках, в праздник Успения Пресвятой Богородицы, после литургии в походной церкви Преображенского полка, Петр положил около нее на землю камень и приказал сделать то же самое и всем своим приближенным, и офицерам, и солдатам. Быстро вырос из камней холм, явившийся первым памятником появления царя-исполина в покоренном Дагестане, а спустя некоторое время, когда Приморский Дагестан стал уже неотъемлемым достоянием России, на этом самом месте явился Петровск – город и военный порт, заменивший собою столицу шамхальства – Тарки.

Вступление Петра в Дербент тоже произвело на дагестанцев неизгладимое впечатление. Современный историк Дербента, мирза Хедер Визеров, отмечает, что, когда Петр подъехал к дербентским воротам, чувствовалось колебание почвы, что дало возможность императору сказать встречавшим его дербентцам:

– Сама природа делает мне торжественный прием и колеблет стены перед моим могуществом!

Впрочем, при Петре, когда он был в Дербенте, кое-где произошли вспышки. Шайки лезгин грабили обозы, казикумыки даже попробовали напасть на русский редут около Дербента. Император приказал казачьему атаману Краснощекову «воздать по заслугам» мятежникам... Тот и «воздал». Подначальные ему донцы и калмыки обратили в пустыню мятежный край, и тогда, само собою разумеется, все успокоилось.

Дело великого Петра не заглохло после его отъезда из покоренного Дагестана. Распорядителем судеб этого края император оставил генерал-майора Михаила Афанасьевича Матюшкина. Из войск, подчиненных ему, образовался Низовый корпус, который впоследствии носил официальное наименование Персидского. Несколько спустя этот Низовый корпус явился колыбелью знаменитейших кавказских полков: Кабардинского, Куринского, Ширванского, Апшеронского, Дагестанского, Тенгинского, Навагинского, Ставропольского, покрывших Россию неувядаемой славой при покорении и умиротворении Кавказа.

Помимо регулярного войска прозорливый победитель Дагестана обеспечил и дальнейшее укрепление русского могущества в Предкавказье. Он воспользовался примером своего воеводы Апраксина, поселившего еще в 1711 году казаков в Предкавказье и образовавшего этим путем нечто вроде кордонной линии. По распоряжению Петра в основанную им

крепость Святой Крест переведены были все жившие по Тереку казаки, а на их место по рекам Сулаку и Аграхани поселены с семьями донцы, образовавшие впоследствии войско, известное под общим наименованием «семейных казаков». При первом же своем поселении эти военнопоселенцы образовали новое Аграханское казачье войско.

На прежних насиженных местах были оставлены только гребенцы, довольно решительно отказавшиеся от переселения и объявившие, что они лучше уйдут в Закубанье к некрасовцам, чем переселятся к терцам. Терять испытанное войско не приходилось, и вот гребенцы, аграханцы и терцы образовали первую правильную Терскую кордонную линию, явившуюся живою стеною, по одну сторону которой волновались и бушевали разрозненные народцы и племена Кавказа, а по другую – незыблемо твердо стояла Русь.

Благодаря образованию этой линии, все, что примыкало к левому берегу Терека, стало навсегда русским достоянием, и вместе с тем в руках русских оказывался естественный, вполне удобный и свободный проход по Привзморью в Закавказье, а оттуда и в Персию. С линии же зорко стерегли все выходы из гор и пресекали всякие попытки вторжения за Терек. Начало тогдашнего пути на Индию было открыто, и только смерть помешала царю-исполину выполнить заветную мечту – подчинить Руси и этот драгоценный край.

Что Петр думал об открытии дороги через Иран, свидетельствуют его инструкции Матюшкину, который по приказанию императора тотчас по его отбытии из Дагестана начал готовиться к экспедиции, имевшей своей целью занятие всего западного Каспийского побережья, причем первым пунктом, который должен был быть занят, являлся приморский город Баку.

Русь, таким образом, неудержимо стремилась вперед, а положение Персии в то время было таково, что без особых усилий и она, ослабленная внутренними неурядицами, могла стать достоянием великой России.

Политика Петра Великого была чужда всякого сентиментализма. Этот человек, сам богатырски могучий, был верным исполнителем непреложного закона природы: сильный преобладает над слабым. А Петр был так уверен в силах русских людей, что для покорения Каспийского побережья назначил отряд всего из двух пехотных батальонов, командиром которых поставил полковника Шипова.

И наделали же дел эти шиповские богатыри!

В ноябре 1722 года русские уже были в Энзелийском заливе, преспокойно высадились на берег и заняли Рящ, столицу Гилянской провинции. Все это было сделано спокойно, чисто, как говорится, без сучка без задоринки. Персы были ошеломлены вконец. Они отдали Рящ без малейшего сопротивления, а когда опомнились и потребовали, чтобы русские уходили, было уже поздно. Шипов укрепился на месте и приспособил к обороне каменный караван-сарай, обратив его в крепостцу. Русских была горсть, персов – и не сосчитать. Думая взять количеством, персы попробовали было штурмовать караван-сарай. Шиповцы отбросили их с таким уроном, что попытки прекратились. Тогда персы вздумали повести осаду, надеясь взять русских измором. Не тут-то было! По приказанию Шипова три роты произвели ночью вылазку: всего три роты, а персов было более 15 тысяч... Что же вышло? Шиповцы разделились и ударили на персов разом с двух сторон... Эффект произвели, однако, не пули, не штыки, а громовое русское «ура!». Только заслышав его, персы обезумели от страха. «Ура!» вспыхивало то здесь, то там, а в такой темноте нападавших не было видно. Обезумевшим иранцам казалось, что русские везде. В паническом ужасе они кинулись поражать друг друга, и это продолжалось вплоть до рассвета... Кто уцелел, бежал, а к утру на поле битвы лежали груды мертвых тел...

Более персы отряда Шипова не беспокоили.

Результаты этой победы были блестящи. В июле следующего, 1723 года было занято Бакинское ханство, за ним последовало занятие Ширванского ханства и персидских обла-

стей – Гилянской, Мазандаранской, Астрабадской. Петр, обрадованный таким успехом, произвел Матюшкина в генерал-лейтенанты. Особенно обрадовало царя занятие Баку.

«Оная составляет всему нашему делу ключ!» – писал он Матюшину, поздравляя его с победами. Впрочем, несмотря на эти победы, положение русских было непрочное. Персы и дагестанцы не осмеливались действовать открыто, но зато исподтишка не упускали случая чем только можно навредить русским. В Сальянах посланный туда отряд драгун под командою подполковника Зеймбулатова был встречен, как говорится, с распростертыми объятиями. Сальянский наиб Гусейн-бек кланялся до земли русским, но это нисколько не помешало ему, пригласив офицеров отряда на пир, варварски перерезать их, когда они менее всего этого ожидали. Остальные драгуны спаслись от смерти лишь тем, что, вовремя предупрежденные об убиении начальников, пробились к берегу залива и уже на судах уплыли в Баку. В Гилянской провинции персы тоже исподтишка прирезывали одиночных русских, и завоевателей было так мало, что «о воздаянии по заслугам», подобно краснощековскому, не приходилось думать.

Послепетровские успехи и неудачи

Смерть Петра Великого ободряюще подействовала на персов и дагестанцев. Они вообразили, что теперь, при столь прискорбных для России обстоятельствах, они без трудов прогонят русских. Адиль-Гирей, шамхал тарковский, возмущенный первым; в Гилянской провинции, начальником войск которой был назначен молодой сподвижник Петра Великого бригадир Василий Яковлевич Левашев, от осмелевших персов не было русским покоя. В Дербенте всюду раздавались угрозы вырезать русских, но богатыри продолжали держаться стойко. Эта стойкость их прямо производит впечатление чудес... Шамхал тарковский, уцмий каракайтагский и хан казикумыкский с двадцатипяти тысячным скопищем кинулись на Сулак, дабы разорить сулакскую линию. Их массовый удар обрушился на передовой Аграханский редут, ничтожный по своим укреплениям. Но нападавшие не осилили и его. Вылазки гарнизона привели их в беспорядок и заставили уйти ни с чем прочь.

Уйти ни с чем! В Аграханском редуте защитниками были всего пятьдесят пехотинцев и сто терских казаков. Таким образом, всего-навсего полтора человека разогнали двадцатипяти тысячное скопище горцев.

Вскоре после этой попытки к Матюшкину подошли подкрепления из России. Теперь уже беспрепятственно можно было «воздать по заслугам» тем, кто был того достоин. По приказанию Матюшкина полковник Еропкин разорил Тарки, а генерал-майор Кропотов выжег почти все аулы во владениях шамхала. Результатом такого «воздаяния» было то, что Адиль-Гирей явился сам с повинною и после суда, как государственный изменник, был сослан в Колу, звание же шамхала по высочайшему повелению было уничтожено.

Но это не улучшило положения русских в завоеванном крае. Надвигались сразу две грозы: одна с берегов Босфора, из Константинополя, другая из... Петербурга. Порта пользовалась внутренними беспорядками в Персии. Шах персидский Тохмасиб должен был одновременно бороться за власть с афганским ханом Эшрефом, завладевшим уже Испаганью, с Аббас-Кули-ханом персидским и самозванцами. Порта поддерживала всех претендентов на персидский престол в надежде, что тот, кто осилит, поможет вытеснить русских из Дагестана. В Петербурге судил и рядил дела хитроумный Остерман, а вершил их «счастия баловень безродный» Меншиков, против которого бессильна была теперь петровская дубинка. Меншикову персидские завоевания никакой личной выгоды не представляли, и он желал отделаться от них. Остерман, этот придворный политик, играл в руку всесильного Меншикова и доказывал, что возиться с Персией и Дагестаном не стоит. Все, что ни предпринимали на Кавказе Матюшкин, Левашев, Еропкин, Шереметев, прекрасно видевшие, как нужно действовать с азиатами, тормозилось петербургскими кабинетными стратегами, воображавшими, что с горцами и персами можно воевать точно так же, как со шведами, поляками и вообще европейцами. Матюшкин при таких обстоятельствах заболел и ушел в отставку, а на его место из Петербурга прислали престарелого петровского вельможу, усмирителя булавинского бунта, генерал-аншефа князя Василия Владимировича Долгорукого, который был назначен главнокомандующим.

Этот Долгорукий был человек независимых убеждений. При Петре еще он был в опале за сочувствие к царевичу Алексею Петровичу и, явившись на Кавказ, не считал нужным скрывать того, что он там нашел.

«Никогда такой слабой команды я еще не видал. Прошу для интереса государственного прислать сюда доброго и искусного командира», — писал он по прибытии в крепость Святой Крест в августе 1726 года. Немного поосмотревшись, в следующем сентябре он так характеризует кавказских начальников: «Здесьшний народ такой обычай имеет, чтобы командиры были везде генералы, то и боятся и в дело ставят, они того не знают, что генерал-майор

или генерал-поручик; где имя генеральское помянется, то и бояться, а ежели где полковник комендантом, хотя бы он какого сословия ни был, страху от него не имеют и в дело его не ставят и называют его маленький господин. Самая нужда быть добрым командиром на Сулаке и в Дербенте, понеже между Дербентом и Сулаком всех владельцев жилище. Меня отправили для исправления дел в здешних местах и дали мне полную мочь, чтобы я привел в доброе состояние и безопасность. Как возможно мне одному здешние дела в доброе состояние привести? В такой опасности Дербент и Сулак остается, что ни малой надежды нет, кроме милости Божией. Здешнего корпуса генералитет, штаб- и обер-офицеры без прибавки жалованья пропитать себя не могут по здешней дороговизне. Офицеры пришли в крайнюю нищету несносную, что уже один майор и три капитана с ума сбрили; уже многие знаки свои и шарфы закладывают; с начала здешнего похода беспрерывно здесь, кроме несносного здешнего воздуха, в великих трудах обретаются, беспрестанно на караулах, в партиях, на работах, а другие их братья – все служат в корпусе на Украине в великой выгоде и покое, а жалованье получают ровное; что на Украине купить на рубль, здесь на десять рублей того не сыщешь, и, по моему мнению, или в жалованье прибавку учинить, или офицерам с переменною быть; еще есть из перемены офицеров и государственная польза, коли офицеры обращаются в воинских случаях всегда в практике; какая польза – один служит, другие покоятся».

Очевидно, прозорливость Петра до некоторой степени передалась и его сподвижнику. Через три четверти века после того, как написал Долгорукий эти слова, Кавказ стал именно ареною воинских кровавых упражнений, в которых вырабатывались и высокий военный дух, и военное одушевление, и стойкость русских воинов.

Тем не менее положение русских в Кавказском крае было все-таки в то время плачевное.

«О здешнем Гилянском состоянии, – писал в Петербург Долгорукий в ноябре-декабре 1726 года, – доношу о воздухе, какой зной язвительный и нездоровый; к тому же солдаты пропитание имеют зело скудное – только хлеб и вода; к тому же и жалованья солдаты не получали одиннадцать месяцев; работы великия, партии непрестанные, труд несут несносный, а выгоды не имеют, лекарств я застал ничего нету, а коли отпускают лекарства ровно, как на другие полки, на Сулак и в Дербент, а сюда надлежит, по здешнему злому воздуху, отпускать втрое против других мест; к тому же лекарей мало зело комплекту нету; надлежит здесь быть дохтуру и аптекарю с полною аптекою, а другому дохтуру в Астрахани, понеже лазарет в Астрахани великий; к Сулаку из Дербени и из Баку присылаются больные – одному дохтуру как можно везде усмотреть! Лучше людей жалеть, чем денег на жалованье дохтурам и лекарям».

Наш историк С. М. Соловьев говорит, что Долгорукий, не дожидаясь распоряжений из Петербурга, велел выдать солдатам жалованье из местных сборов персидскою монетою по настоящей цене; по недостатку лекарств велел покупать вино, уксус и другие материалы. Кавалерию содержать было нельзя, потому что прокормление каждой лошади стоило в год около 40 рублей; травы не было, кроме осоки, лошадей кормили соломою и пшеном. В отношении казаков Долгорукий предпринял также совсем новый шаг. В русской войске были две иностранные роты: армянская и грузинская; каждому человеку в них выдавалось жалованье по 15 рублей; русских же казаков было 250 человек, и они служили без жалованья. «А между тем они служат больше и неприятелю страшнее, – писал Долгорукий императрице, назначив казакам жалованье в 10 рублей на человека. – Лучше своим дать жалованье! Правда, армяне и грузинцы служат изрядно, однако казаки отважнее действуют».

Таким образом, новый главнокомандующий в первое время вводил свои новые порядки, а в это же время Порта предложила России разделить между собою Персию, обуреваемую внутренними неурядицами и в особенности страдавшую от афганцев. Русские министры не приняли этого предложения. Тогда, вопреки предшествующим договорам, Порта

двинула свои войска в Персию; турки заняли Ардевилъ и приблизились к Гиляни, где были русские. Петербургские дипломаты и при таких обстоятельствах зачем-то нашли нужным сохранять неприкосновенность Персии, и послу в Константинополе Неплюеву приказано было сделать соответствующие представления.

«Удивительно предложение русское! – отвечал визирь Неплюеву. – Сами вы ничего не делаете и Порте советуете, чтобы сложа руки сидела. Порта берет города только затем, чтобы охранить их от похитителя престола шахова, афганца Эшрефа, и делает это по просьбе самих жителей. То же самое нужно делать и России, с своей стороны. Порта желает, чтобы персидские города были в русских руках, а не у Эшрефа, точно так же и Россия должна быть довольна, что Порта забирает персидские города, не допуская их в руки общего неприятеля, Эшрефа. Удивительно, что Россия желает видеть персидские области в руках Эшрефа, чем у турок, не соображая того, что Эшреф, утвердившись, отберет у России и Гилянъ, и Дербент!»

Неплюев, может быть, и понимал всю справедливость и разумность этих доводов, но волей-неволей должен был настаивать на переговорах с потерявшим престол шахом Тохмасибом. Визирь прочел еще более пренебрежительное наставление и согласился ждать четыре месяца, не приступая в этот срок к наступательным действиям.

За эту уступчивость визиря Порта жестоко поплатилась. Через четыре месяца усилившийся Эшреф разбил турецкие войска...

Почти то же, что и турецкий визирь, советовал российскому правительству и Долгорукий, прекрасно видевший на месте положение персидских дел, но его, конечно, не слушали...

«Видя турецкую слабость, не надо пропускать благоприятного времени и дать в силу войти туркам, – писал Долгорукий в Петербург после победы Эшрефа, – и в слабости турки вступают в наши провинции, а если бы они были в старой своей силе, то не посмотрели бы на трактаты; все по берегу Каспийского моря, что в нашу сторону надлежит, намерены они присовокупить к себе. Чего нам дожидаться, ежели ныне себе пользы не сыщем, а когда в силу войдут турки, то мы не только прибыли не получим в Персии – и старого удержать трудно. Иной надежды не находится, что в нынешнее благополучное время, согласясь, с кем надлежит, помянутых мнимых приятелей выгнать из Персии и самим в ней усилиться и утвердиться, и тем государственный убыток исправить...»

Речь, таким образом, шла о приобретении огромной среднеазиатской страны; эта страна как бы сама давалась в руки России, но обращения Долгорукого остались гласом вопиющего в пустыне...

Впрочем, действуя на свой риск и страх, Долгорукий присоединил к России Керчеруцкую область, Астарту, Ленкорань и Кизиль-Агич. Удивительный старик был этот сподвижник Петра! На седьмом десятке своих лет явился он на Кавказ и проявил юношескую бодрость. Когда ему понадобилось объехать вновь присоединенные владения, он в феврале 1727 года, в страшную распутицу, не задумался отправиться в путь верхом, имея при себе лишь одни походные выюки.

«Легко можно рассудить, что мой труд несносный, – писал он по этому поводу в Петербург, – на седьмом десятке в такое злое время такой дальний путь проходил по-калмыцки. От роду своего не видывал, чтобы кто в эти лета начинал жить калмыцким манером!»

В начале 1728 года Долгорукий, произведенный в фельдмаршалы, был отозван в Петербург, но номинально оставался главнокомандующим Низового, или Персидского, корпуса. Фактическая же власть перешла к более молодым сподвижникам великого Петра: генерал-майору Василию Яковлевичу Левашеву и генерал-лейтенанту Александру Ивановичу Румянцеву (отцу екатерининского героя Петра Румянцева). Первый начальствовал в Гилянах, второй – в Дагестане.

Тахмас-Кули-хан персидский, впоследствии знаменитый шах Надир, поддерживал восстановленного персидскими мятежниками самозванного сына умершего шаха, предшественника Тохмасиба, Измаила. Воспользовавшись отъездом Долгорукого, Кули-хан решил выгнать русских из Гилянской области. Без всякого предупреждения он двинул персидские полчища на Рязь. Сам он шел со стороны города Кескера, а Измаил – от города Лагиджана. Положение русских было критическое. Персы прямо могли задавить их своею численностью. Но Левашев был опытный воин. С ничтожным по количеству отрядом он выдвинулся вперед и стал как раз на пути, по которому сближались Кули-хан и Измаил. Первым показался Кули-хан. Не ожидая его нападения, Левашев со своим отрядом сам кинулся на него и одним ударом разбил наголову его полчища. Покончив с одним противником, русские обратились на полчища Измаила, но даром говорится, что от великого до смешного один шаг. Измаила и его скопища преследовал по пятам персидский визирь Карчи-Баша. Мятежники успели посторониться, и левашевцы прямо ударили на полки шаха, преследовавшие как раз того, против которого вышли на поле битвы русские. Вышло, таким образом, историческое: своя своих не познала. Удар был стремителен, произошла жестокая битва. Войско визиря было разбито наголову и бежало. Измаил тоже успел удрать. Победа не прошла безрезультатно: последствием ее было присоединение к русским владениям Лагиджана.

Но тотчас после этого русским пришлось встретиться с новым врагом: это были уже афганцы. Их хан Салдок грубо и надменно потребовал, чтобы русские немедленно ушли из Персии, очистив все уже присоединенные области. Левашев ответил тем, что послал на Салдок-хана майора Юрлова с отрядом в 50 человек. При виде новых врагов русскими овладело было смущение. Перед ними были совсем не жалкие персы, а природные воины, мощные, прекрасно вооруженные. Притом же афганцев было свыше 4 тысяч. Однако смущение владело русскими недолго. Они вспомнили, что перед ними все-таки азиаты, и, ничтоже сумняшеся, первыми ударили на них в штыки. Афганцы, дотоле никогда не слыхавшие массового «ура!», смутились и смешались еще прежде удара. Когда же юрловцы с разбегу натиснулись на них, они в паническом ужасе побежали, оставив на месте боя более шестисот трупов. Сам Салдок-хан, израненный, едва-едва не попал в плен.

Эти победы заставили притихнуть персов, но все-таки присоединение персидских областей не было прочным. И здесь, и в Дагестане то и дело вспыхивали мятежи. Особенно беспокойно было в Дагестане, где заводимые русскими порядки мешали исконному занятию горцев – разбоем и грабежом.

– Воровство и грабеж, – объясняли Румянцеву старшины горцев, – наши занятия, так же как ваши – соха и торговля. Грабежом жили наши отцы и деды, и если мы оставим их ремесло, как того требуют русские, мы погибнем от голода.

Никакие увещевания не действовали. Румянцев должен был сам совершать походы на разбойников, но и погромы и экзекуции не производили впечатления: массовые грабежи не прекращались.

Между тем на русский престол вступила императрица Анна Иоанновна. Ее правительство нашло нужным окончательно развязаться с персидскими делами. 21 января 1732 года был заключен Гилянский мир, по которому Персии были возвращены все завоеванные области, а за Россией осталась только полоса земли между Курою, Терекон с Дербентом и Баку. Персия между тем по-прежнему была истощаема внутренними неурядицами. Всесильный уже Тахмас-Кули-хан свергнул шаха Тохмасиба и, объявив повелителем Ирана новорожденного сына свергнутого шаха, стал через это неограниченным властителем Персии. Впрочем, Порта в это время не могла воспользоваться внутренними неурядицами Персии – в Константинополе происходили волнения, и османскому правительству было не до внешних дел. Однако оно все-таки воспользовалось уступчивостью русского правительства. Кабарда, страна Адыге отошли из сферы русского влияния; Имеретия и Грузия тоже начинали подпа-

дать под турецкую руку. Кочевавший в Предкавказье калмыцкий народ со своим ханом Дундуком-Омбо отложился от России и перешел под руку крымского хана. Вышло, что Бирон и его приспешники общипали Россию, лишив ее ни за что ни про что приобретенных ценою русской крови завоеваний.

Левашев должен был уйти в отставку после заключения Гилянского мира; Румянцев, возвратившийся ко двору, был сослан в казанские деревни за то, что с откровенностью солдата высказал мнение о том, что русские финансы не приходится все целиком тратить на придворные роскошества; князь Василий Владимирович Долгорукий только за то, что он был из семьи, пользовавшейся фавором в предыдущее царствование, был заточен в Шлиссельбургскую крепость. Главнокомандующим на Кавказ был прислан оклеветавший ложным доносом Долгорукого генерал-лейтенант принц Людвиг Гессен-Гомбургский, вояка такого сорта, что современник его, адъютант знаменитого Миниха Манштейн, в своих записках отмечает, будто он всегда старался находиться на почтительном расстоянии от неприятеля и обладал способностью заболеть, когда предполагалась решительная битва. Такой-то главнокомандующий и явился на Кавказ весною 1732 года предводительствовать войсками, в течение без малого десяти лет не знавшими ничего иного, кроме побед... Положение дел было таково, что и более талантливого человеку было бы трудно управляться со всеми неожиданностями, случайностями, явлениями, проистекавшими из самого хода дел. Горцы были ободрены уходом русских из персидских областей; для них это являлось прямым доказательством бессилия России. Затем со свойственной народам Востока проницательностью и хитростью эти полудикари сообразили, что новый главнокомандующий приходится совсем не по месту, а его офицеры с немецкими и английскими фамилиями сплошь никуда не годны. Дерзость горцев возрастала не по дням, а по часам. Разбои уже приняли характер партизанской войны. Русских – и солдат, и офицеров – убивали и замучивали чуть ли не на виду главной квартиры. Поднялось самое отчаянное и беспокойное из горских племен – чеченцы. Они то рассыпались по своим лесам, то скапливались в массы. Принц же бездействовал, засев в Тарках. Наконец один из привезенных им с собою иностранных генералов – генерал-лейтенант Дуглас, начальствовавший на Сулаке, должно быть, воин храбрый, хотя совсем незнакомый с условиями горской войны, – не вытерпел положения, становившегося позорным, и решил разгромить Чечню. К сожалению, он вообразил, что может действовать на основании правил и предписаний европейской стратегии. Чеченцы на первых же порах обманули его. Как только прошла весть о предстоящей экспедиции, все скопища чеченцев рассеялись. Успокоившийся Дуглас не пошел сам, а послал вместо себя с 500 солдатами привезенного принцем Людвигом полковника Коха. Тот пошел, забрался в непроходимые лесные дебри Чечни, и отряд был разгромлен так, что пришлось думать уже не о победах, а о том, чтобы уносить подобру-поздорову ноги... Одних только убитых в отряде Коха было 200 человек...

Впечатление этого поражения было таково, что горцы потеряли всякое уважение к русским, да и не одни горцы: крымские татары, действовавшие заодно с турками, тоже поняли, что у русских сильной руки на Кавказе нет.

Турция в это время искала поводов к разрыву с Россией. Порта по-прежнему вела войну с Персией, а так как регулярное ее войско было приготовлено на случай войны с Россией, то Порта кинула в Персию орды крымских татар. Крымцы никогда церемонными не были и уважали всякие трактаты и им подобные продукты дипломатии лишь тогда, когда почему-либо их нельзя было нарушить. В остальных случаях все дороги вели их к цели. Так было и в 1733 году. Хан крымский направил свои орды в Персию ближайшим путем – через занятый русскими Дагестан. Это была столь дерзкая наглость, что даже принц Людвиг возмутился и отдал приказание князю Волконскому и Еропкину преградить на Сунже путь татарам. Волконский был совершенный новичок в деле кавказской войны, но воин храбрый и решитель-

ный. С татарами – а крымцев было 25 тысяч – ему пришлось встретиться приблизительно около того места, где ныне стоит Горячеводск.

Отряд был разделен на три колонны. Колонна Волконского являлась передовой, Еропкин должен был поддерживать Волконского, принц с третьей колонной находился в резерве. Всего людей в отряде было 2500. Татары с ужасающей силой навалились на передовую отряд. Они давили русских своею массою. Соппротивление было невозможным, но Волконский не уходил, решившись погибнуть на месте. Был уже прорван левый фланг и дошло до рукопашной схватки. Гибель русского отряда представлялась неизбежною. В это время подоспел на место боя принц с пехотой. Но и его появление не изменило положения русских. Начиналась уже не битва, а бойня. Главнокомандующий бросил отряд и умчался в ужасе в крепость Святой Крест. В критический момент, однако, подоспел с привычными к кавказской войне солдатами Еропкин, предводитель опытный и знавший, чем воздействовать на азиатов. Он сперва было кинулся на татар с «ура!», но крымцы были привычны к боевому кличу русских. Отчаянный натиск не остановил их. Они продолжали ломить, прорывая то там, то тут слабую боевую линию. Еропкину при рукопашной схватке разрубили лицо, но он не покинул боя. Быстро сообразив положение нападавших и оборонявшихся, он увидел, что густейшие массы крымцев прут на левый фланг, где уже был прорыв. В одно мгновение против этого опаснейшего пункта поставлена была вся, какая только была при русском отряде, артиллерия, и по татарам открыт был жесточайший огонь. Это явилось полною неожиданностью для крымцев, уже торжествовавших победу. Русские ядра сразу произвели страшное опустошение в их рядах. Татары смешались, и в это время Еропкин бросил на них всех оставшихся в его распоряжении людей.

Эффект был поразителен. Массы, недавно с остервенением лезшие на изнемогавших русских, дрогнули и подались назад. Новый натиск, новое громоподобное «ура!» – и перевес был уже на стороне русских. Теперь они уже наступали, крымцы же, и прежде не выдерживавшие натиска, отходили все дальше и дальше. Еще несколько усилий – и они побежали...

Победа была полная. Двенадцать крымских знамен явились ее трофеями. Разбитые татары снова почувствовали на себе русскую силу, но принц Людвиг воспользовался этой блестящей победой очень своеобразно. Знамена он отправил в Петербург с реляцией о своих подвигах, а сам отвел войска за Сулак и без всякой нужды заперся в крепости Святой Крест, более не препятствуя проходу крымцев вовнутрь Дагестана...

Геройство русских воинов, очутившись в руках немецкого «стратега», пропало для России даром. Историк Кабардинского полка Зиссерман говорит по этому поводу следующее: «Ни один из предшественников немецкого принца, ни Матюшкин, ни Левашев, ни Румянцев, не заперлись бы в крепости, что было даже противно духу нашего войска. Боевые кавказские генералы не дали бы татарам опомниться и горячим преследованием заставили бы их рассеяться. Вышло же совсем иначе. Пока русские сидели в крепости, разбитые татары бросились на гребенские городки, полонили сотни русских людей, взбунтовали весь Южный Дагестан и даже пытались овладеть Дербентом. Три дня главные их силы бились под стенами этого города с небольшим отрядом полковника Ломана, но, будучи отражены, потянулись, наконец, к Шемахе, в персидские владения. Часть их с награбленною добычею пошла обратно в Крым и на реке Куме, повыше урочища Можар, столкнулась с полуторысячной партией донцов, шедших на Сулак под начальством атамана Краснощекова. На помощь крымцам подоспели десять тысяч калмыков, казаков-некрасовцев и закубанских горцев. Окруженный со всех сторон, Краснощеков устроил вагенбург и засел в засаду. Бой длился двое суток, а на третьи на помощь русским подошли кабардинцы, под предводительством одного из старейших владельцев своих – Бамата Курюника. Этот Курюник оказался шурином предводителя калмыков – Дундука-Омбо, и потому, свидевшись с ним, в тот же день стал уговаривать его пропустить казаков без боя.

– Русские идут на Сулак, а не на тебя, – говорил Дундуку Курюник, – тебе мой совет не ввязываться в чужое дело. Если же ты станешь драться заодно с татарами, то я стану за русских!»

Угроза эта подействовала. Дундук, отложившийся перед тем от подданства России, теперь искал случая опять войти в соглашение с русским правительством и заслужить благоволение русской государыни. Он послушался Курюника и отошел. Татары и закубанцы сняли немедленно осаду. Краснощеков беспрепятственно достиг Сулака.

Принц вдруг расхрабрился с прибытием донцов; он даже нашел теперь возможным предпринять кое-какие меры против бунтовавших дагестанцев и послать Еропкина хорошенько проучить уцмий каракайтагского, наиболее упорного из мятежников. Еропкин исполнил поручение. Столица уцмийства – считавшийся неприступным аул Башлы – был взят и разорен.

После такого урока горцы присмирели, но упущенное уже нельзя было вернуть: крымцы-татары наводнили весь Дагестан, да на подмогу им шел туда же с новыми ордами сам крымский хан. При первом же известии об этом расхрабренный было принц опять притих, но тут совершенно неожиданно у хана оказался враг, исполнивший то, что должны были бы сделать русские. Этим врагом крымцев явились чеченцы. Они преградили путь хану в горном ущелье, ныне носящем название Ханкальского, за Сунжей, и почти истребили весь надвигавшийся татарский отряд. Памятником этой победы чеченцев над грозным ханом явилась поставленная ими в ущелье башня Хан-Кале, от которой получило свое наименование и самое ущелье.

После всего этого даже в далеком Петербурге главари господствовавшей тогда при дворе немецкой партии поняли, что принц Людвиг совершенно не годен для роли главнокомандующего на Кавказе, и поспешили его убрать оттуда, заменив его предшественником Василием Левашевым. Сразу же дела пошли на иной лад. На военные экзекуции Левашев не скупился. Малейшее поползновение к мятежу – и сейчас же являлся к волнующимся Еропкин с военными командами. Всякие сентиментальности были оставлены. Когда на Самуре попробовали было забунтовать горцы, Еропкин выжег четырнадцать аулов, и, конечно, от мятежа не осталось и следов, но все-таки дни пребывания русских в Дагестане были сочтены. России грозила война с Турцией, и потому русские дипломаты спешили поскорее развязаться с Персией. 10 марта 1735 года в Ганже (Елисаветполе) русским послом Голицыным был заключен с Персией мир, по которому Тахмис-Кули-хану, будущему шаху Надиру, были возвращены все города и области, завоеванные у персов Петром Великим, русская граница отодвинулась на Терек, где была основана на левом берегу новая крепость Кизляр; крепость Святой Крест была уничтожена, а терцы и аграханцы переселены с Сулака на Терек.

Русь вернулась в прежние свои границы. Все дело великого Петра пошло насмарку...

На Кубани и на Тереке

В 1736 году весною началась война с турками. Персы сидели смирно, на Тереке тоже не было военного дела, исключая разве мелких схваток с лезгинами и чеченцами. Зато полилась кровь на Кубани. Как только открылись военные действия, в Предкубанье явился со своими страшными воинами калмыцкий хан Дундук-Омбо, примирившийся с русским правительством и действовавший теперь в качестве союзника России. Калмыки явились с Егорлыка, прошли за Кубань и в верховьях Урупа вырезали поголовно все мужское поселение в становищах ногайцев. Покончив здесь свое кровавое дело, Омбо двинулся на Зеленчук, усиленный казаками, пришедшими к нему с Дона и Терека. Страх перед калмыцким нашествием был так велик, что ногайцы, 10 тысяч кибиток которых стояли в верховьях Зеленчука, поспешили передаться в русское подданство и спасли себя тем, что немедленно выселились в русские пределы – на Куму и Терек. Верная добыча ускользнула от Омбо, но калмыцкий хан нашел другую. Со своими калмыками, донцами и терцами он прошел по всей Кубани, от истоков ее до устья. На это ему понадобилось всего четырнадцать дней! В две недели богатый, густо населенный край был обращен в пустыню. Огонь истребил все города, становища и аулы. Турецкая крепость Копыл, где пребывали турецкие сераскиры, была разрушена до основания. Подвернувшиеся на пути калмыкам станицы некрасовцев были разорены и сожжены. Каково было разорение края, лучше всего свидетельствует тот факт, что после ухода Омбо некому было прибирать валявшиеся трупы...

Весною следующего, 1737 года Дундук опять побывал в Закубанье. Ничто, никакие силы турок не могли остановить калмыков. Янычары, лучшее турецкое войско, некрасовцы, храбрецы, каких немного, бежали в ужасе перед калмыками в плавни Кубанского устья. Богатейший турецкий город Темрюк не смогла защитить его крепость, снабженная превосходной артиллерией. Калмыки не оставили в этом городе камня на камне, а гарнизон крепости, состоявший из янычар, был весь вырезан. Черкесские племена адыге спаслись от истребления лишь тем, что ушли в горы, куда калмыки не могли проникнуть. Императрица Анна Иоанновна была так довольна этою деятельностью Дундука-Омбо, что пожаловала ему соболью шубу и драгоценную саблю.

Едва только кончилась турецкая война, как левому флангу, то есть русским на Тереке, пришлось встрепенуться. Тахмас-Кули-хан, вступивший на персидский престол под именем Надир-шаха, вдруг поднял военное могущество Персии. Это удалось ему сделать удачным походом в Индостан против Великого Могола: Индостан был покорен персами; при взятии столицы Великого Могола – Дели – погибло 200 тысяч человек. Успех вскружил голову Надиру. Новый Навуходоносор совсем обезумел.

– Стоило мне ногой лягнуть, – говорил он, – и вся Индия рушилась с престолом Великого Могола! Если обеими ногами лягну, весь свет в пепел обращу...

В конце концов этот шах стал думать о покорении России...

Русский резидент в Персии Колюшкин доносил, что шах, однажды разговаривая с ханом афганцев, вдруг начал кричать:

– Персия скверная, достойна ли ты такого великого государя иметь! Един Бог на небе, а мы – единый государь на земле, ибо ни один монарх на свете о нас без внутреннего страха слышать не может. Если бы мы теперь саблю нашу на Россию обратили, то легко могли бы завоевать это государство, но оставляем его в покое по той причине, что нам от этого завоевания пользы не будет: в России больше казны расходуется, чем сбирается, о чем я подлинно знаю, следовательно, надобно такое государство искать, от которого была бы прибыль.

Однако задор шаха прошел, как только он получил известие, что к Кизляру идут русские полки. Не осмелился он пойти и на Турцию, воевать с которой он хотел ради религиоз-

ных целей. Зато он кинулся на Дагестан, и лезгины жестоко проучили «грозу вселенной». Ни одной победы не одержал Надир в борьбе с народами Нагорного Дагестана. Напротив того, в кровопролитной битве с андаляльцами под аулом Чох в 1745 году андаляльские женщины, явившись на помощь бившимся с персами своим отцам, мужьям и братьям, решили участь битвы: персы при неожиданном появлении андаляльянок бежали, несмотря на то что они одною своею численностью могли бы задавить горцев.

Надир должен был спешно отступить от Аварских гор.

Об этом походе шаха Надира на Дагестан сохранилось следующее народное предание, рассказывающее о попытке Надира овладеть Чохом, аулом андаляльцев.

Вот это предание:

Словно тучи в день осенний,
Надвигаются иранцы.
Как на дне морском песчинок,
Сосчитать их невозможно.
Слышен рокот, словно волны
Разлились живого моря,
Разлились – вот-вот затопят
Наши горы, наши гнезда!
Блещут ратные доспехи,
Копий вырос лес дремучий, —
То идут на нас афганцы,
С ними курды и трухменцы;
Посредине выступают
Силачи мазандеранцы;
Эта шахова пехота
Все с лица земли стирает!
Перед нею врассыпную,
Но готовые для битвы,
Идут стройные красавцы —
То стрелки Адербейджана.
Весь Иран на нас поднялся —
Реют шаховы знамена!
Столько их, что даже мулла
Не сочтет с утра до ночи...
Все равнины на предгорьях
Затопили орды злые.
Во главе их всепобедный
Шах-Надир – гроза вселенной.
С ним Шах-Ман, изменник подлый,
От которого и дети,
Сыновья его, любимцы,
Отказались навеки.
Изгнан был Шах-Ман презренный.
На родимые аулы,
Ради мести за обиду
Он привел теперь иранцев.
Пусть проклято будет чрево,
Что его в себе носило!

Пусть сосцы прокляты будут,
Что изменника вскормили!
Пусть его презренной кровью
И кинжал не обагрится!
Пусть умрет он, как собака,
Проклинаемый в аулах!
Надвигаются иранцы.
Вот пред ними наши горы...
Топот ног людских и конских
Заглушает рев потоков.
Ой, беда! Родные горы!
Как бы с места вас иранцы
Не подвинули, чтоб в море
Побросать вас вместе с нами!
Вот пришли... Пришли и стали.
Шах-Надир с Шах-Маном подлым
Из долины смотрят зорко
На утесы, на вершины.
Говорит Надир Шах-Ману:
«На подоблачных высотах,
Где орлы одни летают,
Вижу я людей каких-то.
Верно, страх передо мною,
Пред моей великой силой,
Нет которой равной в свете,
Их загнал на эти кручи!»
Отвечал изменник шаху,
Потупляя долу очи:
«Нет, не страх туда загнал их
Пред твоей великой силой!
Страх сердцам их неизвестен,
Битва – радость им и счастье...
Берегись, повелитель:
Там ты видишь андаляльцев.
То гнездо над облаками
Не орлам приютом служит —
Чох аул-то андаляльский.
Берегись, гроза вселенной!»
Шах-Надир, гроза вселенной,
Услыхав ответ Шах-Мана,
Засмеялся, словно шутку
Он веселую услышал.
«Не смей, — в ответ промолвил, —
Разве есть на белом свете,
Кто противиться мне мог бы,
Повелителю вселенной?
Сокрушу я андаляльцев,
Так, что память их исчезнет!»
И, сказав такое слово,

Он послал спросить в аулы:
«Что за мыши это лезут
На моих котов иранских?»
И владыке полумира
Отвечали андаляльцы:
«Погляди, шиит презренный,
На своих ты куропаток,
Что осмелились подняться
На орлов из Лезгистана!»
И тогда вскипела битва.
Загремели наши ружья,
Засверкали наши шашки,
Полилися реки крови.
Лезут на горы иранцы,
Нет числа их ратной силе,
Но пред ними оживают
Камни, скалы и утесы.
Из-за них бойцам навстречу
Смерть холодная несется,
Но их столько, что и смерти
Подбирать их не под силу.
Добрались до нас... Стеною
Встали мы живой пред ними,
И схватились грудь с грудью
Мы с иранскими бойцами.
Солнце вышло, и на солнце
Сталь каленая сверкает.
И заржавели кинжалы
От иранской подлой крови.
На горах другие горы
Поднялись высоко к небу, —
То тела бойцов Надира,
Павших в битве перед Чохом.
Полдень знойный, андаляльцы
Не отдвинулись ни шагу
И стоят средь грозной сечи
Пред иранскими бойцами,
Что по воле Шах-Надира
На смерть идут неотступно,
Как гранитные утесы
Пред морским прибоем в бурю.
Но и капля долбит камень!
Лишь один Аллах всемогущ,
А людским ничтожным силам
Им положены пределы.
Андаляльцы все на месте —
Взад не двинулись ни шагу,
Все остались, но немного
На ногах средь них стоящих.

Большинство легло, как ветром
В ниве сбитые колосья.
В дикой радости иранцы
Заревели, словно звери!
Верх за ними остается!
Погибают андаляльцы...
Ждать им помощи откуда?
Разве только от Аллаха!
Но и тот разгневан, верно,
А не то такой победы
Он отверженцам-шиитам
Никогда не даровал бы!
Шах-Надир уже ликует.
Конь под ним арабской крови,
Разукрашенный, как в сказке,
Удила грызет свирепо.
А Шах-Ман главой поникнул:
Знать, ему под броню в сердце
Заползла змеею совесть,
Заползла и душу точит.
Говорит Надир, надменно
На изменника взгляд кинув:
«Поглядим-ка мы на дерзких,
Что противиться нам смели!»
Тронул он коня и скачет.
Визирь скачет вслед за шахом,
И блестящая вся свита
Потянулася за ними.
Вдруг – о, ужас! – что такое?
Потемнел Надир... Он видит,
Что к бойцам последним помощь
Из аула подоспела;
Видит, будто в пять раз больше
Стало сразу андаляльцев.
И опять бой затихавший
Загорелся с силой ярой.
Что за воины такие?
Место им не в жаркой сече...
Не отточенную шашкой
Наносить им людям раны.
Нет! Не шашкой... Поцелуем
Им разить сердца людские
И в гаремах им любовью
Услаждать бы жизнь на свете!
То не мужи, что для битвы
Родились и с колыбели
Приучались с врагами
В жаркой схватке биться насмерть,
Андаляльские то девы,

Жены, матери и вдовы
В миг последний на подмогу
В бой кровавый поспешили.
Умереть они готовы
С теми, кто был дорог сердцу.
Только б смерть их подороже
Обошлась врагам свирепым!
Блещут шашки и кинжалы
В их руках, что лишь недавно
В праздник светлый и веселый
Бубны звонкие держали,
И не песня – клич свирепый
С уст срывается их нежных.
Будто смерть сама несется,
Предводительствуя ими.
Сонм ли гурий, злые ль духи
Появились столь неожиданно?
Распознать того не могут
Пораженные иранцы.
Опустились их руки,
Робость их сердца объяла,
Вместе с нею смертный ужас
Помрачил их слабый разум.
Миг еще – они шатнулись...
Миг еще – и в беспорядке
Побежали вспять от Чоха
Все бойцы Надира-шаха.
Шах-Надир глядит на битву
И глазам своим не верит:
Как напуганное стадо,
Орды катятся от Чоха;
Побежали вспять афганцы,
Что закованы в железо,
Понеслись азербейджанцы
С наших гор быстрее ланей.
Силачи мазандеранцы
Покатились за ними;
Курды, лазы и трухменцы
С диким гиканьем помчались...
Удержать их невозможно,
Даже шаховых велений
Беглецы в испуге диком
На пути своем не слышат.
Вслед им смех несется женский,
Смех и радостный, и звонкий...
Всемогущему Аллаху
Похвала гремит несмолчно.
Со стыдом от андаляльцев
Шах ушел в Иран свой бедный.

Был слабейшими руками
Посрамлен гроза вселенной.

(Стихотворная передача этой легенды исполнена А. Эльским.)

Эта битва происходила в 1742 году. Здесь кстати сказать, что упоминаемый в легенде Шах-Ман был далеко не презренный человек. Напротив, Шах-Ман, один из богатых аварских владельцев, был крупной величины общественный деятель. Он задумал провести благодетельные для Дагестана реформы: объединить все племена, смягчить нравы путем уничтожения грабежа, но, видно, тогда время еще не подошло для задуманных Шах-Маном реформ. Отчасти ему удалось сделать кое-что, но горцы никак не могли примириться с невозможностью прибегать к грабежу и насилию.

Они изгнали Шах-Мана, и во главе подготовивших это изгнание были его сыновья. Через три года Шах-Ман повел на родные горы персов.

Нельзя сказать, чтобы и сами дагестанцы не были без греха при этом нападении шаха Надира. При первых битвах персы постоянно побеждали их. Одна битва произошла при Чир-Викиате, но здесь победителями вышли дагестанцы. Они захватили предводителя персов Курбана, брата Надира, и сожгли его живым. Это так озлобило шаха, что тогда-то он порешил завоевать весь Дагестан, а на том месте, где сожжен был Курбан, сделать холм из голов дагестанцев. Это было исполнено. Затем с несметными полчищами Надир тронулся на Дагестан и покорил его. Осталось непокоренным только жившее в Обоих горах племя андалейцев, с которыми персы и встретились под аулом Чох, в долине, омываемой горной речкой Орди-Ором. Поражение персов было полнейшее.

Шах-Ман кончил благородно. Он сам явился в родной аул в полном вооружении и объявил там собравшемуся народу, что он был оскорблен несправедливостью и привел персов ради отмщения. Теперь, удовлетворив мстительное чувство, он не находит себе цели жизни, просит своих земляков убить его, но вместе с тем требует, чтобы были казнены и его сыновья, осмелившиеся пойти против родителя.

И просьба, и требование Шах-Мана были удовлетворены. Поражение под Чохом угрожающе подействовало на Надира. Историк говорит, что он плакал от досады при этом отступлении. По ночам он выбегал из гаремных палаток в свой шатер и сидел там часа по два, по три, придумывая, кого бы ему казнить. Иногда он кричал, что счастье покидает его, но он, вопреки судьбе, овладеет Дагестаном, хотя бы ради этого ему пришлось потерять все свое войско. Однажды он призвал к себе индийского факира, чтобы тот предсказал ему будущее.

«Напрасно он столько труда принимает, – писал по этому поводу в Петербург Коллюш-кин, – потому что и без волшебства знать можно, что он скорее все свое войско потеряет и сам пропадет, нежели лезгинцев покорит».

Такой сосед представлял опасность для России. При очевидной ненормальности Надира можно было ожидать внезапного вторжения персов в Предкавказье. Приняты были меры. На Терскую линию в качестве командующего ею был прислан уже прославивший себя на Кавказе подвигами генерал Еропкин; с Волги и с Дона были приведены войска, в Астрахани принялись за сооружение флота для Каспийского моря. Последнее явилось следствием того, что около Надира явился некий англичанин Элтон, который, подстрекая его к нападению на Россию, приступил к сооружению военных судов, пригодных для плавания по России.

В 1747 году в Персии вспыхнул мятеж, и Надир был убит своим племянником Али-Кули-ханом. Эта смерть положила конец тревогам на Тереке. Пригнанные туда из России полки были возвращены обратно, и Кавказ замер вплоть до вступления на престол императрицы Екатерины II.

Слово «замер» вовсе не значит здесь, что на Кавказе царили тишь да гладь да божья благодать. Ничего подобного не было. Лилась кровь, происходили и мелкие схватки, и крупные битвы, но прекратилось наступательное движение Руси, и борьба шла лишь за то, чтобы русским людям удержаться на насиженных местах.

Ареною этой борьбы была Терская линия, на которой жили гребенские, кизлярские и терско-семейные казаки. Против них были тавлинцы-лезгины, чеченцы и обе Кабарды, признанные по договору с Турцией в 1739 году нейтральными, но подпавшие под влияние турок настолько, что древнее христианство здесь заменилось мусульманством, и кабардинцы из друзей и союзников русских стали их заклятыми врагами.

Это касается Терской линии.

На западе, в Предкубанье, от Еи, Дона и Маныча до подножия Кавказских гор свободно кочевали дикие орды ногайцев, калмыков, порою тоже набрасывавшихся на пограничных казаков.

Позволим себе вкратце резюмировать все то, что сказано в предыдущих очерках относительно пограничной Терской линии. Первыми поселенцами здесь были гребенские казаки, и первоначальное устройство линии должно быть отнесено к 1711 году, когда генерал-адмирал Апраксин поселил по левому берегу Терека сперва часть гребенских казаков, а затем казаков, вызванных по повелению Петра с Дона вместе с семьями. Эти последние казаки с присоединившимися к ним впоследствии казаками, приведенными с Дона атаманом Краснощековым, основали Терско-семейное казачье войско. Сперва поселенцы в местности, которая впоследствии составила Кизлярский уезд, поставили пять станиц: Новогладовскую, Шадринскую, Старогладовскую, Курдюковскую и Червленую; приведенные Краснощековым семейные донцы прибавили еще станицы Кургалинку, Дубовскую и Бороздинку, находившиеся по Тереку между Кизляром и станицами гребенских казаков и образовавшие вместе с последними Терскую пограничную линию. Поселенные здесь казаки постоянно пополнялись как новыми выселенцами из России, так и пристававшими к ним татарами и горцами, принимавшими православие.

В сравнении с тою задачею, которая сама собою создалась для них удерживать горцев от вторжений, пограничных или «линейных» — как их тогда стали называть, — казаков было мало, но зато жизнь, полная постоянных опасностей, выработала из них людей, каждое мгновение готовых к борьбе, для которых всякая боевая схватка, всякая смертельная опасность представлялась забавою. Даже как будто образовалась особая порода воинов, которые всю свою жизнь, с детского возраста и до преклонной старости, были готовы ко всяким опасностям.

И отношения начальников к линейным казакам были совсем иные, чем в других войсках. Начальство смотрело на линейного казака как на боевого товарища, а вовсе не как на живую и дешево стоящую машину для истребления врагов России. Обе стороны связывало взаимоуважение, а это вело лишь к тому, что начальники и подчиненные, проникнутые одним духом, составляли общее целое и могли выдерживать непрерывный напор горских народцев, никогда спокойно не сидевших в своих ущельях и подоблачных гнездах.

В Петербурге во все время царствования императрицы Елизаветы Петровны Кавказом мало или, вернее сказать, совсем не интересовались. Али-Кули-хан, занявший престол Надир-шаха, не беспокоил Россию. Не до того ему было в то время. Персию продолжали раздирать внутренние неурядицы. Али-Кули-хан, убив дядю, перерезал всех наследников. Только старший сын Надира успел бежать и скрылся в Австрии при дворе императрицы Марии-Терезии, где и принял крещение. Тем не менее против Али-Кули-хана не прекращались восстания, и он не только не думал о войне с Россией, но даже должен был оставить без внимания Грузию, для которой как будто вернулись счастливые времена.

Грузия накануне своего конца

Грузия действительно как будто начала переживать новую эпоху.

Под влиянием персов некоторая часть ее высших классов восприняла обычаи завоевателей, их культуру, но большая часть грузин по-прежнему тяготела к России. Однако это тяготение было тайное. Грузинская самобытность исчезала, и многие знатнейшие грузинские роды переселялись в Россию, дабы там сохранить себя от персидского и турецкого давления, путем которого туркам удалось почти окончательно подчинить себе Имеретию, Мингрелию, Гурию, Сванетию, не говоря уже об Абхазии, стране Адыге и обеих Кабардах.

Несмотря на подчиненность этих областей туркам, ядром Грузии все-таки оставались Кахетия и Карталиния.

В то самое время, когда Россия переживала прутский погром и его последствия, царем Грузии был знаменитый Вахтанг VI (1711–1724), мудрый законодатель и политик, истинный христианин в душе, только путем насилия обращенный в магометанство. Он воссоздал грузинскую письменность и литературу, дал своему народу точные уголовные и гражданские законы, сделал очень много для восстановления и распространения христианства, но конец его царствования не был счастливым. Турки, подчинившие себе Имеретию, нахлынули с завоевательными целями и в Грузию. Грузины не были в состоянии дать энергичный отпор завоевателям. В 1724 году грузинские войска были разгромлены турками, и Вахтанг был принужден бежать в Россию, где надеялся найти помощь у императора Петра Великого. Но он уже не застал в живых покорителя Дагестана и сам умер в один год с ним. Грузия же в 1729 году была объявлена турецким владением.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.